

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ
Я. П. ПОЛОНСКАГО

ВЪ ПЯТИ ТОМАХЪ.

Издание просмотрѣнное авторомъ.

Съ двумя портретами, гравированными на стали

Ф. А. Вронгаузонъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1896.
Издание А. Ф. МАРНОА.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Ср., Подъячск., № 1.

	СТРАН.
1870—1875 гг. С.-Петербургъ	1—155
1875—1880 гг. С.-Петербургъ	156—311
1880—1885 гг. С.-Петербургъ. —Одесса.	312—354
1885—1890 гг. С.-Петербургъ	355—453

ВЛОЖИ СВОЙ МЕЧЬ*).

(Нѣмецкому народу).

Не даромъ создалъ ты порядокъ полный силъ
И воспиталъ въ себѣ отвагу:
Твой врагъ, какъ плѣнникъ,—отдалъ шпагу,
Какъ императоръ—скипетръ уронилъ;
Во всеоружіи ты всталъ и отрезвилъ
Войнолюбивое, слѣпое племя,—
И опасенія свои угомонилъ:—
Такъ, *совершилъ ты все, что подсказало время.*
Довольно! зло войны должно имѣть предѣлъ...—
И если слава—твой удѣлъ,
Ты будешь истинно великою державой,

*) Писано во время осады Парижа въ 1870 г.

Гнушаясь варварскою славой
Надъ пепломъ городовъ, среди кровавыхъ тѣлъ...

«Довольно!!» говорили мы,
Съ младенчества тобой повитые умы,
Недальповидные сосѣди,—
«Довольно пороху, калёной стали, мѣди,
Свинцу и чугуна,—ихъ гулъ, ихъ дымъ и громъ
Сливаютъ рѣки слёзъ съ побѣднымъ торжествомъ;
Твой трофей—символы печали,
Тоски и ужасовъ».—«Довольно!»—воскликали
Всѣ, для которыхъ идеаль—
То челоуѣчности,—то правды,—то свободы—
Ты такъ роскошно въ блескъ и звуки облакалъ,
Когда къ лобзанью призывалъ
Устами Шиллера весь мѣръ и всѣ народы.

.....
Всѣ измѣнилось!—

Юноши твои

Уже не жаждутъ міровой любви,
Искусство ихъ—военное искусство...
(Наука съ увлеченьемъ пушки леть...)
.....
И тотъ лишь у тебя великій патріотъ,

Кто, изъ презрительнаго чувства
 Къ другимъ народамъ,—говорить,
 Что самъ Господь тебѣ велить
 Востокъ и Западъ онѣмечить!

.

Съ почетомъ принялъ ты подѣ свой покровъ того,
 Кто могъ—и смѣлъ тебѣ недавно поперечить,
 Кто думалъ произволь собой увѣковѣчить

И наль отъ произвола своего,—

Съ почетомъ принялъ—и,—клеветами его
 Обезоруженный, народъ пошелъ калѣчить.

Вѣнчая славою безиравственнѣй успѣхъ,

Инстинктамъ дикаря послушенъ,

Тенерь ты, какъ палачъ, стоишь въ виду у всѣхъ,

И къ воплямъ жертвы равнодушенъ.

Ты ей на горло наступилъ,

Ты въ ней одобрилъ духъ измѣны,

Ты, какъ на плахѣ, раздробилъ

Ея тренещущіе члены...

На мертвыя тѣла жѣнь, стариковъ, дѣтей

Косаясь, внесешь ли ты въ Парпжъ грабежъ повальный

Или почтншь ихъ тризной погребальной

И лицемѣрнѣй гимпъ споешь Царю царей?!...

О, просвѣщеннѣйшій народъ!
 О, нашъ великій просвѣтитель!
 Знай, если Франція падеть,—
 Съ ея могилы встанетъ мститель.
 Онъ проскользнетъ къ тебѣ, какъ змѣй,
 Онъ дастъ тебѣ понять всю силу
 Полураздавленныхъ идей,
 Непомѣстившихся въ могилу...
 Онъ,—Немезида нашихъ дней,
 Тебѣ,—едва лишь изъ трофеевъ
 Ты выкроишь вѣнки для всѣхъ своихъ страстей,—
 Руками тысячи пигмеевъ
 Разставить тысячи сѣтей...
 И если ты—хоть это знаешь,
 Свои надежды возлагаешь
 На мудрость собственныхъ дѣтей,—
 Чтобъ эта мудрость не зачахла,
 Скорѣй вложи твой мечъ и руку ту отмой,
 Которая грозой пороховой,—
 Кровавымъ запахомъ пропахла...

ЗА НЕПОГРѢШИМОСТЬ.

1.

Простительно не понимать,
Что даже солнце не безъ пятенъ;
Но... Боже! вамъ ли утверждать,
Что новый догматъ непонятенъ!
Что папа Пій непогрѣшимъ,
Что эта истина внѣ спора,
Пускай объ этомъ спорить Римъ,—
Не спорьте, милая синьора!

2.

Конечно, пышно онъ живетъ,
Рабы,—льстецы—куда ни взглянетъ...
Но въ наше время свой народъ
Благословлять кто жъ даромъ станетъ!

Ему нѣтъ нужды взятки брать,
 Всегда за деньги душу вора
 Онъ можетъ прямо въ рай послать...—
 Не спорьте, милая синьора!

3.

Ужъ онъ одряхъ,—все больше спитъ,
 Кровь еле двигается въ жилахъ,
 И, потерявши аппетитъ,
 Служить мамону онъ не въ силахъ.
 Скажите же еретикамъ,
 Въ отвѣтъ на ихъ протестъ проклятый,
 Что даже,—даже по лѣтамъ
 Непогрѣшимъ нашъ Пій девятый.

4.

Чтобъ всепрощенье получить
 За кой-какія увлеченья,
 Попробуйте его плѣвить
 Лукавой пѣгою смиренья,
 Наединѣ оставшись съ нпмъ...
 Вы сами скажете, синьора,

Что онъ, хоть брось, непогрѣшимъ,—
Непогрѣшимъ и безъ собора.

5.

Когда попы ему кадятъ,
А туфли барыни лобзаютъ,
Когда толпы, за рядою рядъ,
Предъ нимъ колѣни преклоняютъ,
Онъ завистью не одержимъ:
Такихъ, какъ онъ, найдешь не скоро,
И въ этомъ онъ непогрѣшимъ,—
Непогрѣшимъ и безъ собора.

6.

Онъ собственнаго ничего
Своимъ умомъ не созидаетъ,—
Небесный голосъ до него
Черезъ иезуитовъ достигаетъ:
Рѣшатъ они, что онъ рожденъ
При кликахъ ангельскаго хора,
И онъ повѣритъ,—ибо онъ
Непогрѣшимъ и безъ собора.

7.

Конечно, властенъ онъ проклясть,—
 Но такъ какъ онъ не простираетъ
 На дураковъ такую власть,
 А умныхъ только раздражаетъ,
 То въ чемъ же зло! Благословямъ
 Безвредность папскаго задора...
 И въ этомъ онъ непогрѣшимъ,—
 Непогрѣшимъ и безъ собора.

8.

Всѣхъ римскихъ догматовъ вѣнецъ—
 Последнй догматъ: папа римскй,
 Непогрѣшимый, какъ мертвецъ,
 Достоинъ славы херувимской.
 Такъ суждено,—должно такъ быть:
 Кто подъ грѣхами изнеможетъ,
 Тотъ,—еслибъ и хотѣлъ грѣшить,
 Увы! грѣшить уже не можетъ.

* * *

Когда я былъ въ неволѣ,
 Я помню, голосъ мой
 Пѣлъ о любви, о славѣ,
 О волѣ золотой,—
 И узники вздыхали
 Въ оковахъ за стѣной.

Когда пришла свобода,
 И я на тотъ же ладъ
 Пою,—меня за это
 Клевещуть и язвятъ:
 Тюремныя все пѣсни
 Поешь ты, говорятъ.

— Когда ты былъ въ неволѣ,
 Ты за своей стѣной

Могъ пѣть о лучшей долѣ,
О волѣ золотой,—
И узники вздыхали,
Внимая пѣсни той!

Теперь ты, братъ, на волѣ
Другія пѣсни пой,—
Пой о цѣпяхъ, о злобѣ,
О дикости людской,—
Чтобъ мы не задремали,
Внимая пѣснѣ той.

ВСТРѢЧА.

Сто лѣтъ—сто зимъ!..
 Позволь обнять,—поговоримъ.
 Я слышала, что тебѣ везетъ,
 Что ты такимъ,
 Братъ, сталъ тузомъ,—что страхъ беретъ!

А помнишь, братъ,
 Въ концѣ студенческихъ годовъ...
 И я была хватъ,—и ты была хватъ,
 И, какъ Богъ святъ,—
 Мы обходились безъ чпновъ.

Тогда плѣнялъ
 И насъ свободы идеалъ,
 Но кто изъ насъ подозрѣвалъ,
 Чтобъ этотъ бредъ
 Надѣлать могъ намъ столько бѣдъ!

А, милый мой,
 Что скажешь? Лучше ли живеть
 На волѣ темный нашъ народъ?
 У золотой
 Свободы золотой ли плодъ?

Трудъ крѣпостной,
 Единственный въ Россіи трудъ,—
 Для насъ погибъ! Хоть волкомъ вой!
 И гласный судъ,
 И земство,—и... разбой! разбой!

Уже печать
 На всю безграмотную Русь
 Про насъ успѣла прокричать...
 Жду, не дождусь,
 Когда велятъ ее унять.

Не то бѣда,
 Что либераламъ я не миль,—
 Бѣда, что вамъ не угодилъ,
 И безъ суда
 За пустяки уволенъ былъ.

Клянусь Творцомъ,—
 Я совѣстился взятки брать;
 Я только шель,—шель на проломъ,
 Чтобъ, такъ сказать,
 Вліять, спасти и ограждать.

И ничего
 Не оградилъ!—таковъ законъ,—
 Изъ-за него, будь проклять онъ,—
 Изъ-за него
 Я палъ,—но буду отомщенъ.

Да, погоди!..
 Придетъ еще и мой чередъ,—
 Опомнятся!—не то народъ,
 Того гляди,
 Учиться грамотѣ начнетъ.

Ужъ говорятъ,
 И это, братъ, не пустяки,
 Что осадить давно назадъ
 Кой-что хотятъ,
 И что въ ходу крѣпостники.

О! дай-то Богъ!
 И за тебя я буду радъ,—
 Ты дѣловой имѣешь слогъ,
 Умень, богатъ,—
 Ты намъ полезенъ будешь, братъ.

Сумѣемъ мы
 Все разсудить, что—«да», что—«нѣтъ»
 И водворить въ Россіи свѣтъ
 Безъ кутерьмы,
 Безъ земщины и безъ газетъ.

А то, ей-ей!
 Невольно пробираетъ дрожь:
 Что будетъ? ну, какъ вдругъ умрешь!—
 И безъ возкей
 Оставишь нашу молодежь!

Тогда всему
 Завѣтному скажи: аминь!..
 Другъ! Ты извѣстенъ по уму,
 А потому
 Слѣши, дерзай,—и маску скинь!

Насъ—легионъ,
 И можемъ мы тебя поднять
 На верхъ, на самыи, такъ сказать,
 На Геликонъ,
 Чтобъ могъ боговъ ты созерцать.

Итакъ, впередъ!
 А что про насъ произнесетъ
 Исторія... Да пусть она
 Что хочетъ вретъ...
 Намъ, братецъ, слава не нужна.

Ба, что съ тобой!
 Я душу отвести хотѣлъ,
 А ты... какъ будто поблѣднѣлъ...
 Ужели мой
 Благой порывъ такъ новъ или смѣлъ?!

Нѣтъ, братъ, надуть
 Меня нельзя, и я ничуть
 Въ своей не каюсь болтовнѣ:
 Когда-нибудь
 Вверху ты вспомнишь обо мнѣ

И, видитъ Богъ,
Возопіешь: Старикъ, сюда!
Подулъ попутный вѣтерокъ,
Возьми, пророкъ,
Бразды—и... нѣтъ тебѣ суда!

•

ВРАГАМЪ ПРАВДЫ.

Васъ бичевать тягучими стихами,
Хлестать по вашимъ головамъ,—
Да это то же, что пахучими цвѣтами
Бить по обугленнымъ столбамъ.

ЗИМНЯЯ ПѢСНЯ РУСАЛОКЪ.

(Изъ либретто оперы «Кузнецъ Вакула»).

(Посв. памяти А. Н. Сѣрова).

Темно намъ, темно, темнешейко,
Словно въ темницахъ сырыхъ.
Мѣсяць сталъ надъ рѣкой,
Чуть краснѣется,
Въ небѣ тучка плыветь,
Чуть бѣлѣется...

Холодно намъ, холоднехонько,
Словно въ гробахъ ледяныхъ.
Вѣтра шорохъ ночной
Еле слышится,
Ничего въ осокѣ
Не колышется..,

Тресни же, тресни ты, синій лёдъ!
Въ блескъ лучей золотыхъ,
 Мы, какъ рыбки въ рѣкѣ,
 Затрепещемся, —
Сквозь туманъ рыбакамъ
 Померещимся.

ВЪ ПРИЛИВЪ.

На зарѣ, въ приливъ, не мало
Чудъ и раковинъ морскихъ
Набросала мнѣ наяда
Въ щели скалъ береговыхъ;
И когда я даръ богини
Торопился подбирать,
Надъ морскимъ прибоемъ стала
Нагота ея сверкать.

Очи вспыхнули звѣздами,
Жемчугъ палъ дождемъ съ волосъ...
— И зачѣмъ тебѣ все это?!
Прозвучаль ея вопросъ.
— «А затѣмъ, чтобъ даръ твой рѣзать,
Жечь,—вникать и изучать»...
И наяда, подгоняя
Волны, стала хохотать...

— А! сказала,—ты и мною
 Не захочешь пренебречь!
 Но меня ты какъ изучишь?
 Рѣзать будешь, или жечь?..
 И найды тѣло съ пѣной
 Поднялось у самыхъ скалъ,
 На груди заря взыграла,
 Вѣтеръ кудри всколыхалъ.

— «Нѣтъ, сказалъ я, вздрогнувъ сердцемъ,—
 Нѣтъ въ наукѣ ничего
 Разлагающаго чары
 Обаянья твоего».
 И пока зари отливы
 Колыхалъ лазурный валь,
 Я забылъ дары богини,—
 Я богиню созерцалъ.

БИБЛІОГРАФЫ.

Я за прозу берусь, я за вирши берусь
 И забвенья рѣки не боюсь, не боюсь...—
 Отъ журнальнаго лая спасая поэта,
 Не надолго меня спрячетъ темная Лѣта.
 Ходить мусорщикъ вдоль этой мутной рѣки,—
 И нѣтъ глаза быстрѣй, нѣтъ ловчѣе руки...
 Все, что только въ волнахъ этой Лѣты мелькаетъ,
 Что ни вынырнетъ, все-то онъ жадно хватаетъ,—
 И не только рублевыхъ, грошевыхъ писаць
 Отъ него эта Лѣта не спрячетъ никакъ.
 Чуть завидитъ кого,—живо на берегъ тащитъ,
 И ликуетъ душа его, аще обрящетъ.
 Отъ ветошной души пусть ветошка одна
 Попадется, и та будетъ имъ спасена;
 И пускай цѣлый свѣтъ смысла въ ней не увидитъ,
 Онъ хоть мѣтку найдетъ, а ея не обидитъ,

И ее помѣстить въ помянанье свое,
 Какъ великое имя, невѣдомо чье!
 И попробуй хоть дичь помѣстить я въ газету,
 Чтобъ найти эту дичь, онъ обшарить всю Лэту
 (Иль Апраксина дворъ).

Кто же мусорщикъ сей?..—

Полторацкій копунъ изъ Еф—ъ злодѣй?!
 Для обонхъ готовъ сочинять я куплеты,
 Оба рады поэта исхитить изъ Лэты,
 Оба рады другъ друга въ ту Лэту столкнуть,
 Отъ обонхъ (попробуй ихъ ревность раздуть...)
 Самъ Сатурнъ, что дѣтей пожираетъ, заплачетъ,—
 И его впрошптъ ничего имъ не значить.

М І А З М Ъ.

Домъ стоитъ близъ Мойки, — вензеля въ коронкахъ
 Скрасили балконъ,
 Въ домѣ роскошь — мраморъ, — хоры на колонкахъ, —
 Расписной плафонъ.

Шумно было въ домѣ: гости прѣзжали, —
 Вечера, — балы...
 Вдругъ все стало тихо, — даже перестали
 Натирать полы.

Няня въ кухнѣ плачетъ, поваръ снялъ передникъ,
 Перевязъ — швейцаръ;
 Заболѣлъ внезапно маленькій наслѣдникъ, —
 Судороги, жаръ...

Вотъ передъ кіотомъ огонекъ лампадки...

И хозяйка-мать

Приложила ухо къ полу кровати,—

Стонъ не слышать.

— «Боже мой! ужели?! Кажется, что дышать...»

Но на этотъ разъ

Мнимое дыханье только сердце слышитъ,—

Сынъ ея погасъ.

— «Боже милосердый! Я ли не молилась

«За родную кровь!

«Я ли не любила! Чѣмъ же отплатилась

«Мнѣ моя любовь!

«Боже! страшный Боже! Гдѣ жъ твои щедроты,

«Коли отнялъ ты

«У отца надежду, у моей заботы

«Лучшія мечты!..»

И отъ взрыва горя въ ней изякли слезы,—

Жалобы напѣвъ

Перешель въ упреки, въ дикія угрозы,

Въ богохульный гнѣвъ.

Вдругъ остановилась,—дрогнула отъ страха,
 Крестится, глядитъ:
 Видитъ, — промелькнула бѣлая рубаха, —
 Чтò-то шелестить...

И мужикъ косматый, точно изъ берлоги
 Вылѣзъ на просторъ,
 Сѣлъ на табуретѣ и босыя ноги
 Свѣсилъ на коверъ.

И вздохнулъ, и молвилъ: «Ты ужъ за ребенка
 «Лучше помолись;
 «Это я, голубка, глупый мужичёнок...—
 «На меня гнѣвись...»

Въ ужасѣ хозяйка — жмурится, читаетъ
 «Да воскреснетъ Богъ!»...
 «Няня, няня! Люди! — Кто ты?» вопрошаетъ,
 «Какъ войти ты могъ?»

— «А сквозь щель, голубка,—вѣдь твое жилище
 «На моихъ костяхъ,—
 «Новый домъ твой давить старое кладбище,—
 «Нашъ отпѣтый прахъ.

«Вызваны мы были при Петрѣ Великомъ...

«Какъ пришелъ указъ,—

«Взвыли наши бабы, и ребята крикомъ

«Проводили насъ.

«И, крестясь, мы вышли. Съ родиной проститься

«Жалко было тожъ,—

«Подростали дѣтки, да и колоситься

«Начивала рожь...

«За спяной-то пилой, топоры несли мы,—

«Шелъ не я одинъ...

«Къ Петрову, голубка, подъ Москву пришли мы,

«А сюда—въ Ильинъ.

«Истопталъ я лапти... Началась работа,

«Почали снѣпить,—

«Лѣсъ валить дремучій, засыпать болота,

«Свая колотить...—

«Годикъ былъ тяжелый. За Невую, въ лѣто

«Выросъ городокъ!.. —

«Прихватила осень,— я шубенку гдѣ-то

«Заложилъ въ шинюкъ.

«Къ зимѣ-то пригнали новыхъ на подмогу;

«А я слегъ въ шалашъ...

«Къ утру, подъ рогожей, отморозилъ ногу,

«Умеръ и — шабашъ!

«Вотъ, на этомъ самомъ мѣстѣ и зарыли... —

«Барыня, повѣрь,—

«Въ тѣ поры тутъ ночью только волки были,—

«То ли, что теперь!

«Ге! теперь не то что...—миллионъ народу...

«Стѣны выше горъ...

«Изъ подвальной ямы выкачали воду,—

«Дали мнѣ просторъ...

«Ты меня не бойся... — что я?—мужичѣнко!

«Грязень, бѣдень, сгниль...

«Только вздохъ мой тяжкій твоего ребенка

«Словно придушилъ...»

Онъ исчезъ, — хозяйку около кровати

На полу наплаи;

Появленье духа къ нервной лихорадкѣ,

Къ бреду отнесли.

Но съ тѣхъ поръ хозяйка въ сѣверной столицѣ
 Что-то не живетъ;
Вѣчно—то въ деревнѣ, то на югѣ, въ Ниццѣ...
 Домъ свой продаетъ... —

И пустой стоитъ онъ, — только дождь стучится
 Въ запертой подъѣздъ,
Да въ окошкахъ темныхъ по ночамъ слезится
 Отраженье звѣздъ.

Ш И Н Ь О Н Ъ.

Было время, — похвалялась
 Наша русая коса,
 Что она-де чудодѣйка, —
 Всему городу краса!
 Молодцы по ней вздыхали,
 Старцы охали по ней,
 И ломался частый гребень
 Въ мягкомъ золотѣ кудрей.

Съ поселянкой горожанкѣ
 Любо было въ душный зной
 Надъ рѣкой сидѣть въ прохладѣ
 Съ непросохнувшей косою;
 Полевой вѣнокъ, бывало,
 Прилегалъ къ вѣнку изъ косъ,
 И не разъ трепала буря
 Пышный шелкъ густыхъ волосъ.

Было время, — «кудри дѣвы
 Чародѣйки» кто не зналъ!
 Эти кудри вмѣстѣ съ вѣтромъ
 Я ловилъ и цѣловалъ...—
 Но лирическая муза
 Стала къ свисту привыкать,—
 Но твоя подруга стала
 О шпионѣ помышлять

Кудри вьются... но — ея ли?
 Не чужія ли? — вопросъ.
 Поцѣлуй твой чуетъ затхлый
 Запахъ купленныхъ волосъ.
 Что-то мертвое, сухое
 Слышать жаркія уста...
 Эти вьющіяся кудри —
 Не живая красота.

Эти кудри, — кто ихъ знаетъ?!—
 Можетъ-быть, онѣ росли,
 Украшая черепъ, ставшій
 Достояніемъ земли...
 Можетъ-быть, отецъ надъ ними
 Горько плакалъ и рыдалъ,

Можеть-быть, развратникъ наглый
Ароматомъ ихъ дышалъ,

Можеть-быть, онѣ въ больницѣ,—
Чуть затихъ предсмертный стонъ,—
Были срѣзаны съ погибшей
Бѣдной дѣвы—на шиньонъ!..
Ну, такъ что жъ?! къ чему брезгливость,
Что за дѣло мертвецу,
Кто въ косѣ его танцуетъ
Или рядится къ вѣнцу!

Развѣ мало — украшеній
Съ рыбъ морскихъ, съ пушныхъ звѣрей,
Съ рѣдкихъ птичекъ... мѣху, перьевъ,
Чешуи, роговъ, костей!
А у дикаго индѣйца
Развѣ мало бы нашлось
Дорогихъ ему, побѣдныхъ,
Человѣческихъ волосъ!

Отчего жъ и нашимъ дамамъ
Не носить для красоты

Этихъ маленькпхъ трофеевъ,
 Взятыхъ съ чахлой нищеты!
 Но,—союзница продажныхъ,
 Деспоть — мода не съ однихъ
 Мертвецовъ собираетъ подать,—
 Собираетъ и съ живыхъ.

Далеко отъ просвѣщенныхъ
 Капитальныхъ городовъ
 Никнуть жалкія селенья,—
 Гнѣзда темныхъ бѣдняковъ;
 Тамъ невѣжество, тамъ тяжкіи
 Трудъ смѣняется нуждой,
 Тамъ парижской моды жатва,
 Тамъ — покось волосяной.

Муза! гдѣ ты? сосчитай мнѣ,
 Сколько пудъ по всѣмъ странамъ
 Этихъ нищенскихъ обрѣзковъ
 Сортируется для дамъ?
 Сколько движется шиньоновъ
 По столичнымъ площадямъ,
 Въ бальныхъ залахъ, по дорогамъ,
 По музеямъ, по церквамъ?..

Въ вѣкъ осмнадцатый когда-то
Мода пышная была,—
Честь и волосы народа
Въ жертву роскоши несла:
Короли, пажы, маркизы,
Селадоны-старикы,
И артисты, и лакеи —
Всѣ носили парики.

Но народъ — Сампсонъ, Далидой
Позабитый, отростивъ
Гриву львиную, почувалъ
Силъ отчаянныхъ приливъ;
Надъ пирующими гнѣвно
Своды Франціи потресъ
И отмстилъ чужеволосымъ
За клочки своихъ волосъ.

П О Э З И Я.

Пока у алтаря, въ день свѣтлый воскресенья
 Иль въ покаянный, будній день,
 Ты видишь предъ собой свѣтъ въ правдѣ откровенья,
 А за собой неправды тѣнь;
 Пока ты чувствуешь благоговѣйный трепеть,
 Пока молитвенный твой лепеть
 Есть вѣра страстная, а не обрядъ пустой, —
 Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Пока мечта твоя въ часы отдохновенья
 О славѣ, о любви поеть,
 И дорого тебѣ твое уединенье, —
 И темный лѣсъ, и звѣздный сводъ;
 Пока ты ищешь то, чего нигдѣ не встрѣтилъ
 И знаешь, какъ бы ты отвѣтилъ

Тому, кто бь грудь твою обжегъ своей слезой, —
 Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Пока страстями ты себя не истиранилъ
 И не поникъ отъ скорбныхъ думъ,
 И никакой туманъ еще не отуманилъ
 Ни глазъ твоихъ, ни свѣтлый умъ;
 Пока вникаешь ты въ задачу жизни сложной,
 Пока ты вѣришь въ непреложный
 Законъ любви, добра и истины святой, —
 Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Пока въ тебѣ кипятъ и замыслы, и чувства,
 И можешь ты негодовать,
 Пока языкъ идей и красота искусства
 Тебя способны восторгать;
 Пока въ трудѣ своемъ находишь ты отраду,
 Въ друзьяхъ — свой судъ, въ любви — награду,
 И не страшить тебя съ врагами честный бой, —
 Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Когда же истина навѣкъ тебя покинетъ,
 И торжествующій обманъ

На міръ страдающій со всѣхъ сторонъ надвинеть
Свой ослѣпительный туманъ,
Когда замолкнетъ все въ душѣ твоей тревожной,
И ты повѣришь въ непреложный
Законъ неволи, зла и пошлости людской, —
Поэзія тебя покынетъ, милый мой..

ЗАМОГИЛЬНЫЙ ГОЛОСЪ.

(Посв. памяти А. Ф. Жохова).

Уже пестрить расцвѣтъ обильный,—
 Но тщетно разгорѣлся май,
 Въ садахъ и на дорогѣ пыльной
 Я слышу голосъ замогильный,—
 Знакомый голосъ твой,—«прощай!..

«Напрасно, дорожа любовью,
 «Хотѣлъ привыкнуть я къ злословью,—
 «Привыкнуть къ шопоту невѣждъ,
 «Не могъ—и поплатился кровью
 «На рубежѣ земныхъ надеждъ.

«Мечталъ я, не склоняя выи,
 «На-зло враждебной намъ стихіи,
 «Всѣ убѣжденья,—все мое

«Служенье посвятить Россіи,
 «И умерь въ страшной агоніи
 «Съ свинцомъ въ мозгу—не за нее!..

«Больного вѣка сынъ недужный,
 «Я отъ больныхъ не ждалъ суда—
 «И тѣню сталъ для васъ ненужной,
 «И въ вашей памяти досужной,
 «Какъ тѣнь исчезну безъ слѣда...

«Отъ горькихъ нуждъ, позорной лѣни
 «И сокрушительныхъ заботъ,
 «Не вы спасете вашъ народъ,—
 «И ваша очередь прійдетъ,
 «И вы исчезнете какъ тѣни...

«Кой-что мнѣ жаль,—но не друзей,—
 «Они земныхъ боятся терній,
 «Безъ вѣры стали легковѣрнѣй,
 «И будутъ жертвою вечерней
 «Своихъ пороковъ и страстей...—

«Прощай!»...

Дача на Петергофской
 дорогѣ.

МУЗЫКА.

(Посв. П. И. Чайковскому).

И плыбуть, и растуь эти чудные звуки!

Захватила меня ихъ волна...

Поднялась, подняла и невѣдомой муки,

И блаженства полна...

И божественный ликъ, на мгновенье,

Неуловимой сверкнувь красотой,

Всплыль, какъ живое видѣнье

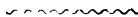
Падь этой воздушной, кристалъной волной,—

И отразился,

И покачнулся,

Не то улыбнулся...

Не то прослезился...

СИМЕОНЪ, ЦАРЬ БОЛГАРСКИЙ.

Цареградъ съ его дворцами
Осаждаетъ Симеонъ:
Въ ворота стучать тараны,
За стѣнами слышенъ звонъ.

Знать, почувяли сатраны,
Что судья пришелъ съ мечемъ,—
И трепещуть, и молебны
Пѣть велятъ предъ алтаремъ.

Къ императору Роману
Такъ взываетъ Симеонъ:
«Уступи намъ тронъ твой—пли
«Приходи къ намъ на поклонъ!»

И властитель Византии,
Блѣденъ, золъ и молчаливъ,
Въ позолоченной триремѣ
Самъ плыветъ черезъ заливъ.

Онъ къ царю плыветъ съ дарами,—
Отвернулся отъ гребцовъ...
По гербамъ и горносталямъ
Ходитъ тѣнь отъ парусовъ.

Вотъ онъ на берегъ выходитъ,
Шлетъ дары свои впередъ,
Видитъ,—пыль клубится, скачутъ,
Копья движутся, и—ждетъ.

Ближе топотъ,—ближе копыя,
Ближе скачетъ Симеонъ...
И спѣшитъ къ нему навстрѣчу
Императоръ на поклонъ;

Взоры клонить и возводить,
И величественно лстить,
И врагу напоминаетъ,
Что Богъ миловать велить...

И протягивая руку,
Тронуть сердцемъ и смущень,
Византійской хитрой рѣчи
Поддается Симеонъ.

Объщается онъ пощадѣ,
Объщается долгій мирь,—
И спасенный императоръ
Затѣваетъ чуть не пирь.

На песчаномъ косогорѣ
Ставятъ флаги и шатры;
Блещутъ чаши, винъ царьградскихъ
Пѣна брызжетъ на ковры.

Длится праздникъ... двухъ монарховъ
Только полночь развела.
Императора трирема
Въ лунномъ свѣтѣ уплыла.

Царь обратно ѣдетъ въ станъ свой;
По дорогѣ тотъ же свѣтъ
Золотить холмы кладбища
И недавней битвы слѣдъ.

Щитъ царя порой сверкаетъ
 Ярче всѣхъ ночныхъ свѣтилъ;
 Воеводъ и копыеносцевъ
 Царскій конь опередилъ.

Вдругъ, на каменномъ уступѣ,
 Тамъ, гдѣ темный кипарисъ
 Обнялъ цѣпкими корнями
 Храма древняго карнизъ,—

Встала тѣнь: монахъ какой-то,
 Съдовласый, съ костылемъ;
 Бѣлый крестъ на черной рясѣ,
 Запахъ ладана кругомъ.

Видно, грекъ; на блѣдномъ лицѣ
 Выраженіе тоски,—
 И повисъ рукавъ широкій
 Вдоль протянутой руки.

Натянулъ свои поводья,
 Содрогнулся Симеонъ,—
 Слышитъ иноческій голось,
 Полу-ропотъ, полу-стонъ:

«Что ты сдѣлалъ, царь великій,
«Царь славянскихъ христіанъ!
«Уступилъ ты тронъ Востока
«Грозной власти мусульманъ!

«Для того ли Самъ Распятый,
«Самъ Христось такъ много силъ
«Даль тебѣ, чтобъ ты призванья
«Своего не довершилъ!

«Ни союзы, ни коварство
«Византин не спасутъ!
«Для сыновъ ея растлѣнныхъ
«Наступаетъ страшный судъ.

«Мечъ твой былъ въ десницѣ Бога;
«Знай же, царь болгарскій, знай:
«Опустивъ свой мечъ, ты предалъ,
«Ты сгубилъ родной свой край!

«Вяжу я потоки крови,
«Бездну ужасовъ и зла:
«Отъ Царьграда до Дуная
«Замолчатъ колокола,—

«И народъ твой будетъ, плѣнный,
«Цѣпи рабскія влacity,
«Надрываться, или—«братья,
«Помогите!»—голосить...

«Что ты сдѣлалъ, царь великій?..»
Но, почувя вѣщій страхъ,
Симеонъ рванулъ браздами
И привсталъ на стременахъ.

И стремглавъ промчался мимо,
Какъ отъ встрѣчи съ мертвецомъ,
Отъ измѣнника-пророка
Заслонивъ себя щитомъ.

НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

Мчится, мчится желѣзный конѣкъ:
По желѣзу желѣзо гремитъ,
Парь клубится, несется дымокъ...
Мчится, мчится желѣзный конѣкъ,
Подхватилъ, посадилъ да и мчить.

И лечу я, за дѣломъ лечу,
Дѣло важное, время не ждеть.
Ну, конѣкъ! я покуда молчу...
Погоди, соловьемъ засвищу,
Коли дѣло-то въ гору поидеть...

Вонъ, навстрѣчу несется лѣсокъ,
Черезъ балки грохочутъ мосты,
И цѣпляется парь за кусты;
Мчится, мчится желѣзный конѣкъ,
И мелькаютъ, мелькаютъ шесты.

Вонъ и родина! Вонъ, въ сторонѣ
 Тесомъ крытая кровля встаетъ,
 Темный садикъ, — скирды на гумнѣ...
 Тамъ старушка одна, чай, по мнѣ
 Изнываетъ, родимаго ждеть.

Заглянулъ бы я къ ней въ уголокъ,
 Отдохнулъ бы въ тѣни тѣхъ березъ,
 Гдѣ такъ много посѣяно грезъ...
 Мчится, мчится желѣзный конѣкъ —
 И; свистя, катить сотни колесъ.

Вонъ рѣка,—блескъ и тѣнь камыша,
 Красна дѣвица съ горки идетъ,
 По тропинкѣ идетъ, не спѣша;
 Можетъ-быть,—золотая душа,
 Можетъ-быть,—красота изъ красотъ.

Познакомиться съ ней бы я могъ,
 И,—не все-жъ пустяки городить, —
 Самъ бы могъ, наконецъ, полюбить...
 Мчится, мчится желѣзный конѣкъ —
 И желѣзная тянется нить.

Вонъ, вдали, на закатѣ пестрятъ
 Колокольни, дома и острогъ...
 Однокашникъ мой тамъ, говорятъ,
 Вѣчно борется, жизни не радъ...
 И къ нему завернуть бы я могъ.

Поболталъ бы я съ нимъ хоть часокъ!
 Хоть немного имъ прожито лѣтъ,
 Да не мало испытано бѣдъ...
 Мчится, мчится желѣзный конѣкъ,
 Сѣетъ искры летучія вслѣдъ...

И, крутя, ихъ несетъ вѣтерокъ
 На росу потемнѣвшей земли,
 И сквозь сонъ мнѣ желѣзный конѣкъ
 Говорить: «Ты за дѣломъ, дружокъ,—
 «Такъ ты нѣжность-то къ чорту пошли»...

О Т К У Д А?!..

Откуда же взойдетъ та новая заря
 Свободы истинной,—любви и пониманья?
 Изъ-за ограды ли того монастыря,
 Гдѣ Несторъ набожно писалъ свои сказанья?
 Изъ-за кремля ли, смявшаго татаръ
 И посрамившаго сарматскія знамѣна,
 Изъ-за того кремля, котораго поярь
 Обжегъ вѣнцы Наполеона?—
 Изъ-за Невы-ль, увѣнчанной Петромъ,
 Тѣмъ императоромъ, который не жезломъ
 Ивана Грознаго владѣлъ, а топоромъ?..—
 На западъ просѣки рубилъ и строилъ флоты,
 Къ труду съ престола шель, къ престолу отъ труда,
 И не чуждался никогда
 Ни ученической, ни черновой работы.—
 Оттуда ли, гдѣ хитрый іезуитъ,
 Престола палскаго орудіе и щить,

Во имя нетерпимости и барства,
 Кичась, расшатывалъ основы государства?
 Оттуда ли, гдѣ Гусь, за чашу крестъ поднявъ,
 Училъ на площадяхъ когда-то славной Праги,
 Гдѣ Жишка страшно мстилъ за поруганье правъ,
 Мечемъ тушилъ костры и, цѣпи оборвавъ,
 Внушалъ страдальцамъ духъ отваги?
 Или отъ запада, гдѣ партіи шумять,
 Гдѣ борются съ трибунъ народные витіи,
 Гдѣ отъ искусства къ намъ несется аромать,
 Гдѣ отъ наукъ цѣлбно жгучій ядъ,
 Того гляди, коснется язвъ Россіи?..

.

 Мнѣ, какъ поэту, дѣла нѣтъ,
 Откуда будетъ свѣтъ, лишь былъ бы это свѣтъ,—
 Лишь былъ бы онъ, какъ солнце для природы,
 Животворящъ для духа и свободы
 И разлагалъ бы все, въ чемъ духа больше нѣтъ...

* * *

Мой умъ подавленъ былъ тоской,
Мои глаза безъ слезъ горѣли;
Надъ озеромъ сплетался ели,
Чернѣлъ камышъ, — сквозили щели,
Изъ мрака къ свѣту надъ водой.

И много, много звѣздъ мерцало;
Но въ сердце мнѣ ночная мгла
Холодной дрожью проникала,
Мнѣ видѣлось такъ мало, мало
Лучей любви надъ бездной зла!

~~~~~

КОЛЫБЕЛЬ ВЪ ГОРАХЪ.

Съ чешскаго.

(Вольный переводъ).

На бѣгу, по дорогѣ задержанный,
 Тѣсно сжатый крутыми оградами,
 Горный ключъ сталь рѣкой, и—низверженный
 На колеса, несется каскадами,
 Трупъ лѣнивыхъ машинъ оживляющъ,
 Молодая въ нихъ силы вливающъ.
 Лишь порой, въ часъ борьбы,—въ часъ сомнительный,
 Ждетъ грозы плъ хоть тучи спасительной,
 И когда та идетъ—погромыхиваетъ,
 Подъ грозой вся рѣка словно вспыхиваетъ,
 Подъ наплывомъ дождей вся вздымается,
 Вся на вольный просторъ порывается...
 Но,—напрасны порывы, напрасенъ отпоръ!—
 Ужь она не жилица свободная горь.—

Легче ладить въ горахъ съ лиходѣями,
Чѣмъ бороться съ людскими затѣями.

Но она не одна,—разоренные
Земляки, и мужчины, и женщины,
Вмѣстѣ съ ней тянуть лямку, впряженные
Въ то-жъ ярмо, ради скучной поденщины,
Потомъ лица свои обливаючи,
На чужихъ свои силы теряючи.
Только врядъ ли они, зломъ повитые,
Удрученные, свѣтомъ забытые,
Погрузясь въ вѣчный гулъ, въ грохотаніе
Ста машинъ, обратятъ и вниманіе
На грозу, что вблизи собирается.
Лишь изъ женщинъ одна озирается—
Все поглядываетъ, какъ скопляются
Въ высотахъ, надъ ущельемъ, несмѣтныя
Массы тучъ, какъ ползуть—надвигаются...
Но—напрасно она въ безответныя
Небеса возвела умоляющій взоръ,—
Нахлобучась, гроза уже валится съ горъ...

Треснулъ первый ударъ,—мгла сгустилася,
И дождемъ полилася буря шумная,—
Поблѣднѣла она,—спохватилася,

Побѣжала, кричить, какъ безумная:
 «Ай! дитя мое, ай!»—и—сердечная,
 Изъ воротъ вдаль бѣжить—спотыкается,
 Ливнемъ бьетъ ей въ лицо буря встрѣчная,
 Молній блескъ по пути разливается.
 Не легка, знать, дорога далекая!
 Запыхалась ея грудь высокая,
 Нѣтъ ужъ силъ... вотъ стоитъ...—покачнулася...
 — Проклипать ей судьбу или оплакивать?..—
 Но иная гроза въ ней проснулася,—
 И всѣмъ тѣломъ она встрепенулася,
 И пошла кое-какъ доволакивать
 Свои ноги туда, гдѣ колыхается боръ,
 Гдѣ мелькаетъ жильё межъ утесистыхъ горъ.

Межъ утесистыхъ горъ ея хижина,
 Какъ гнѣздо, что орлами насижено.
 Тише вѣтеръ тамъ воетъ порывистый,
 Только ключъ, что въ ложбинѣ извилистой
 Чуть журчалъ, какъ рѣка наводненная
 Внизъ по скатамъ бѣжить, и—не чудо ли!
 Гдѣ она набралась этой удали?..—
 Въ бродъ, за сучья держась, истомленная,
 На порогъ свой она пробирается,—
 Входить,—смотреть—съ утра однихонекъ

Тамъ ея мальчуганъ, и—живехонекъ!
 И лежитъ, какъ лежалъ,—но качается,
 Словно по морю плыть собирается
 Его люлька, а *онъ* улыбается
 Словно бодрый пловець...

Иль нежданная

Эта буря къ ребенку ласкается,
 Его тѣшить, какъ мать Богомъ данная,
 И сквозь грохотъ поеть—заливается,
 Колыбельную пѣсню затягиваетъ,
 Его грубую люльку покачиваетъ!?
 Или бурный разливъ этотъ нянчиться съ нимъ,
 Убаюкивая колыханьемъ своимъ!?
 Не сбылося предчувствіе матери,
 Чтò грозило утратою.—Кстати ли
 Ей рыдать или сѣтовать! Новыя
 Стрѣлы молній, чтò блещутъ и падаютъ,
 Мальчугана ея только радуютъ,
 И онъ слышитъ раскаты громовые,
 Словно музыку слышитъ,—рученками
 Бьетъ, смѣется, болтаетъ ноженками.
 Наводненья потоки суровые
 Не умчали его и не кинули
 На каменя, и не опрокинули
 Колыбели, подмытой течениемъ:

Онъ качается въ ней съ наслаждениемъ,—
Словно рѣчка и онъ породнились, —
Земляками не даромъ родилися..
А какъ выростеть, развѣ не съ этою
Горной рѣчкой, въ неволю отпѣтую
Онъ пойдетъ,—ихъ обонхъ обвѣяла
Та жъ гроза,—та же мать ихъ взлелѣяла,
Не слезами—дождемъ поливаючи,
Голосами вѣтровъ напѣваючи:
«Запасайтесь силами рабству въ отпоръ—
«Вы,—пока еще дѣти свободныя горь!»

ДИССОНАНСЪ.

(Мотивъ изъ признаній Адды Кристенъ.)

Пустъ по волѣ судебъ я разсталась съ тобой,—
Пусть другой обладаетъ моею красотой!

Изъ объятій его, изъ ночной духоты
Уношусь я далеко на крыльяхъ мечты.

Вижу снова нашъ старый, запущенный садъ:
Отраженный въ прудѣ потухаетъ закатъ,

Пахнетъ липовымъ цвѣтомъ въ прохладѣ аллеи;
За прудомъ, гдѣ-то въ рощѣ, урчитъ соловей...

Я стеклянную дверь отворила,—дрожу,—
Я изъ мрака въ таинственный сумракъ гляжу...—

Чу! тамъ хрустнула вѣтка,—не ты ли шагнулъ?!
Встрепенулася птичка,—не ты ли спугнулъ?!

Я прислушиваюсь, я мучительно жду,
Я на шелестъ шаговъ твоихъ тихо иду,—

Холодитъ мои члены то страсть, то испугъ...—
Это ты меня за руку взялъ, милый другъ!?

Это ты осторожно такъ обнялъ меня!
Это твой поцѣлуй,—поцѣлуй безъ огня!

Съ болью въ трепетномъ сердцѣ, съ волненьемъ въ крови,
Ты не смѣешь отдаться безумствамъ любви,—

И, внимая рѣчамъ благороднымъ твоимъ,
Я не смѣю дать волю влеченьямъ своимъ,

И дрожу, и шепчу тебѣ: милый ты мой!
Пусть владѣеть онъ жалкой моею красотой!--

Изъ объятій его, изъ ночной духоты
Я опять улетаю на крыльяхъ мечты

Въ этотъ садъ, въ эту темь, вотъ на эту скамью,
Гдѣ впервые подслушалъ ты душу мою...

Я душою сливаюсь съ твоею душой,—
Пусть владѣетъ онъ жалкой моею красотой!

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ДУХИ.

Нѣтъ, эти духи, что стучать
 Или ворочаютъ столами,
 Не тѣ, которые грозятъ
 Разстаться съ нашими мечтамъ,
 И безъ которыхъ будетъ мѣръ,
 Быть можетъ, холодеѣ и сирѣ...

Они не тѣ, что изъ преданья
 Перенесли свой ранній слѣдъ
 На вдохновенныя созданья
 И давнихъ, и недавнихъ лѣтъ.

Не тѣ, что въ глубинѣ паденья,
 Съ клеймомъ проклятыя и сомнѣнья
 На гордо-царственномъ челѣ,

Не ждали отъ небесъ прощенья
И — небу мстили на землѣ...

Не тѣ, что вѣкогда въ титановъ
Преобразясь, изъ-подъ тумановъ
И тучъ неслись въ открытый бой
Съ Олимпомъ, — съ тою высотой,
Что не прощала Прометею.

Не тѣ, что древле Моисею,
Рабу Египетской земли,
Оковы сбросить помогли,
Когда Еврейскому народу
Онъ сквозь мистическій туманъ
Казалъ далекую свободу
Среди обѣтованныхъ странъ...

Не тѣ, что на хребтѣ Синая,
Какъ бы въ одеждахъ изъ огня,
Стояли, солнцами сияя
И тѣнью Бога заслоня...
Чьи трубы гласы заглушали
Громъ, отъ котораго дрожали, —
Дымилась щели сѣрыхъ скалъ,

Когда персть огненный писалъ:
«Азь есмь» на каменной скрижали.

Не тѣ, которыхъ голоса
Съ небесъ слетали, какъ роса
Ночная, чье ночное пѣнье,
Чей свѣтозарный, стройный клиръ
Провозвѣстиль, что ветхій міръ
Паль, наканунѣ обновленья;
Чьи благодатныя слова,
Когда-то спѣтыя въ пустынѣ,
Мы, равнодушные, понынѣ
Поемъ во славу Рождества...

Не тѣ, что, въ образѣ бѣсовъ,
На склонѣ варварскихъ вѣковъ,
Сердца людей сжимая страхомъ,
Внушали папѣ и монахамъ,
Что даже дряхлый Галилей
Достоинъ пытки и цѣпей...

. . . . .

Міръ снова жаждетъ обновленья,
Въ наукѣ ищетъ откровенья...
Найдеть ли онъ его иль нѣтъ,
Еще загадоченъ отвѣтъ, —

Но никакихъ задачъ науки
 Всѣхъ этихъ душъ безличный рой,
 Ни ихъ сомнительные ступи,
 Ни ихъ мелькающія руки,
 Своей таинственной игрой
 Не разрѣшать...

Пѣвецъ Манфреда

Такими ли воображалъ
 Духовъ, когда ихъ вопрошалъ
 Въ часы осмысленнаго бреда
 О тайнахъ міра и всего,—
 Всего, что мучило его...

Какъ былъ остеръ неугомонно,
 Какъ былъ язвительно уменъ
 Тотъ духъ, что такъ нецеремонно
 Вторгался въ нравственный законъ
 И колебалъ его основы!
 Какъ для рутинны были новы
 Его слова!.. Не даромъ онъ
 Слылъ Мефистофелемъ на свѣтѣ,
 Не даромъ Фаусту служилъ,—
 Печать онъ времени носилъ
 И обезсмертилъ имя Гёте.

Нѣтъ, эти духи, что стучать
Или ворочаютъ столами
Не тѣ, которые грозятъ
Разстаться съ нашими мечтами!
Они — невѣжды иль шуты,
Родныя дѣти пустоты,
Тоски, невѣрья, увяданья, —
Они — фантазія безъ крылъ, —
Они — не въ силахъ дать намъ знанье,
И дать намъ вѣру нѣтъ въ нихъ силъ...

ВЪ ГОРОДКЪ.

Какъ мило ты принарядилась!
 Какъ поумнѣлъ твой дѣтскій взглядъ!
 Какимъ плѣнительнымъ румянцемъ озарилось
     Твое лицо! Сосѣдки говорятъ,
     Что ты, дитя мое, влюбилась...
 Въ кого же?! — знаю я здѣсь каждый уголокъ,
 (Великъ ли нашъ уѣздный городокъ!...)
 Проѣзжихъ нѣтъ, — своихъ — немного...
 Чиновниковъ, плутовъ, какіе только есть,
     Немудрено по пальцамъ перечесть...
     Какого-жъ это полубога
 Ты встрѣтила, чтобъ такъ расцвѣсть?!

~~~~~

КОРАБЛИКИ.

Я, двухъ корабликовъ хозяинъ съ юныхъ лѣтъ,
 Сталъ снаряжать ихъ въ путь; одинъ корабликъ мой
 Ушелъ въ прошедшее, на поиски людей,
 Прославленныхъ молвой,—

Другой — завѣтныя мечты мои помчалъ
 Въ загадочную даль, — въ туманъ грядущихъ дней,
 Туда, гдѣ братства и свободы идеаль,
 Но — нѣтъ еще людей.

И вотъ, назадъ пришли кораблики мои:
 Одинъ изъ нихъ принесъ мнѣ блѣдный рой тѣней,
 Борьбу ихъ, казни, стонъ, мученія любви
 Да тяжкій грузъ идей.

Другой корабликъ мой рой призраковъ принесть,
 Мечтою созданныхъ, невидимыхъ людей,
 Съ довольствомъ безъ рабовъ, съ утратами безъ слезъ,
 Съ любовью безъ цѣпей.

И вотъ, одни изъ нихъ, какъ тѣни прошлыхъ лѣтъ,
 Мнѣ голосають: увы! для всѣхъ одинъ законъ, —
 Къ чему стремиться?! знай, — безъ горя жизни нѣтъ;
 Надежда — глупый сонъ.

Другіе мнѣ въ отвѣтъ таинственно звучать:
 У насъ иная жизнь! У насъ иной законъ...
 Не вѣрь отжившимъ, — пусть плывутъ они назадъ!
 Былое — глупый сонъ!

ПРОСТИ ИМЪ.

Христось! не Ты ли приходилъ
Сказать намъ: будьте яко дѣти,—
Я какъ ребенокъ полюбилъ,
И хитрецами пойманъ въ сѣти.

Христось! не Ты ли яко Богъ
Сказалъ: враговъ своихъ любите,—
Любя, я враждовать не могъ,
И молвилъ имъ: не осудите...

Но мнѣ отъ нихъ покоя нѣтъ,—
Невѣжды туги на прощенье,
И не щадятъ они клеветъ,
Чтобъ истощить мое терпѣнье.

Христось! Ты повелѣлъ прощать...
Прости имъ — такъ, какъ я прощаю.
Меня во-вѣкъ имъ не понять,
А я ихъ глупость понимаю.

ВЪ НАВОДНЕНЬЕ.

Рѣка взломала ледъ и въ море
 Исетъ куски своихъ оковъ;
 Ручей, насыщенный снѣгами,
 Изъ тѣсныхъ рвется береговъ:
 Тобою жданной и желанной
 Не одолѣть тебѣ весны!
 Она пришла, — гляди, хозяинъ,
 Твои затѣи снесены:
 Вода сломала мостъ и шлюзы,
 И бревна унесла, какъ воръ;
 Скривила мельницы колеса
 И залила твой скотный дворъ.
 Но и за то скажи спасибо,
 Что не совсѣмъ размыло садъ;
 Недаромъ мальчннн по лужамъ
 Бредутъ и весело визжать.
 Гляди на нихъ безъ озлобленья,
 Какъ ты глядишь на журавлей,
 И, забывъ свои лишенья,
 Жди благодатныхъ лѣтнихъ дней.

О Н. А. НЕКРАСОВЪ.

Я помню, былъ я съ нимъ знакомъ
 Въ тѣ дни, когда, больной, онъ говорилъ съ трудомъ,
 Когда, гражданству насъ уча,
 Онъ словно вспыхивалъ и таялъ, какъ свѣча,
 Когда любить его могли
 Мы всѣ, лишенные даровъ и благъ земли...

Передъ дверями гроба онъ
 Былъ бодръ, невозмутимъ,—былъ тѣмъ, чѣмъ сотворень:
 Съ своимъ поникнувшимъ челомъ
 Надъ рнемой—онъ глядѣлъ бойцомъ, а не работъ.
 И вѣрилъ я ему тогда,
 Какъ вѣщему пѣвцу страданій и труда.

Теперь пускай кричить молва,
 Что это были все слова,—слова,—слова,—

Что онъ лишь тѣшился порой
Литературною игрою козырной,
Что съ юныхъ лѣтъ его грызеть
То зависть жгучая, то ледяной расчетъ.

Предъ запоздалою молвой,
Какъ вы, я не склонюсь послушной головой;
Ей нипочемъ сказать уму:
За то, что ты свѣтилъ, иди скорѣй во тьму...
Молва и слава — два врага;
Молва мнѣ не судья и я ей не слуга.

* * *

Въ ребяческіе дни любилъ я край родной,
 Какъ вѣкша—сумракъ бора,
 Какъ цапля—илъ береговой,
 Какъ воронъ—кучу сора.

Въ дни юности любилъ я родину, какъ сынъ—
 Родную мать, поэтъ—природу,
 Женихъ—невѣсту, гражданинъ—
 Права или свободу.

Но буду ль я по гробъ мечтательно любить
 Родной мой край?—не знаю.
 Мать можетъ сына оскорбить,
 Невѣста можетъ измѣнить,
 Народъ свободу погубить,
 Все можетъ быть...
 Но—нѣтъ,—не дай мнѣ Богъ простыть,—
 Простыть къ родному краю!

ПОЛЯРНЫЕ ЛЬДЫ.

У насъ весна, а тамъ, отбитыя волнами,
 Плывутъ громады льдинъ — плывутъ онѣ въ туманъ,
 Плывутъ и въ ясный день и такутъ подь лучами,
 Роняя слезы въ океанъ.

То буря обдаетъ ихъ пѣной и ломаетъ;
 То въ штиль, когда заря сливается съ зарей,
 Холодный океанъ столбами отражаетъ
 Всю ночь румянецъ ихъ больной.

Имъ жаль полярныхъ странъ величья ледяного,
 И тянетъ ихъ на югъ—на этотъ бережокъ,
 На эти камни, гдѣ намъ очага родного
 Межъ сосенъ слышится дымокъ.

И не вернуться имъ въ предѣлъ родного края,
И къ нашимъ берегамъ онѣ не доплывутъ;
Одни лишь вздохи ихъ, къ намъ съ вѣтромъ долетая,
Весной дышать намъ не дають...

Ужъ зелень на холмахъ, ужъ почки на березахъ;
Но день нахмурился и моросить снѣжокъ,—
Не такъ ли мы вчера тонули въ теплыхъ грѣзахъ...
А нынче вѣтъ холодокъ.

ДВА ЖРЕБИЯ.

Если ты мадонна — и толпа, и геній
 Предъ тобой склоняются челомъ;
 Какъ жена и мать — двухъ поколѣній
 Служишь ты охраной и звеномъ...
 Радуйся, зиждательница рода!
 Домъ твой—вѣтвь растущаго народа;
 Въ той странѣ, гдѣ разоренъ твой домъ,
 Города растлятся, какъ Содомъ.
 Собственнымъ достоинствомъ хранима,
 Ты идешь, молвой не уязвима,—
 Радуйся, блаженная жена!
 Твой очагъ семейный согрѣваетъ
 Свѣжихъ чувствъ и мыслей сѣмена,
 Вѣчно-новой жизни закипаетъ
 Вкругъ тебя шумящая волна.

Все, что ты любовью и терпѣньемъ
 Воспитала, отъ тебя уйдетъ, —
 Но уйдетъ съ твоимъ благословеньемъ,
 Съ памятью святыхъ твоихъ заботъ.

* * *

Если ты вакханка, — родилась вакханкой, —
 Много разъ падеть передъ тобой
 Геній, не владѣющей собой.
 Только будь ты лучше куртизанкой,
 Чѣмъ притворно-честною женой...
 Не обманетъ холодъ этой маски, —
 Эта цѣломудренная ложь...
 Колобродить умъ твой... Ну, такъ что-жь!
 Умъ ли нуженъ для минутной ласки,
 Умъ ли нуженъ для веселой пляски,
 Тамъ, гдѣ страстной музыки волна
 Въ шопотъ и топотъ слышна.
 Для семьи завѣтныя, святыя
 Цѣпи долга, для тебя гнилыя
 Нити, — рвутъ ихъ прихоти твои.
 Не входи-жь напрасно въ мѣръ семьи,
 У тебя иное назначеніе:
 Все, что въ жизни летитъ черезъ край,
 Все, что слѣпо щцетъ наслажденья,

Расточай, язви или утолай!
 Много богачей ты пустозвонныхъ
 Довела почти до нищеты,
 Много силъ, для свѣта незаконныхъ,
 Безысходныхъ и неугомонныхъ,
 До поры угомонила ты,
 Освѣжая пылъ свой ихъ избыткомъ,
 Словно охмеляющимъ напиткомъ.
 Радуйся! Самъ олимпійскій богъ
 На тебя дождемъ червонцевъ льется
 И надъ челоѳчествомъ смѣется,
 Млѣя у твоихъ прелестныхъ ногъ.

* * *

Если ты въ душѣ мадонна и, къ несчастью,
 Рано пала,—въ тѣ лѣта, когда
 Молодость играетъ первой страстью,
 Или явно въ жертву сладострастью
 Злая продала тебя нужда,—
 Голодь, холодъ, роковая крайность...
 Знай! твое паденіе—случайность.
 Розовый разсѣется туманъ,
 Наглый обнаружится обманъ—
 И тогда, спаси тебя, о Боже!

На пирахъ веселой молодежи
 Будешь ты унылая сидѣть,
 На своемъ полу-продажномъ ложѣ
 Иногда молиться и скорбѣть;
 Всей душой, глубоко уязвленной,
 Проклянешь позоръ позолоченный,
 Ночь соблазновъ и сонливый день,
 И свою разряженную лѣнь,
 И свою тоскливую безпечность,
 И людскихъ страстей недолговѣчность.

* * *

Если съ дѣтства ты вакханка, и, къ несчастью,
 Рано разгадалъ тебя отецъ *
 И идти принудилъ подъ вѣнецъ,
 Пользуясь родительскою властью;
 Иль сама, сжигаемая страстью,
 Отдалась ты мужу своему,
 Чтобъ начать служенье сладострастью
 По узаконенному найму,—
 Знай: союзъ твой—роковая крайность
 Или безотчетная случайность,—
 Будешь ты скучать у очага,
 Видѣть въ дѣтяхъ Божье наказанье,

Въ лучшемъ мужѣ—вѣчнаго врага,
 Будешь усыплять его вниманье,
 Прятать отъ него свои мечты...
 Наконецъ, вполнѣ постигнешь ты,
 Что тебя сковаль одинъ обычай,
 Что съ огнемъ жаровню подъ цвѣты
 Трудно спрятать ради всѣхъ приличій,
 И, смѣясь надъ мужемъ и стыдомъ,
 Проклянeshь ты свой семейный домъ...

* * *

Людямъ роли розданы природой,
 Съ ней борьба—не всѣмъ доступный трудъ:
 Все, что будетъ для тебя свободой,
 То другіе рабствомъ назовуть;
 То, что будетъ для тебя цѣпями,
 Для другихъ—гирлянда изъ цвѣтовъ;
 Людямъ роли розданы богами,—
 Каждый узнавай своихъ боговъ.
 Но судьба перемѣшала роли,
 Навязавъ намъ маску поневолѣ.
 Не спасаетъ ветхій нашъ законъ
 Сладострастью проданныхъ мадоннъ;
 Подъ личиною мадонны скромной

Не узнать намъ жрицы вѣроломной.
Чуть сквозить сквозь радужный туманъ
Душу возмущающій обманъ:
Та, которая развратъ свой прячетъ,
Гордо смотритъ на погибшихъ дѣвъ,
И безсиленъ вопіющій гнѣвъ
Той, которая тихонько плачетъ.

* * *

Когда октава за октавой
 Неслась и голосъ твой звучалъ
 Далекой, отзвучавшей славой,—
 Вѣрь, не о славѣ я мечталъ!

Нѣтъ, воротясь къ веснѣ погибшей,
 Моя мечта ласкала вновь
 Цвѣтущій образъ, пережившій
 Въ душѣ погибшую любовь.

Опять остывшей скорби сила
 Сжимала сердце,—и опять
 Меня гармонія учила
 По человѣчески страдать...

~~~~~

В Ъ Г Л У Ш И.

Для кого расцвѣла? Для чего развилась?
 Для кого это небо,—лазурь ея глазъ,
 Эта роскошь,—волнистыя кудри до плечь,
 Эта музыка,—усть ея тихая рѣчь?

Ясно можетъ она своимъ чуткимъ умомъ
 Слышать голосъ души въ разговорѣ простомъ;
 И для міра любви, и для міра искусствъ
 Много въ сердцѣ у ней незатронутыхъ чувствъ.

Прикоснется ли клавишъ,—заплачетъ рояль;
 На ланитахъ огонь, на рѣсницахъ печаль...
 Подойдетъ ли къ окну—безотчетно грустна,
 Въ безотвѣтную даль долго смотреть она...

Что звенить тамъ вдали,—и звенить, и зоветь?
И зачѣмъ тамъ, въ степи, пыль столбами встаетъ?
И зачѣмъ та рѣка широко разлилась?
Оттого-ль разлилась, что весна началась!

И откуда, откуда тотъ вѣтеръ летить,
Что, стряхая росу, по цвѣтамъ шелеститъ,
Дышетъ запахомъ липъ и, концами вѣтвей
Помавая, влечетъ въ сумракъ влажныхъ аллей?

Не природа ли тайно съ душой говорить?
Сердце-ль просить любви и безъ раны болить?
И на грудь тихо падаютъ слезы изъ глазъ...
Для чего расцвѣла? Для чего разлилась?

МИРОВАЯ ТКАНЬ.

И. Н. СТРАХОВУ.

Ткань природы мировая—
Риза—Божья, может быть...
Въ этой ризѣ я—живая,
Я—непорванная нить.
Нить идетъ, трепещетъ, бьется,
И ужъ если оборвется,
Никакіе мудрецы
Не сведутъ ея концы:
Вѣчный ткачъ ихъ такъ запрячетъ,
Что (пускай кто хочетъ плачетъ!)
Нити порванной опять
Не найти и не связать...
Нити рвутся безпрестанно,—
Скоро, скоро мой чередъ!—

Ткачь же вѣчный неустанно
Ткань звѣздистую ведетъ;
И выводитъ онъ узоры:
Голубыя волны, горы,
Степи, пажити, лѣса,
Облака и небеса;
И куда мудрецъ ни взглянетъ,
Ни прорѣхи, ни узла нѣтъ:
Свѣтозарна и ровна
Божьей ризы тонина.

ПОЭТУ-ГРАЖДАНИНУ.

О, гражданинъ съ душой наивной!
 Боюсь, твой грозный стихъ судьбы не пошатнеть;
 Толпа угрюмая, на голосъ твой призывный
 Не откликаяся, идетъ.

Хоть прокляни,—не оборнется...
 И вѣрь, усталая, въ досужій часъ скорѣй
 Любовной пѣсенкѣ сердечно отзовется,
 Чѣмъ музѣ ропщущей твоей.

Хоть плачь,—у ней своя задача:
 Толпа-работница считаетъ каждый грошъ,
 Дай руки ей свои, дай голову,—но плача
 По ней, ты къ ней не подойдешь;

Тупая, сильная не выпкнетъ
 Въ слова, которыми ты любишь поражать,
 И къ поэтическимъ страданьямъ не привыкнеть,
 Привыкнувъ иначе страдать.

Оставь напрасныя воззванья!
 Не хныкай!—Голосъ твой пусть льется изъ груди,
 Какъ льется музыка,—въ цвѣты ряди страданья,
Любовью—къ правдѣ насъ веди!

Нѣтъ правды безъ любви къ природѣ,
 Любви къ природѣ нѣтъ безъ чувства красоты,
 Къ познанью нѣтъ пути намъ безъ пути къ свободѣ,
 Труда—безъ творческой мечты...

ТЕМНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Онъ темный человекъ, но вовсе не туманный,
Напротивъ, онъ блеститъ, какъ черный шаръ стеклянный,
Поставленный на тумбочкѣ въ саду.
Все въ немъ является живой карриатурой...—
Смотрите, я къ нему поближе подойду
И отражусь въ немъ сплюснутой фигурой.
Отъ этого кому какое зло?
Ни вашей красоты, ни вашихъ выраженій
Убить не въ силахъ праздное стекло
Уродливой игрой фальшивыхъ отраженій.

ВЪ ДУРНУЮ ПОГОДУ.

Пусть говорятъ, что наша молодежь
 Поэзіи не знаетъ—знать не хочетъ,
 И что ее когда-нибудь подточить
 Подъ самый подъ-корень практическая ложь,—
 Пусть говорятъ, что это ей пророчить
 Одинъ безплодный путь къ безславію, что ей
 Безъ творчества, какъ ржи безъ теплыхъ, ясныхъ дней
 Не вырѣть...

Выхожу одинъ я въ чисто поле
 И чувствую—тоска! и дрогну поневолѣ.
 Такъ сыро,—сиверко!..

И что это за рожь!
 Мѣстами зелена, мѣстами низко клонить
 Свои колоски къ разрыхленной землѣ,
 И точно смята вся; а въ блѣдно-сѣрой мглѣ

Лохмотья тучь надъ нею вѣтеръ гонить...
Когда же, наконецъ, дождусь я ясныхъ дней!
Поднимется-ль опять дождемъ прибитый колосъ!
Иль никогда среди родимыхъ мнѣ полей
Не отзовется мнѣ ретивой жницы голосъ,
И не мелькнетъ вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ
Надъ пыльнымъ золотомъ увѣсистыхъ сноповъ?!

* * *

Въ дни, когда надъ соннымъ моремъ
 Духота и тишина,
 Въ отуманенномъ просторѣ
 Еле движется волна.

Если жь вдругъ дохнетъ надъ бездной
 Вѣтеръ, грозень и могучъ,
 Закипитъ волна грознѣе
 Надвигающихся тучъ...

И помчится, точно въ битву
 Разъяренный шпорой конь,
 Отражая въ брызгахъ пѣны
 Молній солнечный огонь...

И, рассыпавшись о скалы,
 Изомнетъ у береговъ
 Раскачавшіяся перья
 Прошумѣвшихъ тростниковъ...

ПОМЪШАННАЯ.

Кто это спускается
Съ крутизны въ лѣсокъ?—
Голова обвязана,—
На плечѣ мѣшокъ.

Что это за старица?
Черезъ лужи—въ бродъ,—
Палкой подпирается,—
Головой трясеть.

— Эй! куда ты, старая,
Поплелась? куда?
Вишь, тропинка скользкая,—
Глина да вода.

Воротись, голубушка! —
 Говорять, съ весны
 Тутъ въ лѣску пошаливать
 Стали шатуны...

Дрогнулъ голось старческій,
 И не тайный страхъ,—
 Промелькнулъ мистическій
 Блескъ у ней въ глазахъ.

— Съ нами сила крестная!
 Да воскреснетъ Богъ!..
 Чтò ты это шляешься
 Промежъ двухъ дорогъ...

Не пужай, Богъ милостивъ!
 Страшенъ только сонъ...
 А пду я въ пустыню
 На церковный звонъ...

Хоть и слышу благовѣсть,
 Да не близокъ путь...
 — Чай, устала, старая?
 Съла-бъ отдохнуть...

— Тамъ, у Спаса Батюшки,
Есть, на чтò присѣсть:
Много тамъ могилушекъ,—
И не перечестъ...

И твоя могилушка
Тамъ никакъ цѣла..
Ежевику-ягоду
Я на ней рвала.

Только крестъ потрескался,—
Сталь давно линять,
И давно ужъ надписи
Некому читать...

Я одна за душеньку
Грѣшную твою
На свѣчу копѣчку
Богу подаю.

Всѣ тебя покинули,—
Дворня разбрелась,—
Замужъ вышла вдовушка
Да и прожилась...

Въ домѣ стекла выбиты,—
 Вырубили садъ,—
 Писарь ходитъ бариномъ,—
 Мужики гадятъ...

Моя Маша...—помнишь ли,—
 Али позабылъ?!
 Подманилъ смазливую...
 Да и загубилъ.

Гдѣ она,—не знаешь ли,
 Батюшка ты мой?
 Правда ли, что кинулась
 Въ омутъ головой?..

— Что ты это, бабушка!
 Я еще живу...
 Али ты рехнулася,—
 Бредишь наяву!..

-- А зачѣмъ ты шляешься,
 Словно проклятѣй!
 Дай ты хоть въ сырой землѣ
 Косточкамъ покой!..

Будутъ деньги, батюшка,
Стану ли жалѣть!
 Попрошу игумена
 Панихиду спѣть...

Только ты, на старости,
 Не вводи въ испугъ,—
 Пожалѣй скиталицу,—
 Сгинь, проклятый духъ!!..

ПИСЬМА КЪ МУЗЪ.**ПИСЬМО 1-е.****О бульдогѣ.**

Я нарочно голенища
Заказалъ себѣ повнише,
И когда иду съ Парнаса,
То иду какъ можно тише,

Потому что подъ Парнасомъ
Завелась одна слабодка,
Гдѣ всего славнѣе семга,
Сырѣ, шампанское и водка,

Гдѣ собакъ такая пропасть,
Что уйти отъ нихъ не шутка,
И гдѣ есть такой мордастый
Злой бульдогъ,—что инда жутко...

Слушай, муза! ты поэтовъ
 Современныхъ знаешь много;
 Но въ слабодкѣ нѣтъ поэта
 Современнаго бульдога;

И представь, о муза, случай!—
 Я съ бульдогомъ свелъ знакомство,
 Этотъ случай, à la Гейне,
 Ты воспой мнѣ для потомства.

Какъ-то разъ я шелъ съ Парнаса
 (Разумѣется, безъ палки),
 Гдѣ-то квакали лягушки,
 На ночлегъ слетались галки.

Капаль дождь,—твоя обитель
 Въ сѣрой мглѣ, какъ призракъ, скрылась,
 И слободка на болотѣ
 Въ собственномъ дыму копилась.

Грязь была по всей дорогѣ,
 Свиньи рыло задирали;
 Но собаки, слава Богу,
 На меня не нападали.

Вдругъ, представь себѣ мой ужасъ!—
 Слышу я сквозь дождикъ дробный,
 Кто-то: шлепъ, шлепъ, шлепъ! я—вижу
 Самъ бульдогъ!—О! я подобной

Морды чваной, неподвижной,
 Тусклой, геморoidalной
 Не видалъ еще ни разу
 Даже въ области журнальной.

— «Развѣ нѣтъ у васъ кареты!?»
 Началъ онъ со мной калякать,—
 «Какъ же вамъ не грѣхъ, почтенный,
 «Выходить въ такую слякоть!..

«Какъ здоровье?.. Вамъ, конечно,
 «Покровительствуютъ боги,—
 «Я же, Вашъ слуга усердный,
 «Все еще не свелъ итоги».

Слушаю, ушамъ не вѣрю!
 Что за чушь! подобной чуши
 Не городятъ даже Юмомъ
 Вызываемыя души.

Будь я мистикъ,—этотъ случай
 Расписаль бы я какъ чудо:—
 Оказалось, что бульдога
 Въ этотъ день кормили худо, —

У меня-жъ была въ карманѣ
 Колбаса,—и запахъ вкусный
 Обманулъ чутье бульдога...
 (Это фактъ довольно грустный).

Онъ повѣрилъ обонянью
 И вообразилъ сначала,
 Что я пахну, какъ редакторъ
 Либеральнаго журнала.

Онъ не могъ себѣ представить,
 Чтобъ поэты также пахли,
 Потому что ихъ карманы
 На Руси давно зачали.

И пока меня онъ нюхалъ,
 Я тихонько за ушами
 Щекоталъ его и кротко
 Ублажалъ его словами.

— Милый песь! твердилъ я,—право,
 Ты хорошій песь! За что же
 Ты порой рычишь такъ дико,
 Что морозъ дереть по кожѣ?

Чѣмъ тебѣ я досаждаю!?

Чѣмъ тебя я беспокою!?

— «Ты! ничѣмъ, сказалъ онъ,—только
 «Если ты поешь,—я вою.

«Вить, когда я слышу гвѣнье,

«У меня вошло въ обычай;

«Но—мнѣ чудится, съ Парнаса.

«Ты... домой... бредешь съ добычей...

Будемъ завтракать».—Охотно

Я готовъ съ тобой дѣлиться;

Лишь повѣдай, песь, за что ты

На меня изволишь злиться?

— «Все за то же, отвѣчалъ онъ,—

«Все за то, что ты не складенъ;

«Говорять, прогресса хочешь—

«И—ничуть не кровожаденъ.

«Говорять, что ты безъ цѣли
 «Съ музами брянчишь на лирѣ...
 «Чѣмъ же музы лучше дѣвокъ,
 «Что поютъ у насъ въ трактирѣ?»

«Аполлонъ твой, старый грѣшникъ,
 «Ни единого бульдога
 «Онъ еще въ свой хоръ не принялъ,—
 «А его ты чтишь за бога!»

— О, бульдогъ, бульдогъ! сказалъ я,—
 Чѣмъ тебѣ Парнасъ мѣшаетъ?
 Мой Парнасъ есть просто уголь,
 Гдѣ свобода обитаетъ,

Гдѣ свободенъ я отъ всякихъ
 Ретроградовъ, нигилистовъ,
 Отъ властей литературныхъ
 И завистливыхъ артистовъ.

Аполлонъ мой—просто старый
 Мой настройщикъ,—не перуны
 Въ миръ онъ мечетъ и не стрѣлы,—
 А натягиваетъ струны.

У меня, вѣдь, ихъ не мало
 Въ сердцѣ звучно обрывалось,
 И отъ этихъ звуковъ сердце
 Трепетало и сжималось.

Внемя имъ, не разъ, бывало,
 Муза пѣсню запѣвала;
 Но ты вылъ на всю слободку,
 И—та пѣсня замолкала.

Перевыть тебя я могъ бы,—
 Силъ хватило бы на это;
 Но, скажи, кому охота
 Пѣть съ тобой дуэть все лѣто!

— «Ба! прервалъ онъ,—ты, любезный,
 «Начинаешь похваляться,
 «Э, ге, ге! Я этой прыти
 «Отъ тебя не ждалъ, признаться.

«Пу, такъ я же всенародно
 «Буду лаять, что ты прѣсенъ,—
 «Что для критики не ясенъ
 «Смысль твоихъ туманныхъ пѣсенъ».

— О, бульдогъ, чужія рѣчи
 Ты по-дѣтски повторяешь
 И ошейника на шеѣ
 У себя не замѣчаешь.

Если пѣснь моя туманна,—
 Значить, жизньъ еще туманнѣй;
 Значить, тамъ и зги не видно,
 Гдѣ былъ вгденъ парусъ ранній.

Если пѣснь, какъ барометръ,
 Вамъ не лжетъ на счетъ погоды,
 Злитесь вы, зачѣмъ такъ вѣрежъ
 Этотъ градусникъ свободы.

Ваши пѣсни слободскія
 Вы не разъ подогрѣвали
 На огнѣ заемной мысли
 И онѣ,—признайся,—лгали.

Эти градусники лгали
 До того, что мы въ морозы
 Нараспашку выбѣгали
 Поглядѣть,—растутъ ли розы?..

Ты не слушаешь?—Дай ухо,—
 Я тебѣ покаюсь,—это
 Мой большой секретъ,—надѣюсь,
 Что не выдашь ты поэта.

Вы меня до умиленья,
 До восторга вдохновите,
 Если только вамъ удастся
 Вызвать бурю—хоть въ корытѣ...

— «Это буки!» дожда
 Колбасу, бульдогъ сердито
 Прорычалъ,—(ему хотѣлось
 Пить—и не было корыта).

— «Это буки, братецъ, буки!
 «Ты теперь намъ въ новомъ родѣ
 «Что-нибудь скорѣй состряпай
 «Да и спой при всемъ народѣ.—

«Но куда тебѣ въ герои!
 «Ты не нашъ—ты теоретикъ,
 «Лирикъ, но второстепенный,)
 «Классикъ, либераль, эстетикъ!

«Съ дѣтства совѣстью страдаешь,
 «Избалованъ воспитаньемъ
 «И готовъ къ собакѣ каждой
 «Относиться съ состраданьемъ».

— О, бульдогъ, бульдогъ! сказалъ я,—
 Ты, какъ вижу я, затѣйникъ!
 (И при этомъ я рукою
 Захватилъ его ошейникъ).

. . . . .
 Я пустилъ его на волю!
 И пугливыми скачками,
 Жалобно визжа, онъ скрылся
 За чужими воротами.

Уходя, я думалъ,—нынче
 Сей бульдогъ немного трусить,
 Завтра будетъ такъ же лаять
 И когда-нибудь укусить! —

Вотъ зачѣмъ я голенища
 Заказалъ себѣ повыше,
 И когда иду съ Парнаса,
 То иду какъ можно тише.

ПИСЬМО 2-е.

Ты какъ будто знала, муза,
 Что, влекомы и тѣснимы
 Жизнью, временемъ,—съ латынью
 Далеко бы не ушли мы...

Вѣчный твоя Парнасъ, о муза,
 Далеко не тотъ, гдѣ боги
 Наслаждались и ревниво
 Къ бѣднымъ смертнымъ были строги...

И, возставъ отъ сна, ни разу
 Ты на дѣвственныя плечи
 Не набрасывала тоги,
 Не слыхала римской рѣчи,

И про римскій Капитолій
 Отъ меня-жь ты услышала
 Въ день, когда я за урокъ свой
 Получилъ четыре балла...

Вмѣстѣ мы росли, о муза,
 И когда я былъ лѣнивый
 Школьникъ, ты была малюткой
 Шаловливо-прихотливой.

И, ужъ я не знаю, право,
 (Хоть догадываюсь нынѣ),
 Что ты думала, когда я
 Упражнялъ себя въ латыни?

Я мечталъ ужъ о Пегасѣ,—
 Ты же, рѣзвая, впрягалась
 Иногда въ мои салазки
 И везла меня, и мчалась...—

Мчалась по сугробамъ снѣжнымъ
 Мимо бани, мимо сонныхъ
 Яблонь, липъ и низкихъ ветель,
 Инеемъ посеребренныхъ,

Мимо стараго колодца,
 Мимо стараго сарая...
 И пугливо сердце билось,
 Отъ восторга замирая.

Иногда меня звала ты,
 Слушать сказки бѣдной няни,
 На скамьѣ съ своею прялкой
 Приютившейся въ чуданѣ.

Но я росъ, и выростала
 Ты, волшебная малютка;
 Дерзко я глядѣлъ на старшихъ,
 Но съ тобой мнѣ стало жутко.

Въ дни экзаменовъ, бывало,
 Не щадя меня нимало,
 Ты меня терзала, муза,—
 Ты мнѣ вирши диктовала.

Въ дни, когда, кой-какъ осиливъ
 Энеиду, я несмѣло
 За Горациевы оды
 Принимался,—ты мнѣ пѣла

Про широку степь,—манила
 Въ лѣсъ, гдѣ зорю ты встрѣчала,
 Иль поникшей скорбной тѣнью
 Межъ могильныхъ плитъ блуждала.

Тамъ, гдѣ надъ обрывомъ бѣлый
 Монастырь и гдѣ безъ оконъ
 Теремъ Олега *),—мелькаль мнѣ
 На вѣтру твой русый локонь.

И нигдѣ кругомъ, на камняхъ
 Римскихъ буквъ не находилъ я
 Тамъ, гдѣ мнѣ мелькаль твой локонь,
 Тамъ, гдѣ плакаль и любилъ я.

Въ дни, когда надъ Цицерономъ
 Сталь мечтать я, что въ Россіи
 Самъ я буду славенъ въ роли
 Неподкупнаго витія,—

Помнишь, ты меня изъ классной
 Увела и указала
 На разливъ Оки съ вершины
 Историческаго вала.

Этотъ валъ, кой-гдѣ разрытый,
 Былъ твердыней земляною
 Въ оны дни, когда рязанцы
 Бились съ дикою ордою;—

---

*) Олеговъ монастырь надъ Окой, въ 12 верстахъ отъ Рязани.

Подо мной таплись клады,
 Надо мной стрижи звенѣли,
 Выше—въ небѣ,—надъ Рязанью,
 Къ югу лебеди летѣли,

А внизу виднѣлась будка
 Съ алебардой, мость, да пара
 Фонарей, да бабы въ кичкахъ
 Шли ко всенощной съ базара.

Имъ навстрѣчу съ колокольни
 Несся гулкій звонъ вечерній;
 Тѣни шире разростались,—
 Я крестился суетрѣй...

Поблѣднѣлъ твой ликъ, и, помню,
 Ты мнѣ на ухо пропѣла:
 — «Милый мой! скажи, какая
 «Рѣчь въ умѣ твоємъ созрѣла?!

— «О, витія! здѣсь не форумъ,—
 «Здѣсь еще сердцама народа
 «Говорить вотъ этотъ гулкій
 «Звонъ церковный, да природа...

«Здѣсь твое—«quousque tandem!..»
 «Будеть рѣчью неумѣстной,
 «И едва-ль понятенъ будетъ
 «Стихъ твой, даже благовѣстный!»—

Время шло...—и вотъ, изъ школы
 Въ жизнь ушелъ я,—и объяла
 Тьма меня; но ты, о муза,
 Другъ мой, свѣтъ мой, не отстала.

Помнишь,—молодо-безпечны
 И отверженно-убоги,
 За возами шли мы, полемъ,
 Вдоль проселочной дороги;—

Насъ охватывали волны
 Простывающаго жара,
 Лицъ твой рдѣлъ въ румянѣ блескъ
 Вечерѣющаго пара,

И не юною подругой,
 И не дѣвушкой любимой,—
 Божествомъ ты мнѣ казалась,—
 Красотой невыразимой.

Я молчалъ,—ты говорила:
 «Нашу бѣдную Россію
 «Не стихи спасутъ, а вѣра
 «Въ Божій судъ или въ Мессію...

«И не наши Цицероны,
 «Не Горации,—иная
 «Вдохновляющая сила,—
 «Сила правды трудовая

«Обновить тотъ міръ, въ которомъ
 «Славу добываютъ кровью,—
 «Міръ съ могущественной ложью
 «И съ бессильною любовью»...

Съ той поры, мужая сердцемъ,
 Постигать я сталъ, о муза,
 Что съ тобой, безъ этой вѣры
 Нѣтъ законнаго союза...

Р О З Н Ь.

Où est la nécessité pour la marche du monde et les progrès de la civilisation, que les hommes se détestent et se déchirent? Quelle Destinée, quel Satan a voulu, pour l'ordre des cités et le perfectionnement des individus, qu'ils ne puissent penser, agir librement les uns à côté des autres...

P. S. Proudhon.

Не то глупца, не то врага
 Другъ въ другѣ видитъ наше племя:
 Злость стала людямъ дорога,—
 Спокойно мыслить намъ не время.
 — Намъ нужны факты безъ прикрасть,
 Мы говоримъ: намъ нужны числа...
 Но мы и въ нихъ не видимъ смысла;—
 Урокъ, въ нихъ скрытый, не для насъ.

Застрѣльщики, безъ всякой рати!..
 Въ войну играть—свое топтать,—

Своимъ задоромъ щеголять
 Мы рады кстатн и некстатн...
 Такъ сильныхъ міра тѣшимъ мы,
 Слѣпые, дѣтскіе умы!..
 Когда чередовой вопросъ,
 Намъ чуждый, съ Запада заходить,
 Изъ насъ,—какой молокососъ,
 Какой мудрецъ перомъ не водить!
 Заемной кипятятся враждой,
 Мы поднимаемъ чуть не вой,—
 Литература колобродить...—
 Но, если жизненный вопросъ,—
 Вопросъ насущный мы затронемъ,
 Какъ скоро мы его хоронимъ
 Безъ шума и гражданскихъ слезъ.

Одни изъ насъ хотятъ застоя,—
Довѣрѣя, полного покоя *),
 Другіе бѣшеныхъ скачковъ...
 И смутный гулъ идетъ отъ спора,
 Отъ несмолкаемаго хора
 Въ разладъ поющихъ голосовъ.

---

*) Перифразъ стиха Лермонтова «И полный гордаго довѣрія покой».

Завистливы, себялюбивы,
 То слишком скромны, то кичливы,
 Мы оцупью идемъ въ разбродъ
 Не то назадъ, не то впередъ.

Не просвѣтила насъ наука,
 Не озарила насъ любовь,
 И если мысль волнуетъ кровь,—
 Отъ жизни въ душу вѣетъ скука.
 Хотимъ успѣха мы,—и что-жь!
 Чужой успѣхъ—намъ острый ножъ...

И ужъ не ждите состраданья
 Къ тому, кто гибнетъ!—Намъ не жаль
 Безумныхъ братьевъ—и едва-ль
 Намъ дорого воспоминанье
 О тѣхъ немногихъ, кто мечтали,
 Любили, страдали и погибали.
 На все мы злы,—но все выносимъ,
 И такъ умны,—что жертвъ не просимъ.

Какъ красота не можетъ дать
 Кастрату чаши наслажденья,

И сладостнаго искушенья
 Не может онъ не проклинять,—
 Такъ, красоты утративъ чувство,
 Мы всё косимся на искусство;
 Одна лишь, подъ веселый часъ,
 Карриатура тѣшитъ насъ.

Сатирую забытый лирикъ,
 Молчи пока!.. Но гдѣ-жъ и ты,
 Бичъ зла, вреда и пустоты,—
 Ты,—нами вызванный сатирикъ?
 Увы! безъ власти надъ толпой
 И ты поникъ своей главой:
 Толпа въ чутьѣ непогрѣшима
 И поняла, что сгоряча,
 Ты все клеймилъ неумолимо,
 Зла отъ добра не отлича.

И такъ дойдемъ мы до могилы,
 Ни разу не соединивъ
 Свои разрозненные силы
 Въ одну мечту,—въ одинъ порывъ,
 Въ одно спасительное дѣло...

* * *

Заря подъ тучами взошла и загорѣлась
И смотреть на дорогу сквозь кусты...

Гляди и ты...—

Какъ блѣдны въ ихъ тѣни поникшіе цвѣты,
И какъ въ блестящій пурпуръ грязь одѣлась..

ЕСТЬ РѢЧИ.

«Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово».

М. Лермонтовъ.

Есть рѣчи—свѣтлые порывы—и моления:

Ихъ понимать не всѣмъ дано:

Въ нихъ для поэта—искра вдохновенья,

Для гражданина—благъ зерно.

Кто ихъ подслушаетъ—тѣ рѣчи, хоть украдкой,

Тотъ безъ горячаго стыда

Не въ силахъ протянуть руки своей за взяткой,

Не бросить честнаго труда.

Кто ихъ подслушаетъ—тѣ рѣчи, хоть украдкой,

Тотъ къ сердцу приметъ бѣдняка,

За правду въ адъ пойдетъ и лестью грязно-сладкой

Не замараютъ языка.

Х Р О М О Й.

Съ Богомъ боролся во снѣ
 Сынъ Исаака Иаковъ и—Бога не могъ
 Даже во снѣ побороть онъ, и сталъ отъ того хромоногъ.

Я же борюсь наяву,
 Только не съ Богомъ,—съ земною природой его,—
 Съ ней неустанно борюсь я и сталъ хромоногъ отъ того.

Не на однихъ помочахъ
 Съ дѣтства водила меня эта грубая мать,—
 Пить, она била, знобила, язвила—учила страдать...

И отравляла она
 Кровь мою, прежде чѣмъ душу мою отравить,
 И распаяла мечты мои, прежде чѣмъ могъ я любить.

Съ юности жизнь облача

Въ ярко-обманчивый, въ радужно-свѣтлый покровъ,
Прячетъ она подь душистыми розами иглы шиповъ.

Въ даль увлекаетъ меня;

Но на пути къ идеаламъ прекраснымъ мопмъ
Чучель какихъ-то все ставитъ, противныхъ бездушьемъ
своимъ.

Чтобъ изнемогъ я и палъ,

Или чтобъ жизнь миновалъ я безслѣдно, какъ тѣнь,—
Писпосылаетъ болѣзни и тяжкую, сонную лѣнь.

Только въ минуты, когда

Духъ мой ликуетъ, вкушая побѣдный покой,
Я умиляюсь божественно-вѣчной ея красотой

И вижу Бога ея

Въ свѣжемъ дыханьѣ румянаго утра, въ тѣняхъ
Трепетной зелени, въ лунномъ мерцаньѣ, въ звѣздахъ...

И, предаваясь мечтамъ

Всепримиряющимъ, вижу въ ней кроткую мать,
Ту, что хромого Иакова въ домъ свой зоветъ отдыхать.

МУЗА.

Вь туманъ и холодъ, внемля стучу
 Колесъ по мерзлой мостовой,
 Тревоги духа, а не скуку
 Дѣлилъ я съ музою молодой.

Я съ ней дѣлилъ неволи бремя,—
 Наслѣдье мрачной старины,—
 И жажду пересилить время,—
 Уйти въ пророческіе сны.
 Ея нервическаго плача
 Я былъ свидѣтелемъ не разъ,—
 Такъ тяжела была для насъ
 Намъ жизнью данная задача!
 Безсилья крикъ, иль неудача
 Людей, сочувствующихъ намъ,
 По дѣвственнымъ ея чертамъ

Унылой тѣнью пробѣгала,
 Дрожала блѣдная рука
 И олимпійскаго вѣнка
 Съ досадою листья обрывала.
 За то печаль моя порой
 Ее безжалостно смѣшила,
 Она въ вѣнокъ лавровый свой
 Меня, какъ мальчика, рядила;
 Безъ вѣры въ ясный идеалъ
 Смѣшно ей было вдохновенье,
 И звонкій голосъ заглушалъ
 Мое рюмованное гнѣне.
 Смѣшонъ ей былъ весь нашъ Парнасъ
 И нами пойманная кляча—
 Давно измученный Пегасъ;
 Но этотъ смѣхъ,—предвѣстникъ плача,—
 Ни разу не поссорилъ насъ.

И до сего дня муза эта
 Приходить тайно раздѣлять
 Тревоги бѣднаго поэта,
 Бодрить и учить презирать
 Смѣхъ гасра и холодъ свѣта.

ДВѢ ФІАЛКИ.

На высотѣ, у каменной глыбы, охваченной корнями альпійской ели, на краю темнаго, бурями поломаннаго лѣса цвѣтеть фіалка. За отрогами горъ, на горизонтѣ, свѣтится утро. На синевѣ розовыми пятнами мелькають вѣчные снѣга заоблачныхъ вершинъ; изъ глубокихъ ущелій, какъ голубой дымъ, ползуть туманы...

Изъ-за нихъ, высокій каменный утесъ сіяетъ такимъ ослѣпительно-алымъ блескомъ, что фіалкѣ чудится, что онъ пылаетъ къ ней самой возвышенной, вдохновенной любовью, и фіалка любитъ красотою его и испаряется нѣжнымъ благоуханіемъ.

Вдругъ, что-то промелькнуло... На сухой, желтый прутикъ сѣла сѣрая птичка и зачиликала...

— А я знакома съ одной изъ сестрицъ твоихъ, чиликала птичка. Тамъ, далеко, на сѣверо-востокъ, въ березовой рощѣ, за кустами дикой малины, у канавки, цвѣтетъ она. И такъ она мила была тогда, какъ пѣли соловьи, каналь дождь, а я выглядывала изъ своего притаившагося въ бузинномъ кустѣ гнѣздышка...

— Ахъ! если ты знакома съ тою далекой сестрой моею и если ты опять когда-нибудь съ нею встрѣтишься, скажи ей, что изъ всѣхъ утесовъ, меня окружающихъ, есть одинъ утесъ... онъ раньше всѣхъ встрѣчаетъ Бога, несущаго свѣтъ; цари орлы прилетаютъ отдыхать на груди его: они знаютъ, что никакія бури, никакіе дождевые, пѣнистые потоки не въ силахъ одолѣть его... Скажи милой сестрицѣ, что я каждое утро люблюсь имъ, и счастлива, когда мечтаю, что до него, изрѣдка, съ раннимъ вѣтеркомъ, долетаетъ аромат благоговѣйной любви моею.

— Тамъ, гдѣ цвѣтетъ сестра твоя,—чиликаетъ птичка,—нѣтъ ни заоблачныхъ высотъ, ни стремнинъ, ни утесовъ, озаренныхъ блескомъ алаго утра, и никакіе орлы не летаютъ тамъ.

— Такъ для кого же она благоухаетъ?

— Она безъ аромата, бѣдная, далекая сестра твоя.

— Безъ аромата!..

— Красный мухоморъ, съ бѣлыми, точно серебряными пятнами, стоитъ отъ нея въ двухъ шагахъ; она любитъся

имъ и ревнуетъ, когда зеленныя мухи садятся на грудь его...

— Мухоморъ—это тоже утесъ?..

— Нѣтъ? Это грибокъ... толстый и жирный грибокъ, и тотъ, кто прилетаетъ цѣловать его—улетаетъ отравленный...

Фіалка повѣсила головку и задумалась...

— Ну, такъ ничего, ничего не говори ты далекой сестрѣ моей... Она не пойметъ меня... Прощай, перелетная птичка!

* * *

Я не боюсь враговъ, пусть видятъ,
 Что я ихъ трусить пересталъ,—
 Не презираютъ,—ненавидятъ
 Они души моей закалъ.

Пусть ихъ слѣпой вражды перуны
 Впотьмахъ, какъ фейерверкъ, гремятъ,—
 Подъ этотъ громъ не замолчатъ
 Моей души живыя струны.

Но, если зависть и вражда
 Зашевелятся въ сердцѣ брата,
 Кого люблю я паче злата
 Во имя общаго труда,—

Тогда я самый жалкій въ мирѣ...—
 Двоится мой туманный взглядъ,
 Какъ будто я на братскомъ пирѣ
 Въ заздравномъ кубкѣ выпилъ ядъ.

КАЗИМИРЪ ВЕЛИКІЙ.

(Посв. памяти А. Ф. Гильфердинга *).

I.

Въ расписныхъ саняхъ, ковромъ покрытыхъ,
Нараспашку, въ буркѣ боевой,
Казимиръ, круль польскій, мчится въ Краковъ
Съ молодой, веселою женой.

---

*) Стихотвореніе «Казимиръ Великій» было задумано мною въ 1871 году. Покойный А. Ф. Гильфердингъ просилъ меня написать его для второго литературнаго вечера въ пользу Славянскаго комитета. — Тема для стиховъ была выбрана самимъ Гильфердингомъ, имъ же были присланы мнѣ и матеріалы, — выписки изъ Польскаго лѣтописца Длугоша, со слѣдующею въ концѣ припискою: *„Раздача хлѣба съ пору голода у лѣтописца разказана безъ всякой связи съ другими фактами изъ жизни Казимира, потому тутъ у васъ carte blanche...“* — Стихи были набросаны, когда я узналъ, что литературный вечеръ съ живыми картинами, въ пользу Славянскаго комитета, не состоялся и отложенъ на неопредѣленное время. — Затѣмъ умеръ и нашъ многоуважаемый ученый А. Ф. Гильфердингъ, самоотверженно собиравъ легенды и пѣсни того народа, изученію котораго, въ связи со всѣми ему соплеменнымъ народами, съ любовью посвящалъ онъ всю свою жизнь.

Къ ночи онъ домой спѣшить съ охоты;
 Позвонки бречать на хомутахъ;
 Впередъ, на всемъ скаку, не видно,
 Кто трубить, вздымая снѣжный прахъ;

Позади, въ саняхъ несется свита...
 Ясный мѣсяцъ выглянулъ едва...
 Изъ саней торчатъ собачьи морды,
 Свѣсилась оленья голова...

Казимиръ на пиръ спѣшить съ охоты;
 Въ новомъ замкѣ ждутъ его давно
 Воеводы, шляхта, краковянки,
 Музыка, и танцы, и вино.

Но не въ духѣ круль: насупилъ брови,
 На морозѣ дышитъ горячо...—
 Королева съ ласкою склонилась
 На его могучее плечо...

— Чтѣ съ тобою, государь мой?! другъ мой!?
 У тебя такой сердитый видъ...
 Или ты охотой недоволенъ?
 Или мною? — на меня сердить?..

— «Хороши мы!» молвилъ онъ съ досадою,—
 «Хороши мы! Голодаеть край,
 «Хлопы мрутъ, — а мы и не слышали,
 «Что у насъ въ краю неурожай!..

«Погляди-ка, ѣдетъ ли за нами
 «Тотъ гусларь, что встрѣтили мы тамъ...
 «Пусть-ка онъ споеть магнатамъ нашимъ
 «То, что спяна пѣлъ онъ лѣсникамъ!»...

Мчатся кони, рѣзче раздаётся
 Звукъ роговъ и топотъ, — и встаетъ
 Надъ заснувшимъ Краковомъ зубчатой
 Башни тѣнь, съ огнями у воротъ.

II.

Въ замкѣ свѣтятъ фонари и лампы,
 Музыка и пиръ идетъ горой;
 Казимиръ сидитъ въ полукафтанѣ,
 Подпираетъ бороду рукой.

Борода впередъ выходитъ клиномъ,
 Волосы подстрижены въ кружокъ...

Передъ нимъ съ виномъ стоитъ на блюдѣ,
Въ золотой оправѣ, турій рогъ;

Позади, — въ чешуйчатыхъ кольчугахъ
Стражниковъ колеблющійся строй... —
Надъ его бровями дума бродить,
Точно тѣнь отъ тучи грозовой.

Утомилась пляской королева, —
Дышитъ зноемъ молодая грудь,
Пышутъ щеки, свѣтится улыбка:
— Государь мой, веселѣе будь!..

«Гусляра вели позвать, покуда
«Гости не уснѣли задремать.» —
И къ гостямъ идетъ она, и гости —
— Гусляра, кричатъ, скорѣй позвать!---

III.

Стихли трубы, бубны и цимбалы;
И, венгерскимъ жажду утоля,
Чинно сѣли подъ столбами залы
Воеводы, гости короля.

А у ногъ хозяйки — королевы,
 Не на табуретахъ и скамьяхъ,
 На ступенькахъ трона сѣли панны,
 Съ розовой усмѣшкой на устахъ.

Ждутъ...—И вотъ на праздникъ королевскій
 Сквозь толпу идетъ, какъ на базаръ,
 Въ сѣрой свиткѣ, въ обуви ремянной,
 Изъ народа вызванный гусярь.

Отъ него надворной вѣсть стужей,
 Искры снѣга таютъ въ волосахъ,
 И, какъ тѣнь, лежитъ румянецъ сизый
 На его обвѣтренныхъ щекахъ.

Низко передъ царственной четою
 Преклонясь косматой головой,
 На ремняхъ повиснувшія гусли
 Поддержалъ онъ лѣвою рукой,

Правую подобострастно къ сердцу
 Онъ прижалъ, отдавъ поклонъ гостямъ...
 — «Начинай!» — и дрогнувшіе пальцы
 Звонко пробѣжали по струнамъ.

Подмигнулъ король своей супругѣ,
 Гости брови подняли... гусляръ
 Затянулъ про славные походы
 На сосѣдей,—нѣмцевъ и татаръ...

Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни,—
 Крики: «Vivat!» огласили залъ...—
 Только круль махнулъ рукой, нахмурясь:
 Дескать, пѣсни эти я слыхалъ!

— «Пой другую!» — и, потупивъ очи,
 Прославлять сталъ молодой пѣвецъ
 Молодость и чары королевы,
 И любовь — щедроть ея вѣнецъ.

Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни,—
 Крики: «Vivat!» огласили залъ...—
 Только круль сердито сдвинулъ брови:
 Дескать, пѣсни эти я слыхалъ!

«Каждый шляхтичъ» — молвилъ онъ,—«поеть ихъ
 «На ухо возлюбленной своей;
 «Спой мнѣ пѣсню ту, что пѣлъ ты въ хатѣ
 «Лѣсника, — та будетъ по-новѣй...

«Да не бойся!»—

Но гусларь, какъ будто
Къ пыткѣ присужденный, поблѣднѣлъ...

И, какъ плѣнникъ, дико озираясь,
Заунывнымъ голосомъ запѣлъ:

«Ой, вы, хлопы, ой, вы, Божьи люди!

«Не враги трубятъ въ побѣднѣй рогъ,

«По пустымъ полямъ шагаетъ голодъ

«И, кого ни встрѣтитъ,—валить съ ногъ.

«Продаетъ за пудъ муки корову,

«Продаетъ послѣдняго конька...

«Ой, не плачь, родная, по ребенкѣ!—

«Грудь твоя давно безъ молока.

«Ой, не плачь ты, хлопонецъ, по дѣвчинѣ!—

«По веснѣ, авось, помрешь и ты...

«Ужъ растутъ, — должно-быть къ урожаю,—

«На кладбищахъ новые кресты...

«Ужъ на хлѣбъ,—должно-быть къ урожаю,—

«Цѣны, что ни день, растутъ, растутъ...

«Только паны потираютъ руки,—

«Выгодно свой хлѣбецъ продаютъ»...

Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни:

«Правда ли?!» вдругъ вскрикнулъ Казимиръ,
И привсталъ, и, въ гнѣвѣ, весь багровый,
Озираеть овѣмѣвшій пирь...

Поднялись... дрожать... блѣднѣютъ гости.

«Что же вы не славите пѣвца?!
«Божья правда шла съ нимъ изъ народа —
«И дошла до нашего лица...

«Завтра же, въ подрывъ корысти вашей,

«Я мои амбары отопру...
«Вы... лжецы! глядите: я, король вашъ,
«Кланяюсь, за правду, гусяру!..»

И, пѣвцу поклонъ отвѣсивъ, вышелъ

Казимиръ, — и пирь его притихъ...
«Хлопскій круль!» въ сѣняхъ бормочуть паны...
«Хлопскій круль!» лепечутъ жены ихъ.

Онѣмѣлъ гусяръ, поникъ, не слышитъ

Ни угрозы, ни ропота кругомъ...
Гнѣвъ Великаго великъ былъ, страшенъ —
И отраденъ, какъ въ засуху громъ!

ИЗЪ БУРДИЛЬЕНА.

«The night has thousand eyes».

Ночь смотритъ тысячами глазъ,
А день глядитъ однимъ;
По солнца вѣтъ,—и по землѣ
Тьма стелется, какъ дымъ...

Умъ смотритъ тысячами глазъ,
Любовь глядитъ однимъ;
По вѣтъ любви,—и гаснетъ жизнь,
И дни плывутъ, какъ дымъ...

НА УЛИЦАХЪ ПАРИЖА.

(Весною 1871 г.).

Вотъ еще одну изъ многихъ,
Дочь нужды, дитя народа,
Разстрѣлять вѣдутъ,—и слышенъ
Крикъ: да здравствуетъ свобода!

Палачи, должно-быть, пьяны,
Жертва ихъ взята ошибкой...
На ея поблекшихъ губкахъ
Ужасъ борется съ улыбкой.

Выбиваются, спадаютъ
Косы изъ-подъ шляпки сбитой,
Локти связаны, взорванъ
Лифъ, подъ праздникъ ею сшитый.

Тонкій очеркъ блѣдной груди
 Тронуть отблескомъ разсвѣта.
 Утро блещетъ по мансардамъ,
 Ей навстрѣчу дышитъ лѣто.

— «Боже мой! какое утро!»
 Говорить она разбитымъ,
 Слабымъ голосомъ, шагая
 Межъ солдатъ по звонкимъ плитамъ.

«Ахъ, какъ голуби высоко
 «Рѣютъ!.. А на мнѣ все смято,
 «Все изорвано,—схватили,
 «Повели,—ведутъ куда-то...

«Говорятъ, меня Всевышній
 «Не обидѣлъ красотою...
 «Что-жъ я сдѣлала? за что вы
 «Такъ безжалостны со мною?

«Не за то ли, что случайно,
 «Ради самосохраненья,
 «Я и Жанъ мой отбивались
 «Отъ ночного нападенья?

«Все-то мы дѣлили вмѣстѣ:
 «И любовь, и хлѣбъ, и воду...
 «О! какъ глупо умереть мнѣ
 «Въ эту чудную погоду!»

Стой!.. Пришли... Площадка... Стѣны...
 Дверь, заросшая бурьяномъ...
 И затихъ вдругъ лепетъ жертвы,
 Заглушенный барабаномъ.

Страшной ненависти буря
 Дымнымъ залпомъ разразилась,
 И въ крови—въ могилу,—въ мусоръ,
 Какъ цвѣтокъ, она свалилась.

Солнце встало надъ Парижемъ,
 И ясна была погода...
 Лишь грозой воспялся пьяный
 Крикъ: да здравствуетъ свобода!

ТЯЖЕЛАЯ МИНУТА.

Гдѣ вы, источники вѣчной любви, —
 Жажда всѣхъ видѣть счастливыми, —
 Кладъ дорогой, скрытый въ нервахъ, въ крови,
 Въ пламенномъ сердцѣ съ порывами?
 Гдѣ та великая вѣра въ людей, —
 Въ славу всего человѣчества?
 Или хоть въ смѣлую правду друзей,
 Шедшихъ страдать за отечество?..
 Гдѣ та заря, что вставала?—скажи,
 Гдѣ та душа, что проснулась?..
 Или земля,—это скопище жп, —
 Въ грозныя тучи замкнулася?..
 Или опять племенная вражда
 Въ каждый народъ протѣснилася
 И, какъ осенняя съ грязью вода,
 Въ сердце мое проточилася...
 Или въ умы замѣшался хаосъ,—

Или опять первобытная
Дичь ~~разрастается~~,—крови и слезъ
Требуетъ власть ненасытная!—
Если погаснетъ священный огонь,—
Что впереди?—тьма бездонная...
Милая! въ эту минуту не тронь
Сердце мое омраченное...
Можетъ быть, эта минута пройдетъ,
Можетъ быть, завтра-жъ попутная
Звѣздочка лучъ свой уронитъ,—сойдетъ
Въ душу хоть радость минутная.
Радъ буду встрѣтить я гостью мечту
И принести ей раскаянье
За ненавистную мнѣ слѣпоту
И за минуту отчаянья...

~~~~~

В Ъ С Т Е П И.

I.

Скучно-безцвѣтные дни,—сумерки, вмѣсто дневного
 Свѣта, застигли меня, здѣсь,—на степномъ перепутьѣ;
 То ливень лиль, то кругомъ хутора выль мокрый вѣтеръ;
 Муза, и та, наконецъ, вмѣстѣ со мной стала дрогнуть.
 Все говорило ей: стой! не залетай высоко!..
 Здѣсь даже сказки свои позабыла старуха,
 И безъ осмысленныхъ словъ тянется грустный напѣвъ.
 Вдругъ, наступила жара: въ щели лучи пронизались,
 И освѣтлѣло въ сѣняхъ, и заскрипѣли ворота;
 Сталь просыхать черноземъ, и колея со двора
 Черезъ проселокъ меня въ сѣрую степь увела,—
 Въ эту широкую степь, гдѣ ни куста, ни пригорка.
 Къ вечеру зной освѣжѣлъ, воздухъ былъ мягко-прозраченъ;
 Вьющійся столбъ комаровъ сталъ провожать меня; гдѣ-то
 Свистнулъ,—должно-быть, сурокъ, и, какъ струна басовая,

Въ сумеркахъ вечера жукъ мимо ушей прогудѣлъ.
 Дорого-бъ далъ я, чтобъ здѣсь мнѣ навсегда надышаться
 Силой земли, тишиной и обаяньемъ простора,
 Чтобъ унести далеко въ сердцѣ, въ мозгу, въ каждомъ
 нервѣ

Этотъ цѣлебный фіалъ,—эту розу,—этотъ воздухъ...
 Вспомнилъ я шумъ городской, стѣны и лѣстницы,—гнѣзда
 Зависти и клеветы,—вспомнилъ дома, гдѣ интрига
 Тонкія сѣти плететь, сводить людей и разводить,—
 Вѣчно въ подрывъ свѣжихъ силъ, вѣчно свободѣ въ
 ущербъ!—

Вспомнилъ я... и пожелалъ (ненправимый мечтатель!)
 Въ этомъ привольѣ степномъ взять на себя трудъ по-
 сильный.

II.

Въ этомъ привольѣ степномъ, взявъ на себя трудъ по-
 сильный,

Шель босоногій мужикъ, клячу свою понукая,
 Вытянувъ шею свою,—кляча тянула соху;
 Изъ-подъ желѣза сохи черныя глыбы валились,
 Около свѣжихъ бороздъ свѣжей ложась бороздой.
 — «Богъ тебѣ въ помощь, землякъ!» вымолвилъ я, и по-
 думалъ:

Умъ мой и руки мои, видно, не въ помощь тебѣ!

Остановился мужикъ,—остановилась и кляча;
 Онъ молча шапку стинулъ,—кляча развѣсила уши
 И, помотавъ головой, потную морду свою
 Стала тянуть къ муравѣ, и, какъ лохмотья, повисли
 Спутанной гривы ея космы до самой земли.

III.

— Дядя! сказалъ я, шутя,—не промѣняешь ли клячу?
 Я за нее тебѣ дамъ славную штуку,—Пегаса.
 Конь—что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать,—конь
 крылатый.
 Онъ приведенъ къ намъ изъ Греціи черезъ Европу. Слы-
 халъ ли
 Ты объ Европѣ хоть что-нибудь?..

— «Нѣтъ, не слыхалъ.»

— Ну, такъ вѣрь мнѣ,

Есть, дядя, эдакій конь...

И мужикъ съ недовѣрьемъ оскалплъ
 Бѣлые зубы.—«Да самъ-то видалъ ли ты?»

— Какъ не видать!

Самъ я носился на немъ, выше лѣсу стоячаго, выше
 Облака въ небѣ ходячаго. Конь удивительный! Только
 Надо умѣть его сдерживать,—разумъ на то чловѣку
 Данъ,—а не то ему удержи нѣтъ; — понесетъ, что твой
 вихорь!

Въ Иерусалимъ загадалъ? — въ Иерусалимѣ... въ Аеонѣ? —
на Аеонѣ

Мигомъ очутишься. Горы, моря, города, даже царства,
Какъ у себя на ладони, увидишь ты. Мало того,
Можешь на немъ ты, съ молитвою, выше полночной звѣзды,
Къ праведнымъ, въ царство небесное, очи зажмуривъ,
подняться

И услышать, какъ въ раю, тамъ поютъ Херувимскую, — или
Можешь тамъ встрѣтить несмѣтное множество яркихъ
свѣтилъ:

Кишмя-кишатъ тамъ міры лучезарныя, и, какъ пылинки,
Посятся около нихъ вотъ такія же точно обителѣ,
Какъ и земля наша, гдѣ мы съ тобою прозябаемъ. И
все это

Видѣлъ я, дядя, самъ видѣлъ.

— «Да ты не колдунъ ли?»

— Итъ, не колдунъ, — у меня есть другое, старинное
прзвище:

Люди меня обзываютъ *поэтомъ*. Слыхалъ ли ты это
Громкое слово: поэтъ?

— «Не слыхалъ, милый! съ роду не слыхивалъ...

Чтѣ-жь это значитъ поэтъ?!»

— То же почти, что колдунъ.

— «А коли такъ, ты-бъ, родимый, мнѣ кладъ указалъ,
гдѣ зарыть...»

— Кладъ у тебя подъ рукой,—только засѣй свою пашню,
 Изъ-подъ земли самъ собой къ осени выйдетъ твой кладъ.—
 Понялъ мужикъ эту притчу и почесалъ свой затылокъ:
 — «Съ этого клада», сказалъ онъ, «дай Богъ до весны
 прокормиться...

...Ишь, лошаденка-то—кожа да кости! Крылатая лошадь—
 Тоже, чай, тощая! Ты мнѣ ее покажи,
 Да ужъ потомъ и тово,—и вымѣнивай. Кто же те знаетъ,
 Грамотѣ я не ученъ; можетъ-статься, и вправду такое
 Водится чудо заморское».

— Ну, а куда бы, любезный,
 Ты бы на немъ полетѣлъ?

— «Да куда полетѣть?—нешто въ городъ;
 Али бы къ куму махнулъ... А не то обрубилъ бы
 Чортовы крылья анаемѣ, да и запрягъ бы въ телѣгу».
 — Ну, дядя, врядъ ли намъ выгодно будетъ мѣняться!—
 Ты на Пегасѣ моемъ далеко не уѣдешь, а я
 Съ клячей твоей не спашу и одной десятины...

.

Е Л К А.

I.

На краю села, досками
Заколоченный кругомъ,
Спитъ покинутый, забытый,
Обветшалый барскій домъ.

За усадьбою, въ избушкѣ
Няня старая живетъ,
И ужь сколько лѣтъ—не можетъ
Позабыть своихъ господъ.

Все рассказываетъ внучку,
Какъ встрѣчали господа
Новый годъ, Святую, Святки...
Какъ кутили иногда,—

И какія доводилось
 Ей слышать въ дому у нихъ
 Чудодѣйныя сказанья
 Про угодниковъ святыхъ...

Позабытая старушка
 Попроламъ съ нуждой живетъ,
 За крупу, за хлѣбъ, за масло
 Зиму зимнюю прядеть.

Внучекъ малъ,—сыра избушка,—
 И до самаго окна,—
 Вплоть до ставня, свѣжной бурей
 Съ ноября заметена.

II.

Ночь, морозъ трещить, все глухо,
 Вся деревня спитъ;—одна
 Няни тѣнь торчитъ за прялкой,—
 Пляшетъ тѣнь веретена.

Съ догорающей свѣтильной
 Сумракъ борется ночной,

На полатяхъ подь овчиной
Шевелится домовой.

Внукъ пугливо смотритъ съ печи,
Онъ вскосматилъ волоса,
Поднялъ худенькія плечи,
Локотками подперся...

— Бабушка!..—Чего, родимый?
— Наяву или во снѣ
Про рождественскую елку
Ты рассказывала мнѣ?

Какъ та елка въ барскомъ домѣ
Просіяла,—какъ на ней
Были звѣзды золотыя
И гостинцы для дѣтей...

Вотъ бы намъ такую елку!
И сочельникъ не далекъ.
Только что это за елка?—
Мнѣ все какъ-то невдомекъ?

Порвалась у пряжи нитка;
 Разсердилась и ворчить:
 — Ишь, не спить!.. про елку бредить;
 Видно, голодень,—блажить!

Зачадысь, свѣтлыня гаснетъ;
 Не жужжитъ веретено...—
 Помолясь, легла старуха;
 Ночь бѣлѣтся въ окно.

— Бабушка!..—Чего родимый?
 — Ну, а гдѣ она растеть,
 Эта елка-то? Ты только
 Расскажи мнѣ, гдѣ растеть!..

— Гдѣ-жъ расти,—растеть въ лѣсочкѣ,
 Въ ельникѣ растеть... постой!..
 Домовой никакъ проохаль...
 Тише!.. спи, Господь съ тобой!..

III.

Рождества канунъ,—сочельникъ.
 • Вотъ, подтибривши топоръ,

Къ noci внучекъ старой няни
Пробрался въ сосѣдній боръ.

Тѣни сосенъ молча стали
На дорогу выходить...
Онъ рождественскую елку
Ищетъ бабушкѣ срубить.

Вотъ и мѣсяць,—засквозили
Сучьевъ сѣти и рога,—
Свѣтъ его, какъ свѣтъ лампы,
Легъ на блѣдные снѣга.

Смотрить мальчикъ,—что за чудо!
Изъ-за темнаго бугра
Вышла, выглянула елка,
Точно вся изъ серебра.

Бриллианты на рогулькахъ,
Въ бриллиантахъ—огоньки.
Дрогнулъ мальчикъ,—отъ натуги
Кровь стучитъ ему въ виски.—

Не звезда ли—эта искра,
 Превратившаяся въ ледъ?
 Ступить вправо—засверкаетъ,
 Ступить влѣво—пропадетъ.

Пораженный, умиленный,
 Онъ стоитъ—и какъ тутъ быть!?.
 Какъ рождественскую эту
 Елку станетъ онъ рубить!?.

Мѣсяцъ льетъ свое мерцанье,
 Въ темномъ лѣсѣ—ни гугу!
 Опустивъ топоръ, присѣлъ онъ
 Передъ елкой на снѣгу.

И сидитъ, и слышитъ, гдѣ-то
 Словно колоколь гудеть.
 Это сонъ? иль это Божья
 Смерть подъ благовѣсть идетъ?..

И рождественская елка
 Передъ нимъ растеть, растеть...
 Лучезарными вѣтвями
 Обняла небесный сводъ...

По вѣтвямъ ея на землю
 Сходятъ ангелы... ихъ клиръ
 Пѣснь поеть о славі Вышнихъ..
 Всей землѣ пророчить миръ.

И тѣмы-темъ огненнокрылыхъ,
 Ослѣпительныхъ дѣтей
 Изъ вѣтвей глядятъ на землю
 Мпріадами очей,—

Словно ждуть,—какое міру
 Богъ готовитъ торжество...—
 Смерть баюкаетъ ребенка,
 Сердцу снится Рождество.

И упалъ изъ рукъ топорикъ,
 И заснулъ бы онъ навѣкъ!
 Да случайно мимо лѣсомъ
 Ъхалъ пьяный дровосѣкъ.

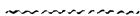
Онъ встряхнулъ его, ругаясь
 И свистя, отвезъ домой,
 И очнулся бѣдный мальчикъ
 На груди ему родной.

Долго былъ потомъ онъ боленъ,—
Чѣмъ-то смутно потрясенъ,—
Никому не разказалъ онъ
Сна, который видѣлъ онъ.

Да и какъ бы могъ онъ, бѣдный,
Все то высказать вполнѣ,
Что душѣ его сказалось
Въ полусмерти,—въ полуснѣ...

* * *

Чтобы пѣсня моя разлилась какъ потокъ,
Ясной зорьки она дожидается:
Пусть не темная ночь, пусть горящій востокъ
Отражается въ ней, отливается...
Пусть чирикаютъ вольныя птицы вокругъ,
Сонный лѣсъ пусть проснется,—нарядится,
И сова,—пусть она не тревожить мой слухъ
И, слѣпая, подальше усядется.

* * *

Блаженъ озлобленный поэтъ,
 Будь онъ хоть нравственный калѣка,
 Ему вѣнцы, ему привѣтъ
 Дѣтей озлобленнаго вѣка.

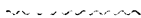
Онъ какъ титанъ колеблетъ тьму,
 Ища то выхода, то свѣта —
 Не людямъ вѣрить онъ—уму,
 И отъ боговъ не ждетъ отвѣта.

Своимъ пророческимъ стихомъ
 Тревожа сонъ мужей солидныхъ,
 Онъ самъ страдаетъ подъ ярмомъ
 Противорѣчій очевидныхъ.

Всѣмъ пыломъ сердца своего
Любя, онъ маски не выносить
И покупного ничего
Въ замѣну счастья не просить.

Ядъ—въ глубинѣ его страстей,
Спасенье—въ силѣ отрицанья,
Въ любви—зародыши идей,
Въ идеяхъ—выходъ изъ страданья.

Невольный крикъ его—нашъ крикъ,
Его пороки наши, наши!
Онъ съ нами пьетъ изъ общей чаши,
Какъ мы отравленъ—и великъ.

НОЧНАЯ ДУМА.

Я червь—я богъ.
Державинъ.

Ты не спишь, блестящая столица,—
Какъ сквозь сонъ я слышу за стѣной
Звяканье подковъ и экипажей
Грохоть по неровной мостовой...

Какъ больной, я раскрываю очи:
Ночь, какъ море темное, кругомъ...
И одинъ, на днѣ осенней ночи,
Я лежу, какъ червь на днѣ морскомъ.

Гдѣ-нибудь, быть можетъ, въ эту полночь
Праздничные звуки льются съ хорь,—
Слезы льются,—сладострастье стонеть,—
Крадется съ ножомъ голодный воръ...

Но для тѣхъ, кто пляшетъ или плачетъ,
 И для тѣхъ, кто крадется съ ножомъ,
 Въ эту ночь, неслышный и незримый,
 Развѣ я не червь на днѣ морскомъ?!

Если нѣтъ хоть злыхъ духовъ у ночи,
 Кто свидѣтель тайныхъ думъ моихъ?
 Эта ночь не спрячетъ ли ихъ раньше,
 Чѣмъ моя могила спрячетъ ихъ!

Съ этой жаждой, что воды не просить,
 И которой не залить виномъ,
 Для себя—я духъ, стремленийъ полный,
 Для другихъ—я червь на днѣ морскомъ.

Духа титаническіе стоны
 Слышать ли во мракѣ кто-нибудь?
 Знаетъ ли хоть кто-нибудь на свѣтѣ,
 Отчего такъ трудно дышатьъ груды!

Между мной и цѣлою вселенной
 Ночь, какъ море темное кругомъ..
 И ужъ, если Богъ меня не слышитъ,—
 Въ эту ночь я—червь на днѣ морскомъ.

* * *

Молчи, минутнаго покоя не тревожь!

Не говори, что—сплннь!

Вѣдь безнаказанно и ты не доживешь

До роковыхъ сѣдннь.

Все то, что радуеть тебя своимъ расцвѣтомъ,

Въ туманѣ осени погибнетъ вмѣстѣ съ лѣтомъ.

Настануть дни, когда пріятелей своихъ

Знакомыя черты

Припоминая, ты сочтешь надъ прахомъ ихъ

Забытые кресты.

И будутъ ихъ сердца, ихъ суетныя силы

Не нужны для тебя, иль нѣмы, какъ могилы!

Сойдешься ль ты опять случайно гдѣ-нибудь

Съ подругой свѣтлыхъ дней,

Чьи взгляды жгутъ тебя, чья молодая грудь
 Блаженныхъ ждетъ ночей,—
 Морщины встрѣтишь ты, да высохшія плечи,
 Въ глазахъ—тупой вопросъ, въ устахъ—пустыя рѣчи.

Сойдешься-ль съ юношей, который, въ цвѣтъ силъ
 Исполненный надеждъ,
 Былъ благородно-смѣлъ... такъ счастливъ, что прослылъ
 Бойцомъ среди невѣждъ,—
 И встрѣтишь, можетъ быть, ханжу или бюрократа,
 Которому одно начальство только свято.

Ребенка-ль милаго захочешь встрѣтить ты,
 Котораго ласкалъ,
 Который матери прелестныя черты
 Тебѣ напоминалъ,—
 И встрѣтишь взрослога болвана, или злого
 Лстеца-предателя, душѣ твоей чужого.

Надежда-ль на успѣхъ волнуетъ грудь твою—
 Или, стремясь впередъ,
 Ты, какъ за кровную, всѣмъ общую семью,
 Хлопочешь за народъ,—

И вдругъ увидишь: все, что нынѣ къ свѣту рвется,
Попятится назадъ, простынетъ иль уймется.

А сколько злыхъ измѣнъ, вражды, насмѣшекъ, слезъ
Ты встрѣтишь? не сочтешь!

Нѣтъ, безнаказанно, братъ, до сѣдыхъ волосъ

И ты не доживешь!

Путь долгой жизни есть путь къ жизни безнадежной.—

Таковъ законъ судьбы...

Ужели неизбежный!?

ОТРОЧЕСТВО.

Когда, почти дѣтьми, ухабистой тропинкой
 Мы бѣгали въ березовый лѣсокъ,
 Какъ жарко грудь ея дышала подъ косынкой,
 Какъ шаловливъ былъ съ ней пахучій вѣтерокъ!
 Намъ было весело,—мы оба задыхались,—
 Другъ другу руки жали иногда;
 Но никогда мы, никогда
 Въ своей любви не признавались!

Когда восходъ луны мы съ ней вдвоемъ встрѣчали,
 И дымчатый туманъ вставалъ съ рѣкп...
 Какъ звѣзды, при лунѣ, глаза ея мерцали,
 Блаженная слеза скользила вдоль щеки,
 И тамъ, гдѣ локоны плеча ея касались,
 Мои уста касались иногда;
 Но никогда мы, никогда
 Въ своей любви не признавались!

Зимой, когда мятель шумѣла въ вечерь поздній,
 И погасаль въ лампадѣ огонекъ,
 И странный храпъ въ дому былъ слышенъ—адскихъ козней
 Не разъ мы трусили, забившись въ уголокъ.
 Тогда плечомъ къ плечу впотьмахъ мы робко жались,
 Быть можетъ, цѣловались иногда;
 Но никогда мы, никогда
 Въ своей любви не признавались!

Но вотъ, жизнь грубая на все дохнула прозой,
 Неопытныхъ дѣтей подстерегла,
 Мнѣ отравила умъ неслыханной угрозой,
 Постыдной клеветой ей душу обожгла,
 И какъ враги съ тѣхъ поръ другъ друга мы чуждались,—
 Мы смутно понимали, въ чемъ бѣда...
 И все вдругъ поняли, когда
 Въ прощальный часъ въ любви признались.

ЧТО СЪ НЕЙ?

I.

Когда изъ пеленъ порывалась она,
 Молилась и жарко мечтала,
 Раствѣнная жизнь, зла и грязи полна,
 Ей раны свои обнажала.

И въ лучшіе дни, какъ цвѣла красота,
 Мечты ея вяли и вяли;
 Ни ласковыхъ словъ не шептали уста,
 Ни дѣтскихъ молитвъ не шептали.

Пытливомъ огнемъ изъ-подъ темныхъ рѣсницъ
 Мерцал, въ ней мысль загоралась.
 Въ тѣ дни много-много запретныхъ страницъ
 Въ безсонныя ночи читалось...

Ее жажда правды томила до слезь...
 На Западѣ бури шумѣли,
 И къ намъ проникалъ за вопросомъ вопросъ,
 Какъ вѣтеръ, свистя въ наши щели...

Отъ этого вольнаго вѣтра спасти
 Нельзя лицемѣрной морали,
 Когда люди свято велятъ намъ блюсти
 Все то, что они попирали...

II.

И духъ отрицанья ее посѣтилъ,
 Онъ понялъ, какая въ ней сила;
 Онъ юную душу настолько плѣнилъ,
 Насколько душа та—изныла;

Науку, семью, государство, права,
 Религію, гениіи, искусство,—
 Все, все превратилъ онъ въ пустыя слова,
 Насилуя разумъ и чувство.

«Иди, говорилъ онъ, иди вслѣдъ за мной,
 «И будетъ твой путь—путь свободный,

«И скоро среди мастерскихъ мы съ тобой
«Сойдемся на тризнь народной.

«На каждой верствѣ—будетъ общій дворецъ;
«За трудъ—будетъ плата любовью;
«И будетъ тогда отрицанью конецъ,—
«Созрѣетъ—политое кровью».

II эти туманныя рѣчи она
При насъ горячо повторяла;
Ея слабый голосъ дрожалъ, какъ струна,
Въ немъ гордая вѣра звучала.

III

А время все шло,—шло, и много надеждъ,
Имъ грубо задѣтыхъ, сломалось.
Чадась, погасали восторги невѣждъ,—
И мысль на вѣтру колебалась.

Поблекло лицо ея,—въ темныхъ глазахъ
Мысль робкимъ огнемъ чуть мелькала,
II ужъ не улыбка на блѣдныхъ устахъ,—
Тѣнь прежней улыбки блуждала.

Ея предреканьямъ послушный кружокъ
 Давно позабыль ея грёзы;
 У каждаго путь свой—и свой уголокъ
 Нашелся для грёзъ и для прозы.

И тотъ, кто взялъ дань съ ея сердца, и тотъ
 Пошелъ ужъ другою дорогою,
 Ей бросивши на руки много заботъ
 И грудь познакомивъ съ тревогой...

И вотъ, чтобъ друзей не осталось слѣда,
 Нужда въ ея дверь постучалась...
 И билась она, и искала труда,—
 И гдѣ теперь? Чтò съ нею сталося?

IV.

Ушла ли на Западъ она, въ край чужой,
 Гдѣ жатва давно ужъ созрѣла,
 И все, чтò не смято въ ней братской враждой,
 Для новой вражды уцѣлѣло?

Ушла ли она въ наши степи,—туда,
 Гдѣ нѣтъ ни конца, ни начала,

Гдѣ требуетъ время иного труда
И вѣры иного закала?

Или, изможденная страшной борьбой,
Въ чаду, въ тѣснотѣ еле дышитъ,
И чуткая, слышитъ бредъ жизни хмельной
И—Боже!—неужели слышитъ,—

Какъ духъ отрицанья глумится надъ ней,
И даже ее отрицаетъ,
Ее,—кто ему въ жертву несъ радость дней
И ради его погибаетъ!

Ожесточенная—врядъ ли пойметъ,
Что въ безднѣ людскихъ заблуждений
Лишь только поэтъ искры сердца найдетъ,
А искры ума—только гений.

НАГОРНЫЙ КЛЮЧЬ.

(Посвящ. П. М. Ковалевскому).

На заоблачныхъ горахъ,—
 На холодныхъ высотахъ,
 Родила меня та мгла,
 Что съ земли къ звѣздамъ плыла;
 Но,—пригрѣтый выше тучъ
 Лаской божьяго луча,
 Я растаялъ въ чистый ключъ
 И, едва-едва журча,
 Роюсь змѣйкою живою
 Подъ лавиной снѣговой.
 Кто ты,—недругъ или другъ?!
 Чуть затихнетъ вѣтерокъ,
 Преклони ко мнѣ свой слухъ,
 Чтобъ хоть ты подслушать могъ,
 Какъ въ могильной тишинѣ
 Словно плачетъ по веснѣ

Молодой мой голосокъ.
 Слышишь ли, какъ я ропщу,
 Какъ я вырваться хочу
 Изъ-подъ власти ледяной
 Этой выси мнѣ родной?—
 Погоди, когда-нибудь
 Выбьюсь я на вольный путь!
 На долину я сойду,
 Водопадомъ упаду,
 Засверкаю жемчугомъ,
 Покачусь живымъ ручьемъ...
 Буду жажду утолять,—
 Ваши силы обновлять...

— Не мечтай еще пока,
 Прежде силъ своихъ спросись...—
 Та долина далека,
 И дорога не легка
 Черезъ эти кручи, внизъ...
 Звай и вѣдай напередъ,
 Что, протачивая ледъ,
 Много встрѣтишь ты преградъ:
 Скалы гребнями торчатъ...—
 И, я знаю, между скалъ

Темный въ бездну есть проваль.
 Какъ легко тебѣ упасть
 Въ эту каменную пасть,
 Гдѣ весь вѣкъ горять одни
 Лишь подземные огни.
 Не тебѣ ихъ одолѣть!
 Будешь рваться и шипѣть...
 И, боюсь я, сгинешь ты,—
 Сгинуть всѣ твои мечты.

Силь моихъ не истребятъ—
 Ни проваль, ни самый адъ;
 И въ провалѣ, и въ аду
 Я товарищей найду.
 Вмѣстѣ съ лавой огневой,
 Вмѣстѣ съ пепломъ и золой,
 Я, чтобъ небо увидеть,
 Буду землю колебать.
 На просторъ когда-нибудь
 Потайной пророю путь,—
 У какой-нибудь горы
 Я сгущу мои пары,—
 Надъ дымящимся жерломъ
 Встану темнымъ я столбомъ;

Буду грозно клекотать,
Сѣрнымъ пламенемъ дышать,
И меня сопровождать
Будутъ молніи и громъ.
Но едва лучистый видъ
Неба взоръ мой прояснить,
Я не въ грѣзахъ, наяву
Синей тучкой поплыву,
Засверкаю жемчугомъ,
Упаду косымъ дождемъ...
Буду жажду утолять,—
Ваши силы обновлять.

УТЕСЪ.

Отшатнувшись отъ родимыхъ
 Горь, утесъ ушелъ далеко
 Въ море, и стоять высоко
 Надъ разливомъ волнъ, гонимыхъ
 То съ заката, то съ востока...
 Волны мчатся, волны ропщутъ,
 Волны, злясь, другъ друга топчутъ,
 И опять встаютъ и блещутъ,
 И въ утесъ сердито хлещутъ.
 Что ему?!—Пришлецъ недужный,
 Онъ молчить,—уже съ разбитой
 Грудью, всѣмъ вѣтрамъ открытой,
 Посреди чужихъ—не нужный,
 Посреди своихъ—забытый.
 Иногда, взлетаетъ пѣна
 Съ бурей на его колъна
 И трепещетъ, извиваясь,

И шипить, къ нему ласкаясь...
 Ей одной свои стремленья,
 Ей одной свои мученья
 Тщетно высказать онъ хочеть;
 Буря свищеть и хохочеть,
 Пѣна въ брызгахъ улетаетъ,
 Буря брызгами играетъ,
 Улетая буря плачеть.
 «Боги! что все это значить?!»
 Говорить утесъ, и снова
 День и ночь молчить сурово.

Иногда, порой ночью,
 Море дышитъ тишиною,—
 Даже чѣмъ-то свѣтлымъ дышитъ,
 И обломокъ камня слышитъ,
 Какъ волна на немъ колышетъ
 Мохъ, повисшій бахромою;
 Спать надъ моремъ горъ громады,
 Звѣзды свѣтять, какъ лампы,
 И серебряной каймою
 Шевеля, какъ рыба плѣсомъ,
 Шепчется волна съ утесомъ,
 Вѣчный миръ ему пророчить,

Къ сердцу льнетъ и—сердце точить,—
 Душу каменную гложеть;
 И внимать онъ ей не хочетъ,
 И прогнать ее не можетъ.

Иногда, въ лучахъ разсвѣта
 Море въ мглѣ еще росистой,
 Ходить зыбью чешуистой,
 И волна, вся въ блескъ одѣта,
 Манить розовой улыбкой,
 Гонить пѣну грудью зыбкой,
 Въ щели камня жемчугъ мечеть
 И насмѣшливо лепечеть:

«О, утесъ! герой мой милый!
 «Надышись моею силой
 «Позабудь свои проклятья,
 «Упади въ мои объятя!
 «Или—воротись къ великимъ
 «Тѣмъ горамъ, глухимъ и дикимъ,
 «Къ тѣмъ, когда-то милымъ братьямъ,
 «Къ ихъ цѣпямъ и къ ихъ объятьямъ...
 «Видишь, какъ онѣ могучи!—
 «Обступили насъ какъ тучи,

«И все тѣ же ледяныя
«Свѣтятся на нихъ короны...
«И какіе-то другіе,
«Чѣмъ у насъ, у нихъ законы.
«Но, за то—онѣ родныя!..
«Воротись къ нимъ, другъ любезный,
«Или,—рабъ нашъ,—стой надъ бездною!»

Точить, гложеть, тянеть, манить
Бездна эта,—и настанеть
Срокъ, когда своей кручины
Тяжесть онъ держать устанеть,—
Свалить все на дно пучины.

СЛѢПОЙ ТАПЕРЬ.

Хозяйка руки жметъ богатымъ игрокамъ,
 При свѣтѣ лампъ на ней сверкають брилліанты..
 Въ урочный часъ, на балъ, спѣшать къ ея сѣнямъ
 Франтихи-барыни и франты.

Улыбкамъ счету нѣтъ...--одинъ таперъ слѣпой,
 Рекомендованный женой официанта,
 Въ парадномъ галстукѣ, съ понурой головой,
 Угрюмъ и не похожъ на франта.

И подѣ-локоть слѣпца сажаютъ за рояль..
 Онъ поднялъ голову—и вотъ, едва коснулся
 Упругихъ клавишей, едва нажалъ педаль,—
 Гремя, богъ музыки проснулся.

Струнь металлических звучить высокой строй,
 Как вихрь несется вальсъ,—побрякивают шпоры,
 Шуршать подола дамъ, мелькаютъ ихъ узоры
 И ароматный вѣетъ зной...

А онъ—потухшими глазами смотреть въ стѣну,
 Не слышитъ говора, не видитъ голыхъ плечъ,—
 Лишь звуки, что бѣгутъ одни другимъ на смѣну,
 Сердечную ведутъ съ нимъ рѣчь.

Г На бѣднаго слѣпца слетаетъ вдохновенье,
 И грезитъ скорбная душа его,—къ нему
 Изъ вѣчной тьмы плыветъ и свѣтится сквозь тьму
 Одно любимое видѣнье.

Восторгъ томить его,—мечта волнуетъ кровь:—
 Вотъ жаркій лѣтній день,—вотъ кудри золотыя—
 И полудѣтскія уста, еще нѣмыя,—
 Съ однимъ намекомъ на любовь...

Вотъ ночь волшебная,—шущукаютъ березы...
 Прошла по саду тѣнь—и къ милому лицу
 Прильнулъ свѣтъ мѣсяца,—горятъ глаза и слезы...
 И вотъ ужъ кажется слѣпцу,—

Похолодѣвшія, трепещущія руки,
 Бѣлѣясь, тянутся къ нему изъ темноты...—
 И соловьи поютъ, и сладостные звуки
 Благоухаютъ, какъ цвѣты...

Такъ, образъ дѣвушки когда-то имъ любимой,
 Ослѣпнувъ, въ памяти свѣжо сберечь онъ могъ;—
 Тотъ образъ для него расцвѣлъ и—не поблѣкъ,
 Уже ничѣмъ не замѣнимый.

Еще не знаетъ онъ, не чувствуетъ онъ, что та
 Подруга юности—давно хозяйка дома
 Великосвѣтская,—измѣжена, пуста
 И съ аферистами знакома!

Что отъ него она въ пяти шагахъ стоитъ
 И никогда въ слѣпомъ таперѣ не узнаетъ
 Того, кто вѣчною любовью къ ней пылаетъ,
 Съ ея прошедшимъ говорить.

Что если-бъ онъ прозрѣлъ,—что если бы, другъ въ друга
 Вглядыся, они могли съ усніемъ узнать?—
 Онъ поблѣднѣлъ бы отъ смертельнаго испуга,
 Она бы—стала хохотать!

ВЪ ТЕЛѢГѢ ЖИЗНИ.

Съ утра садимся мы въ телѣгу...

Пушкинъ.

Къ моей телѣгѣ я привыкъ,
 Мнѣ и ухабы ни по чемъ,—
 Я только дрогну, какъ старикъ,
 Въ холодномъ воздухѣ ночномъ...
 Порой задумчиво молчу,
 Порой отчаянно кричу:
 — «Пошелъ! Валяй по всѣмъ по тремъ!..»

Но хоть кричи, бранись плъ плачь,
 Молчить, — упрямя ямщикъ сѣдой,—
 Слегка подстегивая клячь,
 Онь ровной гонитъ ихъ рысцой,
 И шлепаеть подъ ними грязь,
 И, незамѣтно шевелясь,
 Опѣ бѣгутъ во тьмѣ ночной.

ВЪЧНЫЙ ЖИДЪ.

Слышны крики муэзина,
Ненавистника Христа;
Слышны вопли славянина..
Поднялась Герцеговина
Изъ-подъ тяжести креста...

По ущелиямъ Балкана
Дымъ стоитъ пороховой..
Край Болгаріи родной,
Какъ зіяющая рана,
Точить кровь и точить гной.

По оврагамъ, по уступамъ,
По долинамъ и лѣсамъ,

Счету вѣтъ кровавымъ трупамъ,—
Обезглавленнымъ тѣламъ.

По дорогамъ изъ Царьграда
Зеленѣютъ бунчуки;
Имъ навстрѣчу изъ Бѣлграда
Засвѣтились штыки...

На скалѣ у перекрестка,
Возлѣ треснувшихъ столбовъ
Опустѣлаго кіоска,
Тамъ, гдѣ мраморы безъ лоска,
Безъ фонтановъ и ковровъ,

Тамъ, гдѣ кейфъ рѣзней нарушенъ,
Потолокъ ядромъ обрушенъ,
И подъ солнцемъ пыль клубить
Вѣтеръ, дышащій отравой,
Тамъ, гдѣ все, кровавой славой
Вѣя, смертію грозитъ,—

Всталъ, какъ призракъ величавый,
Въ ветхомъ рубищѣ, костлявый,

Страшно тощій, вѣчный жидъ.
 Темный, пасмурный, какъ буря,
 Вдаль глядитъ онъ, брови хмура,—
 Самъ съ собою говоритъ:

— Изъ гордыни, изъ боязни,
 Я Христу не могъ помочь
 Въ страшный день, на мѣсто казни
 Крестъ тяжелый доволочь.

Я, какъ бы въ угоду вѣка,
 Сострадать ему не смѣлъ,
 Образъ Богочеловѣка
 Я въ Страдальцѣ проглядѣлъ.

Мнѣ-ль забыть лицо Христово,
 Кроткій взоръ, чело въ крови...—
 Мнѣ-ль забыть Христово слово:
 «Жди меня! Покуда снова
 Не прійду я въ міръ,—живи»...

И съ тѣхъ поръ живу я, стражду,
 Зябну, голодаю, жажду...

Каждый вѣкъ со всѣхъ сторонъ
 Слышу крики, вопли, стоить,—
 Вижу ненависть, гоненья...
 Погибають поколѣнья...
 Сознаю, что мнѣ не въ мочь
 Человѣчеству помочь
 И, могилою не взятый,
 Какъ мертвецъ, брожу, проклятый.

По одинъ ли я навѣкъ
 Вѣщамъ словомъ Бога связанъ
 И всемірнымъ зломъ наказанъ,
 Какъ бездушный человѣкъ!
 Я-ль одинъ исчадье свѣта?!..
 Вотъ, во славу Магомета,
 Злость и рвеніе растеть:
 Распинается народъ;
 Христіанъ, обезоружа,
 Душать, рѣжутъ, какъ шенять,
 Въ каждой хатѣ крови лужа...
 Храмы Божіи горять.
 Кто-жь вступается? Откуда
 Помощь грозная прійдетъ?
 Кто невиннаго спасеть?—
 Кто въ такое вѣрять чудо?

Ужь не ты ли, Альбіонъ?
 Нѣтъ,—ты, жливый, какъ Іуда,
 Весь въ расчеты погруженъ
 И готовъ продать за злато
 Христіанина и брата...
 Ужь не ты ли, Вѣна?—Нѣтъ,
 Холодна къ чужимъ ты ранамъ
 И измученнымъ славянамъ
 Не желаешь ты побѣды.
 Ужь не ты ли, папа?—Нѣтъ;
 Какъ исконный врагъ Россіи,
 Видишь ты дурные сны,
 Крестъ на куполѣ Софіи
 Для тебя страшнѣй луны...
 Ужь не вы ли, лицемѣры,—
 Вы, фанариоты?! Нѣтъ;
 У корыстной вашей вѣры
 Нѣтъ геройства прошлыхъ лѣтъ!..
 Ужь не ты ли, Русь?!..

За что же

Проклятъ я одинъ за грѣхъ
 Безучастія?.. О, Боже!
 Этотъ грѣхъ лежитъ на всѣхъ!..
 И, лохмотья вѣковыя
 Отрясая, вѣчный жидъ

Съ укоризною глядѣть
На поля, давно пустыя.
Вотъ онъ выронилъ слезу...
Но, заслыша гулъ громовый,
Къ небу поднялъ взоръ суровый—
И пошелъ встрѣчать грозу...

БОЛГАРКА.

Безъ пѣсенъ и слезъ, въ духотѣ городской,
 Роптать и молиться не смѣя,
 Живу я въ гаремѣ, продажной рабой
 У женъ мусульманскаго бей.

Одна говорить: «Ну, рассказывай мнѣ,
 «Какъ ваше селенье горѣло;
 «И выль ли твой мужъ, пригвожденный къ стѣнѣ,
 «Какъ жгли его бѣлое тѣло»...

Другая, смѣясь, говорить мнѣ: «Ну да,
 «Недаромъ тебя пощадил: —
 «Нашъ бей, ужъ, конечно, былъ первымъ, когда
 «Твою красоту обнажили»...

— «Ну, что жъ?» нараспѣвъ третья мнѣ говорить,
 Держа надъ лицомъ опахало, —
 «Хоть рѣзать дѣтей намъ корань не велить..
 «Но — ты ли одна пострадала?!...»

И злятся, что я такъ скупа на слова,
 Внимая рѣчамъ безучастнымъ...
 Глаза мои сухи,—въ огнѣ голова,
 Все небо мнѣ кажется краснымъ: —

Какъ будто сады, минареть и дома
 Въ кровавомъ стоять освѣщеньи...
 Въ глазахъ ли обманъ, иль схожу я съ ума,—
 Иль это предчувствіе мщенья!

Навѣки тотъ душу отравить свою
 Стыдомъ или жаждою битвы,
 Кто въ страшную душу заглянетъ мою
 Въ часы безнадежной молитвы.

Прійди же, спаситель! — бери города,
 Гдѣ слышится крикъ муэзина,
 И пусть въ ихъ дыму я задохнусь тогда
 Въ надеждѣ на Божьяго Сына!..

Г Р Е З Ы.

Мнѣ грезилось, что я за нихъ, —
 За нищихъ братіевъ моихъ,
 Иду сражаться съ ихъ врагами...
 Чу!.. выстрѣлы въ горахъ гремятъ;
 Треща, пылають кровли хатъ;
 Прижавшись къ каменнымъ уступамъ,
 Османы ждуть насъ: ихъ штыки
 Сверкають, взведены курки;
 А мы по угольямъ и трупамъ
 Сквозь клубы дыма, напроломъ,
 Подъ градомъ пуль, на нихъ идемъ.
 И страшень бой ожесточенныхъ, —
 Бой за поруганный законъ,
 Бой за младенцевъ разможенныхъ,
 За матерей непощаженныхъ,
 За изнасилованныхъ женъ,
 За ихъ тѣла, которыхъ мясомъ

Свиней кормили (раньше часомъ,
 Чѣмъ наша сила подошла!)...

И кровь турецкая текла
 Уже за будущность славянства.
 Да расточатся духи зла
 И да воскреснетъ христіанство!

.

Миѣ грѣзилось: меня ведутъ,
 Миѣ лицемѣрно руки жмутъ
 И руки вяжутъ... Какъ въ туманѣ,
 Я повинуюсь, я молчу,
 Я даже вѣрить не хочу,
 Что эта рать—не мусульмане,
 Что я, какъ звѣрь, попалъ въ капканъ,
 Что я въ плѣну у христіанъ!
 Хочу спросить,—боюсь отвѣта...
 Ужель во славу Магомета
 Крещеныхъ выслали солдатъ?
 Ужель Европа, какъ Пилать
 Понтійскій, умываетъ руки,
 Велитъ Варавву отпустить
 И выдаетъ Христа на муки,
 Чтобъ фарисеямъ угодить?!

.

И грезилъ я, — въ тюрьму иду я
 И говорю имъ, негодуя,
 За просвѣщенье ихъ стыдась:
 «Коли политика у васъ
 Безчеловѣчна и безбожна,
 Богатство, слава, все—ничтожно,—
 И вамъ измѣнить вашъ расчетъ,
 И не пойдете вы впередъ!
 Въ дѣлахъ, въ которыхъ невозможно,
 Чтобъ человѣкъ и Богъ сошлись,—
 Нѣтъ духа истины...

Спастись

Нельзя блестящимъ лицемѣремъ;
 Не всѣ наивнымъ легковѣремъ
 Въ нашъ смутный вѣкъ заражены,—
 Дни вашей славы сочтены...
 Воскресъ нашъ духъ, и мы возстали,
 У сильныхъ міра не спросясь,
 Мы помощи отъ братьевъ ждали,
 Мы—не надѣялись на васъ»...

.
 Такъ говорилъ я, горячась, —
 И вдругъ,—очнулся пристыженный...
 Я—дома!.. Той же ночи сонной
 Холодный мракъ прильнулъ къ окну;

Свѣча горить... Покой ко сну
 Героя клонить... Гдѣ-жь отвага?
 Гдѣ мечъ побѣдный? Гдѣ мой плѣнь!?!..
 Я посреди бездушныхъ стѣнь
 Сяжу и никну... Вотъ—бумага,
 Журналы, книги на столѣ,
 Перо въ граненомъ хрусталѣ,
 Табакъ турецкій и гаванскій,
 И съ фитилькомъ изъ бронзы чортъ,—
 Затѣи роскоши мѣщанской,
 Давно противный мнѣ комфортъ.
 Хочу писать,—мечты безкрылы:
 Зачѣмъ и для кого писать?
 Къ чему будить живыя силы,
 Больное сердце надрывать!
 О, духъ мой, жалкій плѣнникъ тѣла,
 Какъ далеко ты залеталъ!..
 Какъ жилъ, какъ вѣрилъ, какъ страдалъ,
 Какъ говорилъ открыто, смѣло!..
 И для чего!?!.. Какое дѣло
 Возставшимъ братьямъ моимъ
 До тѣхъ, кто въ мірѣ одержимъ
 Однѣми грѣзами!..

РЕНЕГАТЪ.

Зовутъ, паша ихъ не слышать,—
Глядятъ: ренегать ужъ не дышитъ.
(Мицкевичъ, въ пер. Берга).

По вѣрѣ католикъ, по роду полякъ,
Онъ принялъ исламъ и, поборникъ султана,
Пошелъ бить славянъ; но тяжелая рана
Его уложила въ походный баракъ.

Съ прибрежныхъ высотъ на долину Моравы
Сползаетъ прениженный гарью туманъ,
И слышенъ гулъ битвы,—гулъ будущей славы,
Пророческій голосъ свободы славянъ...

Но браннаго гула, обрызганный кровью,
Не слышитъ паша,—еле видитъ бунчукъ
Въ пыли, прислоненный къ его изголовью,
Да стонетъ отъ ранъ и безжалостныхъ рукъ...

Клянетъ онъ хирурга, дырявый и тѣсный
 Баракъ свой и тщетнымъ желаньемъ томимъ,
 Чтобъ въ эти минуты, какъ ангель небесный,
 Сестра милосердыя ходила за нимъ.

И вотъ,—уже полночь. Мигая, чадится
 Лампада, и дождь пробивается въ щель,—
 Паша все кого-то зоветъ и томится;
 Но жизнь догораетъ, и стынетъ постель.

И вспомнилъ паша, какъ онъ вѣрилъ когда-то,
 Какъ близокъ ему былъ Страдалецъ-Христось;
 И ужасомъ смерти душа въ немъ объята,
 Такъ много на совѣсти крови и слезъ...

Привсталъ онъ и молится: Боже распятой!
 Ужели Тебѣ измѣнилъ я?.. О, нѣтъ!
 Не противъ Тебя, противъ Руси проклятой
 Возсталъ я, желая ей всяческихъ бѣдъ.

— Я принялъ исламъ,—но въ коранъ я не вѣрилъ;
 Я знаю, что небо Твое—не сераль...

Нѣтъ, ради политики я лицемѣрилъ,—
Мнѣ только враговъ Твоихъ не было жаль...

— Схизматиковъ только и жегъ, и рубилъ я:
Герцеговинцевъ, болгаръ и другихъ,—
Но къ іезуитамъ, клянусь, снисходилъ я,—
Былъ даже въ Стамбулѣ заступникомъ ихъ...

— О! чувствую, смерти рука ледяная,
Тяжелая, страшная, давить мнѣ грудь..
Царица небесная! Дѣва Святая,
Марія! Прійди и заступницею будь...

— Моли за меня Сына, Бога живого,
Да прійметъ Онъ душу мою,—твой Христосъ!..
Дрожа, произнесъ онъ послѣднее слово
И вскрикнуть хотѣлъ... но дыханье сперлось.

Торжественной злобой сверкая, предстало
Ему, какъ видѣнье, лицо сатаны;
Огнемъ—его страшная сила дышала
И вѣяла холодомъ бурной волны...

И голосъ громовый, подобный рыканью
Голоднаго льва, прогремѣлъ: ты—мой сынъ!
Ты вѣрно служилъ моему начертанью:
— «Славянъ больше всѣхъ истребляй, славянинъ.»

Иди же ко мнѣ!—Иезуитовъ не мало
Найдешь ты въ моемъ христіанскомъ аду»...
И тѣло паши мертвымъ навзничъ упало,—
Душа сатанѣ отвѣчала: «Иду».

Т У Ц А I

Kennst du das Land...

Geme.

Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ высятся Балканы,—
 Гнѣздо грабителей, орлять и Божьихъ грозъ,
 Гдѣ солнца зной гноить зіяющія раны,
 И трупный запахъ слить съ благоуханьемъ розъ?
 Туда, туда, о, милый мой,
 Умчалась бы я слѣдомъ за тобой!..

Ты знаешь ли тѣхъ странъ поля и вертоградъ,
 Откуда, какъ изъ тучъ, свинець шумить дождемъ;
 Гдѣ криковъ не слышать подь бурей канонады,
 Гдѣ рабъ свободы ждетъ, и льется кровь ручьемъ?..
 Туда, туда, о, милый мой,
 Умчалась бы я слѣдомъ за тобой!

Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ страшное страданье
Встрѣчаетъ стономъ нашъ привычный къ лести слухъ,
Гдѣ женщина въ трудѣ найдетъ свое призванье
И закалитъ въ борьбѣ изнѣженный свой духъ! —

Въ тотъ страшный край, о, милый мой,
Умчалась бы я слѣдомъ за тобой!..

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Въ дни ребячества я помню
Чудный отроческій бредъ:
Полубилъ я царь-дѣвицу,
Что на свѣтѣ краше нѣтъ.

На челѣ сияло солнце,
Мѣсяцъ прятался въ косѣ,
По косицамъ рдѣли звѣзды, —
Богъ сиялъ въ ея красѣ..

И жила та царь-дѣвица
Недоступна никому,
И ключами золотыми
Замыкалась въ терему.

Только ночью выходила
 Шелестить въ тѣни березъ:
 То ключи свои роняла,
 То роняла капли слезъ...

Только въ праздники, когда я,
 Полусонный, брелъ домой,
 Изъ-за рощи яркій, влажный
 Глазъ ея слѣдилъ за мной...

И ужъ какъ случилось это, —
 Наяву или во снѣ?!
 Разъ она весной, въ часъ утра,
 Зарумянилась въ окнѣ: —

Всколыхнулась занавѣска,
 Вспыхнулъ розъ махровыхъ кустъ,
 И, закрывъ глаза, я встрѣтилъ
 Подълуй душистыхъ усть.

Но едва-едва успѣлъ я
 Блескъ лица ея поймать,
 Ускользя, гостя ко лбу
 Мнѣ прижгла свою печать.

Съ той поры ея печати
Мнѣ ничѣмъ уже не смыть,
Вѣчно-юной царь-дѣвицѣ
Я не въ силахъ измѣнить...

Жду, — вторичнымъ поцѣлусь
Заградивъ мои уста,—
Красота въ свой тайный теремъ
Мнѣ отворить ворота...

ТРУЖЕНИЦА.

(Отрывокъ).

I.

.
 Я помню блескъ и сухость глазъ
 И блѣдность твоего чела,
 Когда, съ дворовыми простясь,
 Къ отцу проститься ты вошла...
 Когда съ крыльца въ послѣдній разъ
 Сошла ты, словно торопясь.

Лилъ дождь и вѣтеръ вылъ, когда
 Тебя изъ отчаго села,
 Черезъ лѣса и города
 Телѣга тряская везла.
 А ты, скрывая боль въ груди,
 Шептала: «что-то впереди?»

Лилъ дождь и ночь была темна,
 Когда стуча летѣлъ вагонъ,
 Когда путемъ истомлена,
 Одолѣвала ты свой сонъ,
 И — яркій, чудный день сіялъ,
 Когда, ты въѣхала въ вокзалъ,

Въ столицу сѣвера. Съ какой
 Тревогою ступила ты
 На камни нашей мостовой!
 Нашъ городъ, полный суеты,
 Громадностью своихъ палатъ
 Впервые поразилъ твой взглядъ.

И omnibusовъ грузный стукъ,
 И длинныхъ улицъ пыльный шумъ —
 Все дило радостный испугъ,
 Все волновало свѣжій умъ.
 Ты мысленно была горда, —
 Что эти стѣны — плодъ труда, —

Труда народнаго; что здѣсь
 Нельзя халатной жизнью жить,

Нельзя наследственную спесь
 На первом мѣстѣ посадить,—
 Такъ явно дышитъ все кругомъ
 Демократическимъ трудомъ.

— «И я найду себѣ свой кладъ,—
 «Трудомъ куплю себѣ покой!»
 И помню я, сіялъ твой взглядъ
 Лучомъ надежды молодой...
 Недаромъ уличный герой
 Сталъ увиваться за тобой.

Но если-бъ даже въ этотъ мигъ
 Предсталъ тебѣ самъ Донъ-Жуанъ,
 Чтобъ за улыбку устъ твоихъ
 Отдать и сердце, и карманъ,—
 Ты-бъ на него, какъ на шута
 Взглянула, — такъ была свята,

Такъ дѣтски наслаждалась ты
 Зарей свободы, такъ была
 Полна возвышенной мечты
 И цѣломудренно смѣла,

Такъ вѣрила, что жизнь и трудъ
Для всѣхъ рай Божій создадутъ.

И въ скверѣ, съ сумкою въ рукахъ,
Сидѣла ты не часъ, не два...
И сладокъ былъ невольный страхъ,
Еще кружилась голова...
Не знала ты, кого спросить,
Куда идти? и гдѣ тутъ жить?—

.
.

II.

Прошло три года, три зимы.
Съ туманами ты обжилась,
И хоть ходила безъ сумы,
Но голодала много разъ;
И хоть глаза не знали слезъ...—
Тяжелъ насущный былъ вопросъ.

Чтò дѣлать?—Умъ природный твой
Наукой тронуть былъ едва,

Ему противенъ былъ застои,
 И жизнь казалась не нова,
 Хоть путь твой былъ настолькоъ-жъ новъ,
 Насколько тѣсень и суровъ.

Хоть ты и знала языки,
 Но многого могла не знать:
 Ученой прозѣ вопреки,
 Неясно стала ты писать,
 И прогрессивный нашъ журналъ
 Твой переводъ забраковалъ.

Чтобъ кочевать изъ дома въ домъ
 И кой-чему учить дѣтей,
 Обычный нуженъ былъ дипломъ
 Къ успокоенью матерей:
 Учиться рада-бъ ты была,—
 Учить—едва ли ты могла...

И къ типографскому станку
 Пришла ты руку набивать,
 Изъ буквъ разбросанныхъ строку
 Къ строкѣ по шпонамъ набирать.

Смѣясь, хозяйни этихъ строкъ
Тебѣ работу далъ на срокъ.

Но въ сутки, до восьми часовъ,
Стоять, стоять и все стоять,—
Тяжелымъ запахомъ станковъ,
Свинцовымъ воздухомъ дышать,—
Увы, не долго ты могла,—
Устала и занемогла.

И какъ-то странно такъ пришлось,
Что разомъ взятое тобой
За мѣсяцъ—въ три дня прожилося...
Еще спасибо: лѣкаръ твой,—
Бѣднякъ былъ,—даромъ навѣщать...
За то аптекаръ страшно дралъ.

Когда, съ восстановленьемъ силъ,
Ты вышла подышать весной,
Холодный вѣтеръ пыль крутилъ...
Но ты забыла кашель свой,
Припомнивъ, что одинъ журналъ
На-дняхъ корректора искалъ.

Но вотъ—великая пора!..
 Мы стали гласность водворять;
 Отъ стенографіи добра
 Великаго всѣ стали ждать:
 И ты протерла локоть свой,
 Ища ключъ мудрости такой.

Тяжелъ былъ сокращенный трудъ,—
 Но одолѣла ты его...
 За то газета «Гласный Судъ»
 Не заплатила ничего.
 Другой газетный поставщикъ
 Къ либерализму не привыкъ...

И въ бѣдной комнаткѣ своей
 Ты принялась кроить и шить,
 Но много было бѣдныхъ швей,
 Способныхъ хлѣбъ твой перебить;—
 У нихъ же хлѣбъ перебивалъ
 Подъ модной фирмой—капиталь.

Была и въ переплетной ты
 И присмотрѣлась ко всему,

И стали прежнія мечты
 Противны твоему уму,
 Какъ облетѣвшій пустоцвѣтъ,—
 Поэзія наивныхъ лѣтъ.

Ты поняла, что въ наши дни
 У женщинъ, въ лучшіе года,
 Соперницъ меньше у любви,
 Чѣмъ у насущнаго труда.

.

Ты не могла предпочитать
 Металль—любви, трудамъ—доходъ,
 Ты не могла себя продать...
 Но кто не умеръ, тотъ живетъ,—
 И часть любви, великій часть,
 Насталъ, и—съ другомъ ты сошлась.

Бѣднякъ! тебя онъ полюбилъ
 Всѣмъ пыломъ юности своей,
 Онъ за тебя переводилъ,
 Онъ за тебя училъ дѣтей,

И добывалъ своимъ перомъ
Возможность жить съ тобой вдвоемъ.

Была-ль ты счастлива?—Богъ вѣсть!
Твоихъ тяжелыхъ, страшныхъ грезъ
Никто не могъ бы перечестъ.
Но громче всѣхъ одинъ вопросъ
Со дня души твоей вставалъ
И сердце честное смущалъ:

— «Что я такое, если я
«Не научилась ничему?
«И, какъ безсильное дитя,
«Во всемъ обязана ему?
«Я-ль поцѣлуями платить
«Должна за то, чтобъ ѣсть и пить?»

Его больной и блѣдный видъ
И торопливость всякій разъ,
Когда онъ изъ дому спѣшить,
И краснота усталыхъ глазъ—
Все говорить, какимъ трудомъ
Онъ покупаетъ жизнь вдвоемъ.

И думала ты, какъ-нибудь
 Разстаться съ нимъ—найти предлогъ,
 Чтобъ онъ, несчастный, упрекнуть
 Тебя въ жестокости не могъ,
 Чтобъ не сошелъ съ ума онъ; но—
 Все это было мудрено.

Ты колебалась, глубоко
 Вздыхала грудь, въ очахъ не разъ
 Мелькали слезы. Не легко
 Тому, кто любить, не простясь
 Съ привычкой сладостной любить,
 Покинуть друга... Какъ же быть?

Ты медлила... Но что же ты
 Такъ поблѣднѣла? Что съ тобой?
 Ужель на всѣ твои мечты
 Отвѣтилъ онъ насмѣшкой злой?
 Иль ты молвой оскорблена?
 Или мучительно больна?

Иль прежній призракъ нищеты
 Всталъ предъ тобой и сталъ пугать?

Иль, наконецъ, сознала ты,
 Что уже некуда бѣжать;
 Что, если есть огонь въ крови,
 Найдутся цѣли для любви?

Что если гнѣздышко свилось,
 Не нынче, завтра наконецъ,
 Для новой радости и слезъ
 Въ гнѣздѣ появится птенецъ;
 Что если деревцо цвѣтеть
 Весной—подъ осень будетъ плодъ.

III.

.
 Онъ умеръ, труженикъ, тобой
 Любимый,—умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ,
 И запыленною нарчей
 Покрыть былъ трунъ его. И цвѣтъ
 Его чела всѣмъ говорилъ:
 «Отъ дѣлъ своихъ онъ опочилъ!»

И память вѣчная была
 Пропѣта. И никто не зналъ,

Какая мысль его сожгла,
Какъ онъ любилъ и какъ страдалъ.
Его живымъ не знали мы,—
Узнаемъ ли въ предѣлахъ тьмы?—

Той вѣчной тьмы, куда унесъ
Онъ недоконченный свой трудъ...
Быть можетъ, на живой вопросъ,
На все, чего вѣками ждуть,—
Съ нимъ вмѣстѣ замеръ тотъ отвѣтъ,
Что льетъ въ сердца тепло и свѣтъ!

.

ДУХЪ ВѢКА.

Жизнь гаснетъ,—духъ неугасимъ;—
 Мы погасить его не въ силахъ;
 Онъ не хоронится въ могилахъ,—
 Отъ мертвыхъ онъ идетъ къ живымъ.

Духъ вѣка—это Божій духъ;
 Онъ міровой любовью дышитъ,
 И только тотъ его не слышитъ,
 Кто къ злѣбѣ дня склонилъ свой слухъ.

Его не слышалъ Вавилонъ,
 Не слышитъ и Востокъ растлѣнный,
 Ни Валтазаръ намъ современный,
 Ни современный Фараонъ.

Такъ духа вѣка не смогли
 Понять католики-Бурбоны,—
 И Богъ съ главы ихъ снесъ короны,
 И—ихъ молитвы не спасли...

Такъ вѣка чернь не поняла,—
 И гильотину вмѣсто трона
 Воздвигла, и Наполеона
 Въ свои кумиры возвела:

Такъ стопобѣдный сынъ молвы
 Врагомъ сталъ духа и свободы
 И, за собой влача народы,
 Наткнулся на пожаръ Москвы.

Такъ нынѣ гордый Альбионъ
 Грядущаго не видитъ свѣта,—
 За торгашей, за Магомета,
 За рабство мечъ подѣмлетъ онъ...

Но флотомъ Бога своего
 Не побѣдить—и ужаснется,
 Когда, раскрывъ глаза, очнется
 Передъ судилищемъ Его.

ПАМЯТИ О. И. ТЮТЧЕВА.

Оттого-ль, что въ Божьемъ мѣрѣ
 Красота вѣчна,
 У него въ душѣ витала
 Вѣчная весна;
 Освѣжала зной грозою
 И, сквозь капли слезъ,
 Въ тучахъ радугой мелькала,—
 Отраженьемъ грѣзь!..

Оттого-ль, что отъ бездушья,
 Иль отъ злобы дня,
 Ярче въ немъ сверкали искры
 Божьяго огня,—
 Съ раннихъ лѣтъ и до преклонныхъ.
 Безотрадныхъ лѣтъ,
 Былъ къ нему неравнодушенъ
 Равнодушный свѣтъ!

Оттого-ль, что не отъ свѣта
Онъ спасенья ждалъ,
Выше всѣхъ земныхъ кумировъ
Ставилъ идеаль...
Пѣснь его глубокой скорбью
Западала въ грудь
И, какъ звѣздный лучъ, тянула
Въ безконечный путь!..

Оттого-ль, что онъ въ народъ свой
Вѣрилъ и—страдалъ,
И ему на цѣпи братьевъ
Издали казаль,—
Чую,—духъ его то вѣрить,
То страдаетъ вновь,
Ибо льется кровь за братьевъ,
Льется наша кровь!..

СПИРИТЪ.

И призраки ушли,
 И духи отлетѣли!..
 Одинъ глухой, вѣмой
 Мракъ у его постели!

Спасеть ли этотъ мракъ
 Его отъ заблужденій,
 Отъ призрачныхъ надеждъ,
 Отъ горькихъ сожалѣній?

И бредить, какъ больной,
 Онъ на своей постели:
 Гдѣ призраки?—ушли!
 Гдѣ духи?—отлетѣли!..

У О К Н А.

...И вижу я въ окно, какъ душу холодящій
 Отливъ зелено-золотой,
 Въ туманную лазурь переходящій,
 Объемлетъ неба сводъ ночной.

Далекая звѣзда мелькаетъ точкой бѣлой, —
 И въ небѣ нѣтъ другихъ свѣтилъ...
 Громадный городъ спитъ, въ безпутствѣ закоснѣлый,
 И бредитъ, какъ лишенный силъ...

Мысль ищетъ выхода, — ее пугаетъ холодъ,
 Она мнѣ кажется мечтой...
 И не найдутъ ея, когда проснется городъ
 Съ его бездушной суетой.

ПОДЪ КРАСНЫМЪ КРЕСТОМЪ.

(Посв. памяти баронессы Ю. П. Вревской).

Семь дней, семь ночей я дрался на Балканахъ,
 Безъ памяти поднять былъ съ мерзлой земли,
 И долго, въ шинели изорванной, въ ранахъ,
 Меня на скрипучей телѣгѣ везли;
 Надъ нами кружились орлы,—вѣтеръ стономъ
 Внималъ, да въ ту ночь, какъ по мокрымъ понтонамъ
 Стучали копыта измученныхъ клячъ,
 Въ плесканьяхъ Дуная мнѣ слышался плачъ.

И, съ этимъ Дунаемъ прощаясь навѣки,
 Я думалъ: едва-ль меня родина ждетъ!..
 И врядъ ли она будетъ въ жалкомъ калѣгѣ
 Нуждаться, когда всѣхъ на битву пошлетъ...
 Теперь ли, когда и любовь мнѣ измѣнитъ,
 Жалѣть, что могла постель мнѣ замѣнить!..

— И я ужь не помню, какъ дальше везл
 Меня по ухабамъ румынской земли...

Въ какомъ-то баракѣ очнулся я, снятый
 Съ телѣги, и понялъ, что это — баракъ;
 День ярко сквозилъ въ щели кровли досчатой,
 Но день безотраденъ былъ,—хуже чѣмъ мракъ...
 Прикрытый лишь тряпкой, пропитанной кровью,
 Въ грязи весь, лежалъ я, прильнувъ къ изголовью,
 И, самъ искалѣченный, тупо глядѣлъ
 На лица и члены истерзанныхъ тѣлъ.

И пыльный баракъ нашъ весь день растворялся:
 Вносили однихъ, чтобъ другихъ выносить;
 Съ носилками блѣдныхъ гостей тамъ встрѣчался
 Завернутый трупъ, что несли хоронить...
 То слышалось ржанье обозныхъ лошадокъ,
 То стоны, то жалобы на распорядокъ...
 То рѣзкая брань, то смѣшныя слова...
 И врачъ нашъ острилъ, засучивъ рукава...

А вотъ, подошла и сестра милосердыя!—
 Волнистой косы ея свѣсилась прядь...

Я дрогнуль... «Къ чему молодое усердье?
 «Безъ крика и плача могу я страдать...
 Оставь ты меня умереть, ради Бога!»
 Она-жь поглядѣла такъ кротко и строго,
 Что даль я ей волю и раны промыть,—
 И раны промыть, и бинты наложить.

И вотъ, надъ собой слышу голосъ я нѣжный:
 «Подайте рубашку!» и слышу отвѣтъ,—
 Отвѣтъ нерѣшительный, но безнадежный:
 «Всѣ вышли, и тряпки нестиранной нѣтъ!»
 И мысля я: Боже! какое терпѣнье!—
 Я, дышашій трупъ,—я одно отвращенье
 Внушаю; но—нѣтъ его въ этихъ чертахъ
 Прелестныхъ, и нѣтъ его въ этихъ глазахъ!

Не долго я былъ терпѣливъ и послушенъ:
 Настала унылая ночь,—громъ гремѣлъ,
 И трупами пахло, и воздухъ былъ душень...
 На грязномъ полу кто-то сонный храпѣлъ...
 Кой-гдѣ ночники, догорая, чадились,
 И умиравшіе тихо молились
 И бредили,—даже кричали «ура!»
 И, молча, покойники ждали утра...

То грезилъ я, то у меня дыбомъ волосъ
 Вставалъ; то, въ холодномъ поту, я кричалъ:
 «Рубашку—рубашку!..» и долго мой голосъ
 Въ ту ночь истомленныхъ покой нарушалъ...
 Въ туманномъ мозгу у меня разгорался
 Какой-то злой умыселъ, и порывался
 Бѣжать я,—какъ вдругъ, слышу, катится громъ,
 И вѣтеръ къ намъ въ щели бьетъ крупнымъ дождемъ...

Притихъ я, смотрю,—среди призраковъ ночи
 Сидить, въ красноватомъ мерцаньѣ огня,
 Знакомая тѣнь, и бессонныя очи,
 Какъ звѣзды, сквозь сумракъ, глядятъ на меня.
 Вотъ встала, идетъ и лицо наклоняетъ
 Къ огню, и одну изъ лампадъ задуваетъ...
 И чудится, будто одежда шуршитъ,
 По бѣлому темнсе что-то скользнуть...

И странно, въ тотъ мигъ, какъ она замелькала
 Какъ духъ, надъ которымъ два бѣлыхъ крыла
 Взвились,—я подумалъ: бѣдняжка устала,
 И еслибъ не крикъ мой, давно бы легла!..
 Но вотъ, снова шорохъ, и—снова въ одеждѣ
 Простой (въ той, въ которой ходила и прежде),

Она изъ укромнаго вышла угла
И свѣтлымъ видѣньемъ ко мнѣ подошла,—

И съ дрожью стыдливой любви мнѣ сказала:
«Привстань! Я рубашку тебѣ принесла»...
Я понялъ: она на меня надѣвала
Бѣлье, что съ себя потихоньку сняла...
И плакалъ я.—Дѣтское что-то, родное
Проснулось въ душѣ, и мое ретивое
Такъ билось въ груди, что пророчило мнѣ
Надежду на счастье въ родной сторонѣ...

.

И вотъ, я на родинѣ!—Тѣ же невзгоды,
Тщеславіе бѣдности, праздный застой,
И старыя сплетни, и новыя моды...
Но вѣтъ! не забыть мнѣ сестрицы святой!
Рубашку ея сохраню я до гроба...
И пусть нашихъ недруговъ тѣшится злоба!—
Я вѣрю, что зло отзовется добромъ:—
Любовь мнѣ сказалась подъ Краснымъ Крестомъ.

* * *

Какъ скорлупу топчетъ птица, когда
Малыхъ птенцовъ она вывела,
Такъ растоптать я готовъ иногда
Все, что душѣ опротивѣло...

КОСТЫЛЬ И ТРОСТОЧКА.

ДЛЯ ДѢТСКАГО ЖУРНАЛА.

БАСНЯ.

Костыль и Тросточка стояли въ уголкѣ,—
 Два гостя тамъ оставили ихъ вмѣстѣ,
 (Одинъ изъ нихъ—старикъ, въ потертомъ сюртукѣ,
 Пришелъ къ племянницѣ; другой—пришелъ къ невѣстѣ
 Преподнести букетъ, и—такъ разсѣянъ былъ,
 Что Тросточку свою въ столовой позабылъ.)
 И Тросточка сначала,
 Въ сосѣдствѣ съ Костылемъ, презрительно молчала;
 Потомъ подумала:—«Костыль—почтенный мужъ,—
 Тяжелъ и тупорылъ, и неуклюжъ,—
 Такой, что стыдно взять и въ руки...
 А все-жъ я съ нимъ поговорю отъ скуки, —

Авось, потѣшить чѣмъ-нибудь...»

И Тросточка болтать пустилась,

И похвалилась

Своею тониной (въ ней видѣла всю суть),

Сказала, что у ней головка съ позолотой,

Что у нея цѣпочка есть,

Что ей, какъ барышнѣ, оказываютъ честь—

Съ предупредительной заботой:

Когда рѣшаются пуститься съ нею въ путь,

Спѣшать перчатки натянуть,

(Французской выработки лайку);

И что берутъ ее не какъ нагайку

Или дубину,—Боже сохрани!

Что, въ лѣтніе гуляя дни,

Она гордится кавалеромъ,

И что она уже не разъ

Служила барышнямъ примѣромъ,

Какъ изгибаться, не кривясь,

Воздушнымъ существомъ казаться,

И на себя не позволять

Всей пятернею опираться... .

— «А почему? прошу сказать,»—

Сталь, ухмыляясь, возражать

Ей нашъ Костыль ширококрылый,—

«А я такъ радъ, когда всей силой

Да на меня какой-нибудь хромой

Или больной

Нецеремонно обопрется...

И пусть дуракъ одинъ смѣется,

Что я,—служака записной,

Служу тому, кто хромъ иль боленъ...

Я участью своей доволенъ».

— Ты очень простъ, любезный мой,—

Сказала Тросточка,—да я бы ни за что бы

Не стала на виду при всѣхъ гулять вдвоемъ

Съ какимъ-нибудь уродомъ старикомъ.

— «Да ты пойми,—сказалъ Костыль безъ злобы,—

Что я хромымъ необходимъ,

Особенно — страдающимъ одышкой;

Что, если я у нихъ подъ мышкой,—

Они идутъ бодрѣй. Недаромъ я люблю

Моимъ почтеннымъ инвалидомъ;

Я ни за что его не выдамъ,

И онъ меня не выдастъ ни за что...

Такъ, напримѣръ, я самъ смеаю,

Что я—таки порядкомъ протираю

Рукавъ его осеняго пальто,—

Онъ — ничего, — не сердится нимало!..

Да, я люблю...» Захотела

Вертушка-Тросточка:—«Ха-ха!

Любимъ!.. Какая чепуха!..
 Вотъ неподобно!..
 Какъ будто стариковская душа
 Хотя что-нибудь любить способна,
 Помимо барыша?!
 Хорошь ты!.. Да и я-то хороша,
 Что въ разговоръ съ тобой пустилась!»

И что же съ ними приключилось?
 Когда ударилъ поздній часъ ночной,
 И гости стали расходиться,
 Костыль былъ не забыть, и съ нимъ старикъ хромой
 Побрелъ домой:
 «Пора-де спать ложиться,
 И Костылю пора-де дать покой».
 А Тросточка, съ головкой золотой,
 Въ чужомъ углу была забыта,—
 Богатый маменькинъ сынокъ и волокита
 Былъ вѣтренъ, и—уже съ другой
 Красивой тросточкой сталъ появляться въ свѣтъ...
 А прежнюю нашли и взяли дѣти.
 Сперва на ней поѣхали верхомъ,
 Изъ-за нея передрались; потомъ,
 На улицѣ, подъ вѣтромъ и дождемъ,

За зонтикъ ухватясь, бѣдняжку обронули,
И грязный возъ по ней проѣхалъ колесомъ;
Потомъ ее нашли два нищихъ и рѣшили
Продать ее въ сосѣдній кабачекъ
За пятакъ.

БЕЗПУТНЫЙ ГОДЪ.

Уходишь ты,—прощай, прощай,
 Безпутный годъ, бездушный годъ!
 Иди во тьму и не мѣшай
 Намъ къ свѣту двигаться впередъ...

Ты несъ въ груди своей не тотъ
 Святой огонь, что Прометей
 Съ небесъ похитилъ,—ты людей
 Не создавалъ,—ты насъ рядилъ
 Въ желѣзо,—славу намъ сулилъ
 Во имя злыхъ, стихійныхъ силъ
 И превращалъ въ шипящихъ змѣй
 Тобой раздавленныхъ людей.

Нѣтъ, не божественный ты несъ
 Огонь, не благодатныхъ слезъ

И не восторговъ жаждалъ ты,
 Когда, во нмя суеты,
 Земнымъ кумирамъ и богамъ
 Курилъ ты рабскій онямъ.

Прощай, безпутный годъ! Ты шель,
 Какъ туча, темной полосой,
 Не освѣжая насъ грозой...
 Порой ты былъ стихійно золь
 Въ тѣ ночи бурныя, когда
 Опустошалъ ты города
 Своими ливнями...

Порой

Ты насъ ничтожествомъ пугалъ,
 Когда любовью торговалъ,
 И милліоны воровалъ...

Порой, страстей твоихъ языкъ
 Былъ такъ безстыдно смѣль и дикъ,
 И такъ хвастливъ былъ твой обманъ,
 Что даже солнца ясный ликъ
 Въ холодный прятался туманъ,
 И зябли нивы и лѣса,

И мрачны были небеса,
 И смерть отъ бѣдныхъ матерей
 Умчала тысячи дѣтей,
 Какъ бы въ боязни, что они
 Такіе же увидятъ дни
 И будутъ такъ же голодать,
 Завидовать и проклинять!
 А если я не правъ—скажи,
 Чѣмъ просіялъ ты? Укажи,
 На чье чело твоя печать
 Легла какъ Божья благодать?
 Кто шелъ безтрепетно сквозь тьму,
 Не угрожая никому
 И никому не лстя,—какъ богъ?
 Кто былъ превыше всѣхъ тревогъ,
 Интригъ и злобы? Чья любовь,
 Облагороживая кровь,
 Певонила сердца людей
 Стать выше мелочныхъ страстей?..

Кому ты силу слова далъ?
 Какія сѣти оборвалъ?
 Какой надеждой окрылилъ?
 Чѣмъ начатое довершилъ?...

Поднявъ бокаль, я только пью
Здоровье тѣхъ, кто постигаль
Всю немощь страшную твою,
Кто не кадилъ, не вороваль,
Не притворялся, не ропталъ
И, несмотря на темный годъ,
Хоть ощупью, да шель впередъ.
Я только пью здоровье тѣхъ,
Которыхъ провожаетъ смѣхъ
Толпы надменной и пустой,
Кто шель съ открытой головой
За истиной и красотой.
И пусть изъ насъ никто не пьетъ
За новый, въ мѣръ грядущій годъ:
Идетъ съ закрытымъ онъ лицомъ,
Съ невѣдомымъ добромъ и зломъ,
Не разглашая напередъ,
Какое знамя онъ несетъ.

СБЪЖАВШАЯ БОЛЬНАЯ.

Стонеть, мечется малютка...
 Душно ей, въ подушкахъ жарко,—
 Вьются тѣни надъ свѣтильной
 Догорѣвшаго огарка.

Мама спитъ и, со слезою
 На глазу, не замѣчаетъ,
 Какъ въ окошко синимъ блескомъ
 Ночь таинственно мерцаетъ...

Какъ ея больная дочка
 Привстаетъ,—глядитъ,—не знаетъ,
 Ночь ли ей въ окно мигаетъ,
 Или дерево киваетъ?

Вотъ, она съ своей постельки
 Поднялась—и черезъ сѣни
 Пробирается украдкой
 Въ сумракъ сада, легче тѣни...

Жарь... знобить... она чуть дышитъ...
 Губки сухи,—ножки босы,—
 До локтей висятъ густыя,
 Растрепавшіяся косы...

Вотъ, она цѣлуетъ розу,—
 Вотъ, впивая запахъ тонкій,
 Жадно ловить вѣтвь сирени,
 Ослабѣвшею рученкой...

И ей кажется, растенья
 Ей лепечутъ: «Ты земною
 «Красотой налюбовалась—
 «И прости, прости съ землею!..»

И закинувши головку,
 Вверхъ глядитъ она, нѣмая...

Видить: по небу дорожка
Пролегаетъ золотая...

И плывутъ по той дорожкѣ
Звѣзды съ ясными очами,
И мигаютъ ей, и машутъ
Золотыми вѣрами...

И ей кажется, тѣ звѣзды
Ей лепечутъ: «Ты земною
«Красотой налюбовалась,—
«И простишь, простишь съ землею.

«Къ намъ!»... И звѣзды улынулись,
И она имъ улыбнулась,
И лучисто-золотая
Къ ней дорожка протянулась.

И бѣжить, бѣжить малютка
Къ тѣмъ звѣздамъ по той дорожкѣ,
И не чувствуетъ, какъ стынуть
Подкосившіяся ножки...

И ужь врядь ли скажетъ людямъ,
Гдѣ,—куда ушла...

Не дышитъ,

И,—какъ мама ищетъ, кличетъ,
Какъ кричитъ надъ ней,—не слышитъ.

ВИДѢНІЕ ОСМАНА.

Отъ ужаса и ранъ очнулся я въ раю:
 Въ раю разостланъ былъ коверъ, какъ шаль узорный,
 И на него склонилъ я голову мою,
 Отдавшись ласкамъ дѣвъ и страсти непритворной...
 У нашихъ ногъ фонтанъ вздымалъ свои струи,—
 Въ алмазы, въ бисеръ, въ пыль струи тѣ рассыпались,—
 Прохладой вѣяло, и радуги качались
 Въ ароматической серебряной пыли;
 Деревья райскія, тѣнисты, плодовицы,
 Росли, какъ острова, ланами повиты,
 И приглашали насъ въ таинственную сѣнь,
 Любовью услаждать божественную лѣнь...
 Въ кіоскахъ для мужей, воптелей избранныхъ,

Стояли въ чашахъ рисъ, соты, плоды, шербетъ;
 Ихъ подносили намъ, въ одеждахъ легкотканныхъ,
 Красавицы, какихъ у насъ въ Стамбулѣ нѣтъ.
 Такъ, полный свѣтлыхъ грезъ, могъ созерцать я окомъ
 Все то, что было мнѣ обѣщано Пророкомъ.
 Погибшіе въ бою отъ стали, отъ свинца,
 Блаженству своему ни мѣры, ни конца
 Мы не предвидѣли,—намъ вѣчность улыбалась!..
 Но испытаніе намъ ниспослалъ Алла:
 Вдругъ, точно сумерки настали, полумгла,
 Какъ дымка темная, завѣсила нашъ ясный,
 Сапфирный неба сводъ, и нашъ эдемскій день,—
 Нашъ незакатный день, померкъ, какъ день ненастный:
 Къ намъ двигалась не ночь, а грозовая тѣнь
 Мы, вверхъ поднявъ глаза, стояли и глядѣли,
 И всѣ отъ ужаса какъ бы оцѣпенѣли.
 Какъ бурныхъ, сѣрыхъ тучъ воздушный караванъ,
 Неслось къ намъ полчище погибшихъ христіанъ...
 Богъ вѣсть куда, зачѣмъ, сцѣпясь, они летѣли,
 Безъ крылъ, безъ покрывалъ, и сладкогласно пѣли.
 И стали различать мы вражьи ихъ тѣла,
 Съ слѣдами отъ огня, желѣза и кола;
 И увидали мы—дрожащими руками
 Женъ опозоренныхъ и голыхъ матерей
 Къ сосцамъ прижатя—тѣла грудныхъ дѣтей,

И тощихъ стариковъ, съ сѣдыми волосами,
 Исполосованныхъ кровавыми рубцами,
 И юношей еще звенящихъ кандалами,
 И сотни, тысячи изъ нихъ, на рамена
 Взваливъ громадный крестъ, несли его, тащили...
 Намъ высота креста была едва видва
 Сквозь вихрь поднявшейся сухой листвы и пыли,
 Тогда какъ нижній край его, влачась, какъ плугъ,
 И почву бороздя, все колебалъ вокругъ,—
 Кіоски падали, струи фонтановъ били,
 Какъ будто буря ихъ хотѣла слить въ потокъ,
 И дѣва-гурія поблекла, какъ цвѣтокъ
 На хрупкомъ стебелькѣ, который надломили...
 И возропталъ я: «О, Алла! гдѣ твой пророкъ?
 «Сражались мы какъ львы,—гяуры побѣдили...
 «Алла! Они свой крестъ протащутъ на Востокъ
 «И разорять твой рай!..»

Но тутъ я вдругъ очнулся,
 Привсталъ и простоналъ, и въ страхъ оглянулся
 И вижу: мгла кругомъ... на сломанный лафетъ,
 На труны, на кусты чуть брежжетъ лунный свѣтъ;
 Съ горы ползетъ туманъ; на мѣстѣ страшной схватки
 Гяуровъ, какъ стада, походныя палатки,
 Тѣснясь, бѣлѣются далеко вдоль рѣки;
 Кой-гдѣ зловѣщіе мелькаютъ огоньки...

Прощай, мой свѣтлый рай! Еще мои страданья
Не кончились! Но ты, духъ смерти Азраиль!..
Я чувствую размахъ твоихъ холодныхъ крыль...
Слѣши, неси меня въ страну очарованья,
Опять на тѣ ковры, къ той гуріи, въ ту сѣнь,
Гдѣ вѣжить и царить. божественная лѣнь!

ХОЛОДНАЯ ЛЮБОВЬ.

Когда, заботами иль злобой дня волнуемъ,
 На твой горячій поцѣлуй
 Не отвѣчаю я такимъ же поцѣлуемъ,—
 Не упрекай и не ревнуй.

Любовь моя давно чужда мечты вселой,—
 Не грезить, но зато не спать,
 Отъ нуждъ и золь тебя спасая, какъ тяжелый,
 Ударами избитый щить.

Не измѣню тебѣ, какъ старая кольчуга
 На старой рыцарской груди:
 Въ дни непрерывныхъ битвъ она вѣрнѣ друга,
 Но—отъ нея тепла не жди.

Не измѣню тебѣ; но если ты измѣнишь,
 И, оклеветанная, вновь
 Поймешь, какъ трудно жить... Ты вспомнишь, ты оцѣнишь
 Мою холодную любовь.

*
* *

Онъ человекъ былъ—и за правду распинался;
 Но свѣтъ бездушный на него
 Глядѣлъ, какъ на врага покоя своего,
 И понимать его боялся...
 И вѣсть пришла: велѣлъ онъ долго жить...
 И свѣтъ не сталъ по немъ тужить.

Но тысячи вѣковъ пройдутъ, какъ сонъ мгновенный,
 И если, въ свѣтъ уже иной,—
 Къ нему, въ предѣлъ духовъ, съ эфирною волной
 Домчится вѣсть изъ безднъ вселенной,
 Что и земля «велѣла долго жить»...—
 Не станеть онъ по ней тужить.

*
* *

Какое дѣло вамъ, счастливыцъ,
До вспышекъ сердца моего;—
Вы не дали ему отрады—
И не возьмете ничего.

Какое дѣло вамъ, педанты,
До скорби духа моего;—
Вы на вопросъ мой самый жгучій
Не отвѣчали ничего.

Сокровищъ сердца, силы мысли
Ужъ я не жду ни отъ кого...
И все, чѣмъ я дышу покуда,
Творю почти изъ ничего.

НА ЗАКАТЪ.

Вижу я, сизия съ золотомъ тучи
 Загромоздили весь западъ; въ ихъ щель
 Свѣтитъ заря; каменистыя кручи,
 Ребра утесовъ, березникъ и съль
 Озарены вечерьющимъ блескомъ;
 Ниже - безбрежное море. Изъ мглы
 Темныя скачуть и мчатся валы
 Съ неумолкаемымъ гуломъ и плескомъ.

Къ морю тропинка въ кустахъ чуть видна,
 Къ морю схожу я, и

- Здравствуй волна!

Мнѣ, охлажденному жизнью и свѣтомъ.
 Дай хоть тебя встрѣтить теплымъ привѣтомъ!..

Но на скалу набѣжала волна, -
Тяжко обрушилась, въ пѣну зарылась
И прошумѣла, отхлынувъ назадъ:
--- Новой волны подожди,—я разбилась...
Новыя волны бѣгутъ и шумятъ,—
То же, все то же я слышу отъ каждой...
Сердце полно безконечною жаждой,
Жду,—все темно,—погасаетъ закатъ...

СОНЪ ЯЗЫЧНИКА.

Я бѣжалъ отъ вакханалій
 Обезумѣвшаго Рима,
 Отъ его побѣдныхъ криковъ
 И его предсмертныхъ стоновъ,
 Отъ цѣпей, повитыхъ лавромъ,
 И отъ собственнаго рабства;
 Я бѣжалъ на лоно міра,
 Въ горы, въ лѣсъ,—и одинокій,
 Тамъ, среди глухой пустыни,
 На песокъ упалъ съ молитвой
 И, на крыльяхъ сновидѣнья,
 Былъ восхищенъ до Зевеса.

Изъ-за тучъ, въ румянѣмъ блескѣ
 Возникающаго утра,
 Увидалъ я ликъ, вѣнчаннй

Блѣдно-золотистымъ роємъ
 Потухающихъ созвѣздій;
 Кудри бога опускались
 На широкіе покровы
 Сизыхъ тучъ, и въ этихъ тучахъ
 Отъ малѣйшихъ мановеній
 Головы его мгновенно
 Вспыхивали и сверкали
 Стрѣлы молній. Передъ этимъ
 Грозно-величавымъ ликомъ
 Я былъ—малая свѣжинка,
 Вьющаяся передъ глыбой
 Свѣжной на челѣ высокихъ
 Альпъ, прикрытыхъ облаками.

И когда стихалъ громовый
 Шорохъ въ складкахъ надъ горами
 Распростертой ризы бога,
 Лепеталъ языкъ мой; крикъ мой,
 Дерзкій крикъ мой поднимался
 Выше, выше, и былъ слышенъ,
 Какъ звукъ падающей капли
 Въ тихомъ плескѣ океана
 При безвѣтріи, въ часъ утра.

Я взывалъ: «Зевесъ могучій!
 «Повели мнѣ!..—каковы бы
 «Ни были твои вельнѣя,
 «Я твою исполню волю.
 «Я снесу завѣтъ твой въ храмы,
 «Въ хижины, въ суды, въ чертоги,
 «И въ сенаторскія виллы,
 «И въ тѣ пышные вертепы,
 «Гдѣ, нагая, въ жаркой пляскѣ,
 «Закружилась Мессалина.
 «Именемъ твоимъ я буду
 «Говорить, міродержавный!
 «И языкъ мой будетъ вѣщимъ
 «Вразумителемъ народовъ».

Провѣщаль мнѣ громовержець:
 «Я пошлю тебя къ народамъ,
 «Но клянись, что ты исполнишь
 «Волю древняго Зевеса».
 Задыхаясь отъ избытка
 Сердца, вскрикнулъ я: «Клянуса
 «Именемъ твоимъ—исполню!..»
 И дыханье Зевса стало
 Проноситься теплымъ вѣтромъ,

И меня ласкалъ тотъ вѣтеръ,
 И ему внималъ я:

«Слушай,

«Бѣдный мальчикъ, надоѣли
 «Мнѣ жрецы мои; мнѣ тошно
 «Отъ куреній ихъ; отъ дыму
 «Этихъ жертвоприношеній
 «Закопѣли золотыя
 «Сѣни моего чертога,
 «Закружились, какъ отъ чаду,
 «Головы боговъ, со мною
 «Раздѣляющихъ трапезу.
 «И не тотъ я, чѣмъ когда-то
 «Былъ въ тѣ дни, когда лишь греки
 «Воздвигали мнѣ кумиры:—
 «Въ дни безсмертныхъ пѣсень былъ я
 «Святъ, какъ духъ слѣнца Гомера;—
 «Жизнь моя текла въ ихъ стройныхъ,
 «Величавыхъ изваяньяхъ;—
 «Для меня тогда былъ мраморъ
 «Осязаемымъ безсмертьемъ...
 «Миновало это время!

.

«И торжественные гимны
 «Стали мнѣ давно противны,
 «Какъ болотный хоръ лягушекъ,
 «Воспѣвающій мѣзмы,
 «Отравляющіе воздухъ.
 «Слушай, смертный, если хочешь
 «Ты вкусить хотя крупицу
 «Отъ трапезы тѣхъ безсмертныхъ,
 «Что бесѣдуютъ со мною,—
 «Проповѣдуй этимъ людямъ,
 «Что Зевесъ не существуетъ!—
 «Такъ рѣшилъ совѣтъ безсмертныхъ».

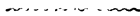
Въ ужасъ я пришелъ отъ этихъ
 Словъ и молвилъ, содрогаясь:
 «Какъ могу я съ этой вѣстью
 «Снизойти опять на землю?
 «Какъ могу я это слово
 «Пронести среди народовъ?—
 «И толпа меня отвергнетъ,
 «И жрецы на избіенье
 «Предадутъ меня народу».

Загремѣлъ негодованьемъ
 Голосъ вѣчнаго владыки:

— «Какъ!—ничтожество!—Не ты ли,
 «Жалкій рабъ, дерзнулъ такъ смѣло
 «И высоко такъ подняться?
 «Крылья духа, гдѣ вы?—или
 «Трусись ты вѣнцомъ страданья
 «Увѣнчать твой лобъ, въ которомъ,
 «Думалъ я, таятся разумъ?»
 — «Я клялся страдать за Зевса,
 «Но—страдать за отрицанье...
 «Пощади!»

Но пушимъ гнѣвомъ
 Загремѣлъ отецъ вселенной,
 И лицо его зардѣлось,
 Словно тонкій, яркій пламень
 Разлился по немъ.—«Да развѣ
 «Отрицаніе не вѣра?
 «Развѣ люди точно такъ же
 «Не повѣрятъ, что Зевеса
 «Нѣтъ и не было, какъ прежде
 «Вѣрили въ его перуны?
 «Прочь! лети пыльная съ пылью!—
 «Я найду другихъ пророковъ».

Всколыхалась кудри бога,
И сомкнулись тучи; — сѣрымъ,
Мутнымъ и дождливымъ небомъ
Стало грозное видѣнье.
Громъ въ горахъ гудѣлъ, когда я,
Лежа на пескѣ, проснулся.

* * *

Глаза и умъ, и вся блещишь ты,
 Невзгодъ житейскихъ далека...
 И, молча, взорамъ говоришь ты,
 Какъ ночью пламень маяка...
 Но я, пловецъ, — завидя пламень,
 Своимъ спасеньемъ дорожу
 И, обходя подводный камень,
 Отъ блеска дальше ухожу...
 Вотъ, если-бъ я волной былъ шумной, —
 Вѣтрамъ послушною волной,
 Съ какой бы страстью вольнодумной
 Примчался я къ твоимъ стопамъ,
 Чтобъ хоть на малое мгновенье
 Взыграть, разбиться и, — слезамъ
 Давъ волю, — выплакать забвенью
 Своимъ безумствамъ и страстямъ.

НА ИСКУСЪ.

Какъ промаюсь я, службы всѣ выстою,
Да уйду на ночь въ келью свою,
Да лампадку предъ Дѣвой Пречистою
Засвѣтивъ, на молитвѣ стою...

Я поклоны творю предъ иконою
И не слышу, какъ сладко поютъ
Соловьи за рѣшеткой оконною,
Въ томъ саду, гдѣ жасмины цвѣтутъ...

Но, когда, послѣ долгаго бдѣнія,
Я на одрѣ мой ложусь, на меня,
Сладострастіемъ вѣя, видѣнія
Прошлой жизни встаютъ, ярче дня.

Замыкаю-ль рѣсницы усталыя, —
 Я тону въ безднѣ сладостныхъ грѣзъ:
 Все-то вижу глаза ея впалые...
 Плечи блѣдныя.. волны волосъ...

Пачинаю-ль дремать,—тяжко дышится, —
 Я безумца въ себѣ узнаю;
 Мнѣ сквозь сонъ ея жалоба слышится
 На безпутную юность мою...

И, въ слезахъ призывая Спасителя,
 Крикъ ребенка я слышу — и въ немъ,—
 Въ сиротѣ, чую вѣчнаго мстителя
 За любовь, что покрылъ я стыдомъ...

И нѣтъ силъ одолѣть искушеніе!
 Забывая молитву мою,
 У погибшей прошу я прощеніе,
 Передъ ней на колѣняхъ стою...

* * *

(ГИПОТЕЗА).

Изъ вѣчности музыка вдругъ раздалась
И въ безконечность она полилась,
И хаосъ она на пути захватила,—
И въ безднѣ, какъ вихрь, закружились свѣтила:
Пѣвучей струной каждый лучъ ихъ дрожить,
И жизнь, пробужденная этою дрожью,
Лишь только тому и не кажется ложью,
Кто слышитъ порой эту музыку Божью,
Кто разумомъ свѣтель,—въ комъ сердце горить.

МОГИЛА ВЪ ЛѢСУ.

Тамъ, у просѣки лѣсной,
 Вѣтъ новою весной;
 Только жутко подъ ракитой
 Близъ могилы позабытой.

Тамъ, тревожа листьевъ тѣнь,
 Бродитъ тѣнь самоубійцы,
 И порхающія птицы,
 Щебетаньемъ встрѣтивъ день,
 Не боятся тѣни этой,
 Вешнимъ солнцемъ не пригрѣтой.

Но—боюсь я,—мой недугъ,—
 Рану сердца,—разбередить
 Духъ, который смертию бредитъ,—
 Жажущій покоя духъ.

Говорять, что жаждой этой
 Онъ, когда-то неотпѣтый
 И зарытый безъ креста,
 Заражаетъ тѣхъ, кто бродить
 Одинокимъ и заходить
 Въ эти дикія мѣста.

Или сердце, что устало
 Пенавидѣть и страдать,
 Переставши трепетать,
 Все еще не отстрадало?!.

Или духъ, землѣ чужой
 И чужой для безтѣлесныхъ,
 Замкнутый въ предѣлахъ тѣсныхъ
 Безнадежности глухой,
 Жаждетъ, мучимый тоскою,
 Нашей казни надъ собою?..

Чу! Повѣдай чуткій слухъ,—
 Вѣтеръ это или духъ?..
 Это вѣтра шумъ—для слуха...
 Это скорбный духъ—для духа...

И. С. ТУРГЕНЕВУ.

Благословенный край—пльвнительный предѣлъ!
Тамъ лавры выблются...

А. Пушкинъ.

Невесела ты родная картина!..

Н. Некрасовъ.

Туда, въ Парижъ, гдѣ я когда-то
Впервые, искренно и свято
Любимъ былъ женскою душой...
Туда, гдѣ нынѣ образъ твой,
Еще живой, мнѣ святъ и дорогъ,
Не разъ стремился я мечтой,
Подслушать милой тѣни шорохъ,
Поймать хоть призрака черты...

Увы! поклонникъ красоты,—
Я ей страдальческую службу
Давно усердно отслужилъ
И прозаическую дружбу

Въ своей душѣ благословилъ.
 Но гдѣ друзья?.. Друзей немного...
 Я ихъ не вижу по годамъ...
 Подчасъ глуха моя дорога...
 Въ разбродѣ мы: я—здѣсь, ты—тамъ.

Донашивать своя сѣдины
 Намъ порознь суждено судьбой!..
 Тебѣ—въ объятіяхъ чужбины,
 Мнѣ—въ кандалахъ нужды родной.
 Усталъ я, легъ,—почти что боленъ,—
 Своей работой недоволенъ;
 Не бросить ли? не сжечь ли?..

Нѣтъ!

Въ моемъ уединеннѣи скучномъ,
 Замкнувшись въ тѣсный кабинетъ,
 Не чуждъ я мысли о насущномъ,
 Заботъ и будничныхъ суетъ...

Усталъ я... размышлять нѣтъ мочи...
 Не сплю... погасъ огарокъ мой...
 Въ окно глядить и лѣзетъ въ очи
 Сырая мгла плаксивой ночи...
 Осенней вьюги слышенъ вой...

И вотъ, разнузданной мечтой
 Я мчусь въ Парижъ, туда, гдѣ свято
 Впервые я любилъ когда-то
 И былъ блаженъ—въ послѣдній разъ!..

.

Вотъ позднего досуга часъ...
 Парижъ недавно отобѣдалъ,
 Онъ все, что могъ, изжилъ, извѣдалъ,
 И жаждетъ ночи...

Чердаковъ

Окошки,—гнѣзда бѣдняковъ,—
 Ушли подъ тучи въ мракъ печальный,—
 Тамъ голодь, замыслы, нахальной
 Нужды запросы,—бой съ нуждой,—
 Или при лампѣ трудовой
 Мечты о жизни идеальной.

Зато внизу—Парижъ иной,
 Картинный, бронзовый, зеркальный:
 Сверкаютъ тысячи огней,
 Гулъ катится по всѣмъ бульварамъ,
 Толпа снуетъ... Любуясь даромъ,
 Дивись на роскошь богачей;
 Вдохнувъ о юности своей,

Давай просторъ влюбленнымъ парамъ...

.
 Вотъ, домъ—громада. Изъ сѣней
 На тротуаръ и мостовую
 Ложится просвѣтъ полосой;
 Изъ-подъ балкона, головой
 Курчавясь, кажутъ грудь нагую
 Шесть статуй—шесть карриатидъ;
 Свѣтъ газовыхъ рожковъ скользить
 Кой-гдѣ по мрамору ихъ тѣла...
 Полуоткрывъ уста, онѣ
 Прижались къ каменной стѣнѣ,
 И никому до нихъ нѣтъ дѣла...

Вотъ—лѣстница осаждена...
 Идутъ, сгибаются колѣна,
 Ступенекъ не видать,—одна
 Съ площадки мраморной видна
 Тебѣ знакомая арена:
 Звѣздятся люстры,—ихъ кайма
 Изъ хрусталей, какъ бахрома
 Изъ радужныхъ огней, сверкаетъ,—
 Раздвинувъ занавѣсь, ведетъ
 Въ громадный залъ широкій входъ.

И тѣсную толпу стѣсняеть.
Толпа рассыпалась,—и вотъ...

Шуршитъ атласъ, пестрять наряды,
Круглятся плечи блѣдныхъ дамъ,
Затылки, профили... а тамъ,—
Изъ-за высокой балюстрады,—
Уже виднѣются пѣвцы,
Артисты-гении, пѣвицы,
Которымъ пышныя столицы
Несутъ алмазы и вѣнцы.

И ты въ толпѣ;—ужь за рядами
Кудрей и лысинъ мнѣ видна
Твоя густая сѣдина;
Ты искоса повель глазами:—
Быть узнаннымъ тщеславный страхъ
Читаю я въ твоихъ глазахъ...
Отъ русскихъ барынь, отъ туристовъ,
Отъ доморощенныхъ артистовъ
Еще хранить тебя судьба...
Но—чу! гремятъ рукоплесканья!..
Ты дрогнуль,—жадное вниманье
Приподнимаетъ складки лба;

(Какъ будто что тебя толкнуло!)—
 Ты тяжело привсталъ со стула,
 Въ перчаткѣ сжатою рукой
 Прижалъ къ глазамъ лорнетъ двойной
 И—поблѣднѣлъ...—

Она выходитъ...

Уже вдали, какъ эхо, бродить
 Последнихъ плесковъ гуль, и—вотъ,
 Хоръ по струнамъ смычками водить...
 Она вошла... Она поетъ...

О, это вкрадчивое гнѣнь!
 Въ немъ пламя скрыто:—нѣтъ спасенья!
 Восторгъ, похожій на испугъ,
 Уже захватываетъ духъ;—
 Опять весь залъ гремитъ и плещетъ...
 Ты замеръ... Сладко замрять,
 Когда, какъ бы оживъ, опять
 Пришла любовь съ тобой страдать—
 И на груди твоей трепещетъ...
 Ты, молча, голову склонилъ,
 Какъ юноша, лишенный силъ
 Передъ разлукой...

Но,—быть можетъ,—

(Кто знает?) грустною мечтой
 Перелетѣлъ ты въ край родной,—
 Туда, гдѣ все тебя тревожить,
 И слава, и судьба друзей,
 И тотъ народъ, что отъ цѣпей
 Страдалъ и—безъ цѣпей страдаетъ...
 Повѣся носъ, потупя взоръ,
 Быть можетъ, слышишь ты:—качасть
 Свои вершины темный боръ,—
 Несутся крики,—кто-то скачетъ,—
 А тамъ, въ глуши стучить топоръ,—
 А тамъ, въ избѣ ребенокъ плачетъ...

Быть можетъ, вдругъ передъ тобой
 Возникла тусклая картина:—
 Необозримая равнина,
 Застывшая во мглѣ ночной...
 Какъ блѣдно-озаренный рой
 Бѣсовъ, надъ снѣжной пеленой
 Несется вьюга;—коченѣеть,
 Теряясь въ непроглядной мглѣ,
 Блуждающій обозъ... Чернѣеть,
 Какъ призракъ, въ нищенскомъ селѣ
 Пустая церковь;—тускло рдѣеть

Окно съ затычкой;—парь валить
 Изъ кабака;—изъ-подъ дерюги
 Мужикъ вздыхаетъ: «вотъ-те на!»
 Иль «карауль!» хрипитъ со сна,
 Подъ музыку крещенской вьюги.

Быть можетъ, видишь ты свой домъ,
 Забитый ставнями кругомъ,
 Гнилой заборъ, оранжерею,—
 И ту заглохшую аллею,
 Съ неподметенною листвою,
 Гдѣ пахнетъ дѣтской стариной,
 И гдѣ теперь еще, быть можетъ,
 Когда луна свѣтла, какъ день,
 Блуждаетъ молодая тѣнь,—
 Тотъ блѣдный призракъ, что тревожить
 Сердца, когда поетъ она
 Передъ толпой, окружена
 Лучами славы...

* * *

Я красоты не разлюбилъ,
 Но не хочу быть увлеченнымъ, —
 Мнѣ-ль на закатѣ страстныхъ силъ
 Воображать себя влюбленнымъ!

Нѣтъ; чары вашей красоты
 Меня не манять къ поцѣлюю...
 Въ замѣнъ измѣнчивой мечты,
 Я сберегу мечту пную, —

Ту заповѣдную мечту,
 Чтò всѣмъ народамъ смутно снилась,
 И чтò въ земную красоту
 Еще нигдѣ не воплотилась.

Безъ этой творческой мечты
 Нѣтъ правды въ людяхъ, смысла въ лицахъ, —
 Нѣтъ ни одной живой черты
 На историческихъ страницахъ.

Н. А. ГРИБОВДОВА.

I.

Не князь, красавецъ молодой,
 Внукъ иверскихъ царей,
 Былъ сокровенною мечтой
 Ея цвѣтущихъ дней;
 Не вождь грузинскихъ удалцовъ, —
 Гроза сосѣднихъ горъ,
 Признаньемъ вынулъ ее
 Потупить ясный взоръ;
 Не тамъ, гдѣ слышать валуны
 Плескъ Алазанскихъ струй *),
 Впервые прозвучалъ ей
 Завѣтный поцѣлуй; —
 Нѣтъ, зацвѣла ея любовь
 И расцвѣла печаль

*) Алазань — рѣка въ Кахетіи.

Въ томъ жаркомъ городѣ, гдѣ намъ
 Прошедшаго не жаль...
 Гдѣ грезится сазандарамъ *)
 Святая старина,
 Гдѣ часто музыка слышна,
 И вѣютъ знамена.

II.

Въ Тифлисѣ я ее встрѣчалъ...
 Викалъ въ ея черты:
 То — тѣнь весны была, въ тѣни
 Осенней красоты.
 Не весела и не грустна, —
 Гдѣ бъ ни была она,
 Повсюду на ея лицѣ
 Царяла тишина.
 Ни пышный блескъ, ни рѣзвый шумъ
 Полуночныхъ баловъ,
 Ни барабанный бой, ни вой
 Охотничьихъ роговъ,
 Ни смѣхъ пустой, ни приговоръ
 Коварной клеветы, —

*) Сазандаръ — грузинскій народный пѣвецъ.

Ничто не возмущало въ ней
 Тайственной мечты...
 Какъ будто слава, отразясь
 На ней своимъ лучомъ,
 Въ ней берегла покой души
 И грезы о быломъ, —
 Или о томъ, кто, силу зла
 Извѣдавъ, завѣщаль
 Ей всепрощающую скорбь
 И вѣру въ идеаль...

III.

Я помню часъ, когда вдали
 Вершинъ сѣдые льды
 Румянцемъ вспыхнули, и тѣнь
 Съ холмовъ сошла въ сады,
 Когда Метехъ *), съ своей скалой,
 Стоялъ, какъ бы въ дыму,
 И уходилъ сіонскій крестъ **)
 Въ ночную полутьму...—
 Она сидѣла на крыльцѣ
 Съ поникшей головой,

*) Замокъ и острогъ въ Тифлисъ.

**) Крестъ Сіонскаго собора, самой большой церкви въ Тифлисъ.

II, помню, кроткій взоръ ея
 Увлажень былъ слезой.
 О незабвенной старинѣ
 Намекъ нескромный мой
 Смутилъ ея больной души .
 Таинственный покой...
 II мнѣ казалось, въ этотъ мигъ
 Я у нея въ глазахъ
 Прочелъ ту повѣсть, что прошла
 Тайкомъ въ ея мечтахъ: ---

IV.

«Онъ русскимъ посланъ былъ царемъ,
 Въ Иранъ держалъ свой путь,
 II на пути заѣхалъ къ намъ
 Душою отдохнуть.
 Желанный гость,—онъ принять былъ,
 Какъ другъ, моимъ отцомъ,—
 Не въ первый разъ входилъ онъ къ намъ
 Въ гостепріимный домъ...—
 Но не былъ веселъ онъ въ тѣни
 Развѣсистыхъ чинаръ,
 Гдѣ на коврахъ не разъ намъ пѣлъ

Заѣзжій сазандаръ;
Гдѣ наше пѣнилось вино,
Дымился нашъ кальянъ,
И улыбалась жизнь гостямъ
Сквозь радужный туманъ...
И былъ задумчивъ онъ, когда,
Какъ бы сквозь тихій сонъ,
Пронизывался лунный свѣтъ
На темный нашъ балконъ...—
Его горячая душа,
Его могучій умъ
Влачили всюду за собой
Грузъ неотвязныхъ думъ.
Напрасно съверъ ледяной
Рукоплескалъ ему,
Онъ тамъ оставилъ за собой
Бездушную зиму;
Онъ тамъ холодныя сердца
Оставилъ за собой,—
Лишь я одна могла ему
Откликнуться душой...
Онъ такъ давно меня любилъ,
И такъ былъ радъ,—такъ радъ,
Когда вдругъ понялъ, отчего
Туманится мой взглядъ».

V.

«И скоро передь алтаремъ
 Мы съ нимъ навѣкъ сошлись...
 Казалось, праздновалъ весь міръ,
 И ликовалъ Тифлисъ:
 Всю ночь къ намъ съ вѣтромъ долеталъ
 Зурны тягучій звукъ,
 И мѣрный бубна стукъ, и гулъ
 Отъ хлопающихъ рукъ...
 И не хотѣли погасать
 Далекіе огни,
 Когда, лампаду засвѣтивъ,
 Остались мы одни...
 И не хотѣла ночь унять
 Далекой пляски шумъ,
 Когда съ души его большой
 Скатилось бремя думъ,—
 Чтобъ не предвидѣлъ онъ конца
 Своихъ блаженныхъ дней,
 При видѣ брачнаго кольца
 И ласковыхъ очей.

VI.

«Но часъ насталъ: посоль царя
 Умчался въ Тегеранъ...
 Прощай, любви моей заря!
 Паль на сердце туманъ...
 Какъ въ темнотѣ разсвѣта ждуть,
 Чтобъ страхи разогнать,
 Такъ я ждала его, ждала, —
 Не уставала ждать...
 Еще мой вѣрующій умъ
 Былъ грѣзами повить,
 Какъ вдругъ... вдругъ грянула молва,
 Что онъ убить... убить!
 Что онъ изъ плѣна бѣдныхъ женъ
 Хотѣлъ мужьямъ вернуть,
 Что съ изувѣрами въ бою
 Онъ палъ, пронзенный въ грудь,
 Что трупъ его, — кровавый трупъ, —
 Поруганъ былъ толпой
 И что скрипучая арба
 Везетъ его домой *).

*) Записки А. С. Пушкина, т. 5, стр. 76. изд. Анненкова.

Всѣ эти вѣсти въ сердце мнѣ
 Со всѣхъ сторонъ неслись...
 Но не скрипучая арба
 Ввезла его въ Тифлисъ, —
 Нѣтъ, осторожно между горъ,
 Ущелій и стремнинъ
 Шесть траурныхъ коней везли
 Парадный балдахинъ;
 Сопровождали гробъ его
 Лавровые вѣнки,
 И пушки жерлами назадъ,
 И пики, и штыки...
 Дымились факелы, и гулъ
 Колесъ былъ эхомъ горъ,
 И память вѣчную о немъ
 Пѣлъ многолюдный хоръ...

И я пошла его встрѣчать,
 И весь Тифлисъ со мной
 Къ заставѣ эриванской шель
 Растроганной толпой.
 На кровляхъ плакали, когда
 Безъ чувствъ упала я...
 О, для чего пережила
 Его—любовь моя!»

VII.

«И положила я его
 На той скалѣ, гдѣ спитъ
 Семья гробницъ, и гдѣ святой
 Давидъ ихъ сторожить;
 Гдѣ раньше, чѣмъ заглянетъ къ намъ
 Въ окошки алый свѣтъ,
 Заря подъ своды алтаря
 Шлетъ пламенный привѣтъ;
 На той скалѣ, гдѣ въ бурный часъ
 Зимой, издалека
 Причаливъ, плачутъ по веснѣ
 Ночныя облака;
 Куда весной, по четвергамъ,
 Бредутъ на ранній звонъ,
 Тропинкой каменной, въ чадрахъ,
 Толпы грузинскихъ женъ.
 Бредутъ, нерѣдко въ страшный зной,
 Однѣ — просить дѣтей,
 Другія — воротить мольбой
 Простывшихъ къ нимъ мужей...
 Тамъ, въ темномъ гротѣ—маволей,
 И, — скромный даръ вдовы,

Лампадка свѣтитъ въ полутьмѣ,
Чтобъ прочитали вы
Ту надпись, и чтобъ вамъ она
Напомнила сама
Два горя: — горе отъ любви
И горе отъ ума».

НАТУРЩИЦА.

Много дней, ночей тоскливыхъ,
 Посреди родныхъ слезливыхъ,
 Искалѣченныхъ нуждой,
 Провела я, голодая,
 Прежде чѣмъ, полунагая,
 Появилась въ мастерской.

Помню все, какъ я дрожала,
 Колебалась, умоляла:
 «Завяжите хоть глаза!»
 И когда я вдругъ явилась
 Нимфой,—горькая скатилась
 По щекъ моей слеза.

Стыдъ прошелъ, и вотъ изъ нужды,
 Я служу искусству; чужды

Мнѣ приличья свѣтскихъ дамъ:
 Какъ онѣ, я не скрываюсь,
 И, когда я раздѣваюсь,
 Раздѣвать себя не дамъ.

Дальше руки! Наготовю,—
 Богомъ данной красотою,
 Я пришла не соблазнять;
 Обожай, какъ душу, тѣло,
 Вотъ оно,—скорѣй за дѣло,—
 Начинай съ меня писать.

Изъ окна здѣсь вѣсть лѣтомъ,
 Весь мой торсъ проникся свѣтомъ
 Отъ плеча и до колѣнъ...
 Мнѣ не стыдно, не обидно;
 Только такъ... порой завидно,—
 Для чего я не манкенъ!

Твой манкенъ не просить хлѣба,
 Не боится кары неба,
 Не клянеть своей судьбы;
 Онъ не знаетъ обидъ напрасныхъ,

Соблазнительей безстрастныхъ,
Сокрушительной борьбы.

Кисть изъ рукъ твоихъ упала...
И тебѣ борьбы не мало
 Предстоитъ... бѣднякъ, учись!
Напряги свое вниманье...
Я стою, какъ изваянье,
 Ты—въ терпѣнье превратись.

Дни, года пройдутъ, быть можетъ,
Нагота моя поможетъ
 И тебѣ карманъ набить...—
Я же, снова голодая,
Можетъ быть, приду, больная,
 Подъ окно твое просить.

* * *

Въ гаремѣ брань и плачь... но—входитъ падишахъ,
 И одалиска еле дышитъ,—
 Мутитъ ей душу гнѣвъ, отчаянье и страхъ...—
 Но развѣ не сверкнетъ восторгъ у ней въ очахъ,
 Когда ей ласка грудь всколышетъ!..

Холодный Сѣверъ нашъ печалень и суровъ,—
 Но развѣ онъ весны не приметъ,
 Когда владычица въ предѣлѣ его снѣговъ
 Внесетъ и ландыши, и трели соловьевъ,
 И горячо его обвинетъ!

И небо, и земля, и жизнь моя въ цѣпяхъ,
 На жизнь я тщетно негодую,
 Сжимаетъ душу мнѣ отчаянье и страхъ...—
 Но развѣ не сквозитъ любовь въ моихъ рѣчахъ,
 Когда я Бога сердцемъ чую...

ВЪ ПОТЕРЯННОМЪ РАЮ.

.

Уже впервые дымной мглою
 Подернуть былъ Едемскій садъ,
 Уже пожелкнувшей листвою
 Усѣянъ синій былъ Ефратъ...

Ужъ райская не пѣла птица,—
 Надъ ней орелъ шумѣлъ крыломъ,—
 И тяжело рычала львица,
 Въ пещеру загнанная львомъ...

И озиралъ злой духъ съ презрѣньемъ
 Добычу смерти—пышный мѣръ
 И мыслилъ: смертнымъ поколѣньямъ
 Отнынѣ буду я кумиръ.

И вдругъ, онъ видитъ, въ райской сѣни,
 Уязвлена, омрачена,
 Идетъ, подобно скорбной тѣни,
 Имъ соблазненная жена.

Невольно прядью косъ волнистыхъ
 Она слегка прикрыла грудь,—
 Уже для помысловъ нечистыхъ
 Пролегъ ей въ душу знойный путь...

И ей десницу простирая,
 Встаетъ злой духъ,—онъ вновь готовъ,
 Ей, сладкой лестью слухъ лаская,
 Пѣть о блаженствѣ грѣшныхъ сновъ.

Но что уста его сковало?..
 Зачѣмъ онъ пятится назадъ!?.
 Чѣмъ эта жертва испугала
 Того, кому не страшень адъ?..

Онъ ждалъ слезы,—улыбки рая,—
 Моленій, робкаго стыда..
 И что-жь въ очахъ у ней?! Такая
 Непримируемая вражда,

Такая мощь души безъ страха,
Такая ненависть... какой
Не ждалъ онъ отъ земного праха
Съ его минутной красотой.

Грозы божественной сверканье—
Тѣхъ молній, что его съ небесъ
Низвергли,—не безъ содроганья
Въ ея очахъ увидѣлъ бѣсъ...—

И въ мглу сокрылся привидѣньемъ,
Холоднымъ облакомъ осѣлъ,
Змѣей въ траву проползъ съ шипѣньемъ,
Въ деревьяхъ бурей прошумѣлъ.

Но сила праведнаго гнѣва
Земного рая не спасла,—
И канула слеза у древа
Познанія добра и зла...

СТАРАЯ НЯНЯ.

Ты дѣвчонкой крѣпостной
 По дорогѣ столбовой
 Къ намъ съ обозомъ дотащилася;
 Долго плакала, дичилася,
 Не причесанная,
 Не отесанная...

Чуть я началъ подрастать,
 Стали няню выбирать, —
 И тебя ко мнѣ приставили,
 И обули, и наставили,
 Чтобъ не важничала,
 Не проказничала.

Славной няней ты была,
 Скоро въ роль свою вошла:

Терзала меня за-руть,
 Да гулять вела за-руть...
 Съ горы съкатывалась,
 Въ рожь застртывалась...

Иль раздвигая на песокъ,
 Ты влеклась въ ручейкъ,
 Выжимала своя косыньки;
 А кругомъ шумѣли сосенки,
 Птички радовались...
 Мы оглядывались...

Вотъ пришла зимы пора;
 Дальше нашего двора
 Не пускали насъ съ салазками;
 Ты меня, не муча ласками,
 То закутывала,
 То раскутывала.

Разъ, — я помню, — при огнѣ
 Ты чулки вязала мнѣ, —
 (Или платье свое штопала) —
 Къ намъ метель въ окошко хлопала,

Пѣснь затягивала, —
Сердце вздрагивало...

Ты жъ другую пѣсню мнѣ
Напѣвала при огнѣ:
«Ай, кипятъ котлы кипучіе!..»
Помню сказки я пѣвучія,
Сказки всяческія, —
Не ребяческія...

И, побитая не разъ,
Ты любила, разсердясь,
Потихоньку мнѣ отплачивать, —
Меня больно поколачивать;
Я не жаловался,
Отбояривался.

А какъ въ школу поступишь,
Я читать тебя учишь:
Ты за мной твердила «Вѣрую»...
И потомъ молилась съ вѣрою,
Съ воздыханіями,
Съ причитаніями.

По ночамъ на образа
 Возводила ты глаза,
 Озаренные лампадкою;
 И когда съ мечтою сладкою
 Сонъ мой спутывался,
 Я закутывался...

Но пришли твои года...
 Подросла ты—и тогда,
 Знать, тебя цыганка сглазила:
 Изъ окна ты ночью лазила,
 Вся трепещущая,
 Съ кѣмъ-то шепчущая...

Другъ любилъ тебя шутя,
 И, поблекнувъ, не цвѣтя,
 Перестала ты пошаливать:
 Начала свой грѣхъ замаливать;
 Много маялася,—
 Мнѣ же каялася!

.

Черезъ тридцать лѣтъ, домой
 Я вернулся, и слѣпой
 Ужь засталъ тебя старушкою,
 Въ темной кухнѣ, съ чайной кружкою...—
 Ты догадывалась...
 Слезно радовалась.

И когда я легъ вздремнуть,
 Ты пришла меня разуть, —
 Какъ дитя свое любимое, —
 Старика, въ гнѣздо родимое
 Боротившагося,
 Истомившагося.

Я измученъ былъ, а ты
 Прожила безъ суеты
 И мятежныхъ думъ не вѣдала,
 Капли яду не отвѣдала, —
 Яду маящихся,
 Сомнѣвающихся.

И напомнила Христа
 Ты страдальцу безъ креста,

Гражданину, сыну времени,
Посреди родного племени
Прозябающему,
Изнывающему.

Богъ съ тобой! я жизнь мою
Не смѣняю на твою...
По ты мнѣ близка, безродная,
Въ самомъ рабствѣ благородная,
Не оплаченная
И утраченная.

ВЪ ГОДИНУ УТРАТЫ.

(Посв. Н. Ф. Христіановичу).

Въ теплѣ злое горе цвѣтеть—зеленѣеть,
 Какъ будто его солнце вешнее грѣть...—
 Оттаяли слѣзы и льются ключомъ, —
 А тамъ надъ могильнымъ, сыпучимъ бугромъ
 Берѣзка стоитъ и въ снѣгу коченѣеть.
 Но будетъ пора, холодъ въ душу сойdetъ,
 И горе застынетъ, какъ будто замреть...—
 А тамъ, надъ могилкой, повѣетъ весною,
 Берѣзка очнется, и свѣжей листвою
 Одѣнутся длинныя сѣти вѣтвей,
 И дѣти сбѣгутся съ цвѣтами сирени,
 И, молча, сойдутся могильныя тѣни
 Внимать голосамъ беззаботныхъ дѣтей.

* * *

Пусть злая осень добила дождемъ
 Пажити, вѣтромъ измятыя, —
 Вы, какъ птенцы, народились въ моемъ
 Сердцѣ—надежды крылатыя.

Солнце зоветъ васъ покинуть туманъ, —
 Солнце зоветъ все, что молодо
 Къ свѣту, къ теплу, въ рай полуденныхъ странъ,
 Отъ листопада и холода...

Тщетно! Для сѣвера вы рождены,
 Вьюгъ нашихъ трусить не будете,
 И, пострадавшихъ до новой весны,
 Пѣснями лѣсъ нашъ разбудите.

* * *

Чтò мнѣ она!—не жена, не любовница,
 И не родная мнѣ дочь!
 Такъ отчего-жъ ея доля проклятая
 Спать не даетъ мнѣ всю ночь!?

Спать не даетъ, оттого что мнѣ грезится
 Молодость въ душевой тюрьмѣ:
 Вижу я—своды... окно за рѣшеткою...
 Койку въ сырой полутьмѣ...

Съ койки глядятъ лихорадочно-знойныя
 Очи безъ мысли и слезъ,
 Съ койки висятъ чуть не до-полу темныя
 Космы тяжелыхъ волосъ...

Не шевелятся ни губы, ни блѣдныя
 Руки на блѣдной груди,
Слабо прижатыя къ сердцу безъ трепета
 И безъ надеждъ впереди...

Что мнѣ она!—не жена, не любовница,
 И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего-жь ея образъ страдальческій
 Спать не даетъ мнѣ всю ночь!?

* * *

Я умерь, и мой духъ умчался въ тотъ эфиръ,
 Что сотканъ звѣздными лучами,—
 Я не могу къ тебѣ вернуться въ пыльный міръ,
 Съ его порокомъ и цѣпями...—

Прощай! Ты слышишь дня однообразный гулъ,
 И для тебя онъ скучно-свѣтель,—
 Но день твой предо мной какъ молнія мелькнулъ,
 И въ немъ тебя я не замѣтилъ.

Ты видишь, ночи тѣнь идетъ на смѣну дня,—
 Но я твоей не вижу ночи...—
 Какое-жъ дѣло мнѣ, ты любишь ли меня
 Или другому смотришь въ очи...

Я на землѣ постигъ измѣнчивость страстей,—
 Смерть погасила жаръ недужный...
 Не бойся-жъ ревности и не проси моей
 Взаимности, тебѣ не нужной...

С Ф И Н К С Ъ.

Когда-то Сфинксъ въ горахъ за Эивами бродилъ,
 Крутя свой львиный хвостъ напряженный и гибкій;
 Встрѣчая путниковъ, онъ ужась наводилъ
 Своею красотой, когтями и улыбкой.

И всѣмъ онъ встрѣчнымъ задавалъ

Задачи, голодомъ снѣдаемъ,

И, кто его не понималъ,

Былъ имъ нещадно пожираемъ.

Царица Эивъ роптала на вождей,

И вопіялъ народъ; но Сфинксъ не унимался...

Онъ былъ неуязвимъ для стрѣлъ и для мечей

И, когти наостря, какъ женщина смѣялся.

Но ни предательскихъ когтей

Не устрашась, ни хитрой рѣчи,—

Одинъ Эдипъ, въ расцвѣтѣ дней,

Пошелъ искать съ нимъ страшной встрѣчи...

И что-жь? При встрѣчѣ съ нимъ, не обнажа меча,
Герой, испытанный въ кровавыхъ распряхъ вѣка,—

Онъ Сфинксу заглянулъ въ лицо, не трепеща,

И далъ ему отвѣтъ достойный человѣка.

И Сфинксъ, на лапы привскочивъ,

Затрепеталъ, сверкнулъ очами,—

Съ размаху бросился въ заливъ

И скрылся въ безднѣ подъ волнами...

И каждому въ горахъ открылся вольный путь;

Эдипа, какъ царя встрѣчали и какъ брата;

Царица приняла героя грудь на грудь...

Казалось, полувѣбрь погибнулъ безъ возврата.

Увы! Изъ опѣненныхъ волнъ

Съ тѣхъ поръ онъ въ міръ не разъ являлся;

Былъ кровожадной злобы полнъ

И лицемѣрно улыбался.

И въ нашъ бурливый вѣкъ,—межъ нивъ и городовъ

Не онъ ли сталъ блуждать, загадочно-опасный,

Когтисто-злой, какъ левъ, голодный царь лѣсовъ,

Какъ дѣва трепетный, и живо-сладкогласный?

Не онъ ли дерзко задаетъ

Задачи всѣмъ, кого ни встрѣтитъ,

И угрожаетъ, что пожретъ

Того, кто не впопадъ отвѣтитъ?

О! если это Сфинксъ...

Гдѣ ты, Эдипъ?—Иди!

И безъ оружія спасай свободу вѣка

Любовью пламенной въ безтрепетной груди,

Рѣшьнемъ всѣхъ задачъ во славу человѣка!

О П А С Е Н І Е.

На праздникъ ты одна ушла, другъ милый мой,
 Безъ горничной, безъ провожатыхъ,—
 Ушла, порадовать своею красотой
 Людей безпечныхъ и богатыхъ.

Ужъ поздно... тьма кругомъ... и напряжень мѣй слухъ,
 И умъ мой полонъ смутныхъ бредней:
 Не твой ли шорохъ тамъ, гдѣ газъ давно потухъ?
 Чу! что-то звякнуло въ передней!..

Ужъ поздно; я не сплю,—клянусь, не оттого,
 Что горячо тебя люблю я
 И что не могъ бы я заснуть безъ твоего
 Разказа или поцѣлуя...

Нѣтъ, не изъ ревности я не смыкаю глазъ
 И жду тебя не какъ влюбленный!

Я праздника боюсь,—миѣ страшенъ поздній часъ
И этотъ городъ полу-сонный.

Здѣсь каждый ждетъ бѣды, здѣсь каждый заперъ дверь,
Здѣсь невидимкой между нами
Блуждаетъ нищета, косматая, какъ звѣрь,
Дрожить и шарить за дверями.

Быть можетъ, тѣнь ея завистливо глядитъ
На яркій свѣтъ тѣхъ самыхъ оконъ,
Гдѣ подъ напѣвъ смычка нога твоя скользнетъ,
Гдѣ вьется твой летучій локонь.

Ты не нуждаешься, благодаря трудамъ,
Но для нея и ты—богата;
И то, что любишь ты, и то, что свято намъ,
Для голодающихъ—не свято...

.

О, я-бъ не ждалъ тебя съ тревогой и тоской,
Объ этомъ не было-бъ и рѣчи,
Когда-бъ у каждаго въ семьѣ его родной
Горѣли праздничныя свѣчи!

* * *

Увидалъ изъ-за тучи утесъ,
 Какъ въ долину сошла молодая
 Дочка Солнца—Весна, и, вздыхая,
 Погрузился въ туманъ сладкихъ грёзь.

Ему снится: съ Весной молодою,
 Въ снѣжныхъ блесткахъ, идетъ онъ къ наю,
 И вѣнчаетъ его ледяною
 Діадемою свѣтлый морозъ...

А Весна позабыла вершину
 И за тучами льдистый утесъ,—
 По уступамъ сошла на долину
 И забылась въ чаду сладкихъ грёзь...

Снится ей: на зарѣ, за холмами,
 Тамъ, гдѣ роца гремитъ соловьями,
 Жаркій Май, съ золотыми кудрями,
 Ей дарить діадему изъ розъ.

* * *

Любя колосевъ мягкій шорохъ
И ясную лазурь,
Я не любилъ, любясь нивой,
Ни темныхъ тучъ, ни бурь...
Но налетѣла туча съ градомъ,
Шумить-гремитъ во мглѣ;
И я съ колосьями, какъ колосъ,
Прибитъ къ сырой землѣ...
Къ сырой землѣ прибитъ—и стыну,
Холодный и нѣмой,
И ужъ не все-ль равно мнѣ,—солнце,
Иль туча надо мной!?

ПОЗДНЯЯ МОЛОДОСТЬ.

Лѣта идутъ,—идутъ и бремятъ,—
 Суровой старости въ усахъ мелькаетъ иней, —
 Жизнь многолюдная, какъ многогрѣшный адъ,
 Не откликается,—становится пустыней...—
 Глаза изъ-подъ бровей завистливо глядятъ,
 Улыбка на лицѣ морщины выгоняетъ...

Куда подь-часъ не хороша
 Улыбка старости, которая страдаетъ!
 А между тѣмъ безумная душа
 Еще кипитъ, еще желаетъ. —

Уже боясь чарующей мечты,
 Невольно, можетъ-быть, она припоминаетъ,
 При видѣ каждой красоты,
 Когда-то свѣжія и милыя черты
 Своихъ богинь, давно уже отцвѣтшихъ,—

И мнить изъ радостей прошедшихъ
 Неслышанныя радости создать,
 Отдаться новымъ искушеньямъ,
 Послѣднимъ насладиться наслажденьемъ,
 Послѣднее отдать.

Но страсть, лишенная живительной награды,
 Какъ жалкій и смѣшной порывъ,
 Смѣняется слезой отчаянной досады, —
 Иль гаснетъ, тщетныя желанья изуривъ. —
 Такъ музыкантъ, какимъ бы въ немъ огнемъ
 Ни пламенѣли памятные звуки,
 Съ разбитой скрипкой, взятой въ руки,
 Стоитъ съ понуреннымъ челомъ...—
 Въ душѣ—любовь, и слезы, и перуны,
 И музыки бушующій потокъ...—
 Въ рукахъ—обломки, порванныя струны
 Или надломленный смычокъ.

СТИХОТВОРЕНИЯ ВЪ ПРОЗѢ.

I.

Собираясь на теплый югъ, высоко пронеслись облака, и, дыша холодомъ, гордились, что хребты ихъ, дымчатые и волнистые, солнце позолотило ярче, чѣмъ землю, на которую они отбросили подвижную тѣнь свою...

— Мы выше земли и свѣтлѣе земли!

— Не гордитесь, отозвалась имъ допотопная высь горы, какъ сѣдинами, прикрытая снѣгомъ: — я и выше васъ, и свѣтлѣе васъ и, несокрушимая, недосыгаемая, вижу обоихъ васъ...

— Чтò же ты видишь?

— А вотъ часто я вижу, какъ, въ видѣ паровъ, солнце съ земли поднимаетъ васъ, и для того поднимаетъ васъ, чтобы вы, какъ слезами раскаянія, орошали дождемъ грудь земли, — грудь вашей единственной матери, за то, что вы похищали у нея огонь ея и этимъ же огнемъ, какъ перунами, раздирали покровъ ея и заслоняли ей солнце.

— Да... мы несемъ съ собой молніи и громъ, потому что мы, свободные отъ земныхъ цѣпей, выше земли и свѣтлѣе земли!

— Все, что живетъ и дышитъ, земля питаетъ мириадами разнообразныхъ плодовъ своихъ, а вы и ваши перуны — бесплодны...

— Очень нужно намъ питать этихъ ничтожныхъ козявокъ!.. Человѣкъ, и тотъ, какъ муравей, едва замѣтенъ намъ.

— Пусть человѣкъ, сынъ земли и солнца, земной любви и Божественнаго разума, едва замѣтенъ вамъ съ высоты вашего величія,—но стремленія его безграничны, и не вамъ услѣдить за полетомъ мечты его... До конца вѣковъ останутся на землѣ слѣды его вѣры и мысли, а вы безслѣдно унесетесь туда, куда вѣтеръ потянетъ васъ... и завтра же... не будетъ васъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! крутятся и сгущаясь, заголосили облака, уносимыя вѣтромъ. Мы, вѣчно свободныя, выше земли, свѣтлѣе и даже святѣе земли!

— Но куда же вы?..

— Мы на югъ, мы на югъ летимъ...

— Зачѣмъ же вы тянетесь къ сѣверу?..

— На югъ, на югъ!

Но вѣтеръ понесъ ихъ на сѣверъ — и горная высь не позавидовала ихъ свободѣ...

II.

Разъ, на жаркомъ юго-востокѣ, въ одну изъ долинъ, на раннемъ восходѣ солнца, изъ окрестныхъ горъ и пахучихъ лѣсовъ сбѣжались вольные, дикіе кони.

Разгорались глаза ихъ, морщились круто-выгнутыя, гордыя шеи ихъ, лоснились спины, развѣвались гривы, поднималась золотистая пыль, и далеко стоялъ гулъ отъ топота копытъ ихъ.

И побѣжалъ за ними оселъ и сталъ кричать...

— Ты сюда зачѣмъ? спросили его кони.

— А вы зачѣмъ?

— Мы принесли на ристалище,—а ты?

— Э... ге... ге! А я думалъ, что здѣсь будутъ уши мѣрять,—у кого длиннѣе.

А. С. ПУШКИНЪ.

Читано авторомъ въ Москвѣ, въ день открытія памятника Пушкину,
въ I засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, 6 іюня
1880 года.

I.

Пушкинъ—это возрожденье
Русской Музы,—воплощенье
Нашихъ трезвыхъ думъ и чувствъ,
Это—незапечатлѣнный
Ключъ поэзіи, священнѣйшій
Въ свѣтлой области искусствъ.

Это—эллиновъ стремленье
Къ красотѣ и лицедрѣнье
Ихъ божествъ безъ покрываль,
Это—голосъ Немезиды,

Это дѣвы Эвмениды
 Окровавленный кинжалъ... *)

Это—вѣщаго баяна
 Струнный говоръ... свистъ Руслана...
 И русалокъ голоса...
 Это—арфа Серафима,
 Въ часъ, когда душа пала
 Жаждой вѣры въ небеса.

Это старой няни сказка,
 Это молодости ласка,—
 Огонекъ въ степной глуши...
 Это—слезы умиленья...
 Это—смутное влеченье
 Вѣчно жаждущей души...

II.

Свой въ столицахъ, на пирушкѣ,
 Въ саклѣ, въ таборѣ, въ лачужкѣ,

*) Онъ пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
 Кинжалъ и дѣву Эвмениду...

Пушкинъ чуткою душой
 Слышитъ друга голосъ дальній,—
 Пѣсню Грузіи печальной...
 Бредъ цыганки кочевой...

Слышитъ крикъ орла призывный,
 Слышитъ ропотъ заунывный
 Океана въ бурной мглѣ,—
 Видитъ небо безъ лазури
 И,—что краше волнъ и бури,—
 Видитъ дѣву на скалѣ...

Знаетъ горе намъ родное...
 И разгулье удалое,—
 И сердечную тоску...
 Но не падаетъ усталый—
 И, какъ путникъ запоздалый,
 Самъ стучится къ мужику.

Ничего не презирая,
 Въ дымныхъ избахъ изучая
 Духъ и складъ родной страны,
 Чуя русской жизни трепеть,

Пушкинъ—правды первый лепеть,
Первый проблескъ старины...

III.

Пушкинъ—это эхо славы
Отъ Кавказа до Варшавы,
Отъ Невы до всѣхъ морей,—
Это—сѣятель пустынный,
Другъ свободы, неповинный
Въ лжи и злобѣ нашихъ дней.

Это—гений, все любившій,
Все въ самомъ себѣ вмѣстившій—
Сѣверь, Западъ и Востокъ...
Это—тотъ «ничтожный міра»,
Что, когда бряцала лира,
Жегъ сердца намъ, какъ пророкъ.

Это—врагъ гордыни праздной,
Въ жертву сплетни неотвязной
Свѣтомъ преданный,—враждой,
Словно терніемъ, повитый,

Оскорбленный и убитый
Святотатственной рукой...

Поэтический Мессія
На Руси, онь, какъ Россія,—
Всеобъемлющъ и великъ...
Нынѣ мы поэта славимъ—
И пьедесталъ ставимъ
Прославляющій насъ ликъ...

О Ч Е Р К Ъ .

Нынче—сердце ея страсти просить,
Завтра съ ужасомъ скажетъ: не надо!
То неправды она не выносить,
То довѣрчивой правдѣ не рада...
То клянется, что свѣтъ ненавидитъ,
То, какъ бабочка, въ свѣтъ порхаетъ...
Кто ея не любилъ,—тотъ не знаетъ...—
Кто полюбитъ ее,—тотъ увидитъ...

ПРОМЕТЕЙ.

Я шель подь скалами,
 Мглой ночи одѣтъ,
 Я несъ темнымъ людямъ
 Божественный свѣтъ—
 Любовь и свободу
 Отъ страха и чарь,
 И жажду познанья,
 И творческій дарь.

Вдругъ, разорвалася
 Ночи занавѣса,—
 Брызнули въ пространство
 Молніи Зевеса,
 И проснулись боги,
 И богини съ ложа
 Поднялись, пугливымъ
 Крикомъ міръ встревожа.

И посланный ими,
 Въ багровомъ дыму
 Мелькнулъ черный воронъ
 И ринулся въ тьму,—
 Онъ близко... Онъ ищетъ
 Межъ скаль и лѣсовъ
 Того, кто похитилъ
 Огонь у боговъ...

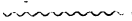
Я иду—и свѣтъ мой
 Свѣтитъ по дорогѣ;
 Я ужъ знаю тайну,
 Что не вѣчны боги...
 Мiръ земной, я знаю,
 Пересозданъ снова,—
 И уста роняютъ
 Пламенное слово.

Не могъ утаить я
 Святого огня...—
 И воронъ изъ мрака
 Завидѣлъ меня:
 Когтями и клювомъ
 Онъ рветъ мою грудь,—

И кровью обрызганъ
Тяжелый мой путь.

Пусть въ борьбѣ паду я!
Пусть въ цѣняхъ неволи
Буду я метаться
И кричать отъ боли!—
Ярче будетъ скорбный
Образъ мой свѣтиться,
Съ крикомъ дальше будетъ
Мысль моя носиться...

И что тогда, боги!
Что сдѣлаетъ громъ
Съ безсмертіемъ духа,
Съ небеснымъ огнемъ?
Вѣдь то, что я создалъ
Любовью моею,
Сильнѣе желѣзныхъ
Когтей и цѣпей!!.

Н. Г. ТРОЙНИЦКОМУ.

Въ дни юности, — ея клеветь и новобрачный,
 Въ медовомъ мѣсяцѣ заманчивыхъ страстей,
 Когда еще не зналъ я роскоши цѣпей,
 Ни кандаловъ. нужды суровой и невзрачной,

Когда повсюду я могъ находить друзей,
 Иль сладко мучиться любовью неудачной, —
 Впервые увидалъ я житницу степей, —

Дешевый городъ вашъ — въ грязи, въ пыли, но — значный...

Съ тѣхъ поръ прошло не мало золь и бѣдъ...
 Съ тѣхъ поръ кого изъ насъ житейскій тайный холодъ
 Не сжалъ въ свои тиски, и кто изъ насъ не сѣды?

Подешевѣло все, чѣмъ дорожилъ поэтъ!
 Одряхло все, что было въ цвѣтѣ лѣтъ, —
 И дорогъ сталъ помолодѣвшій городъ.

27 СЕНТЯБРЯ 1883 ГОДА.

(У ГРОБА И. С. ТУРГЕНЕВА).

Онъ не нуждается ни въ лаврахъ, ни въ цвѣтахъ,
 И омиамъ земли недужной и растлѣнной
 Не долетитъ къ тому, кто въ страшныхъ глубинахъ
 Вселенной ищетъ путь къ Источнику вселенной.
 Итъ, бюсты и вѣнки, и этотъ омиамъ
 Не намъ и не его благословенной тѣни,
 А родинѣ — за то, что подарила намъ
 Истолкователя трехъ нашихъ поколѣній,—
 Поэта русскихъ думъ, — за то тепло и свѣтъ,
 Чтѣ пролилъ намъ въ сердца ея вѣщунъ — поэтъ.

Не намъ и не ему сей омиамъ пахучій,
 Цвѣты и лавры... Итъ! Пусть эти всѣ цвѣты

Отчизна милая влететь въ свой тернъ колючій,
Чтобъ обновить свои надежды и мечты.
Тѣнь друга нашего, тѣнь генія невольна,
Какъ бы въ одну семью, соединяетъ насъ,
Не потому, что намъ разстаться съ нимъ такъ больно,
Такъ жаль, что на землѣ огонь его погасъ, —
А потому, что Русь какъ бы себя вѣнчаетъ
Вѣнцомъ того пѣвца, котораго терять.

В. А. ЖУКОВСКИЙ.

Двадцать девятое января 1783—1883 г.

Двѣ музы на пути его сопровождали:
 Одна, — какъ бы ночнымъ туманомъ повита,
 Съ слезою для любви, съ усладой для печали, —
 Была вѣрна, какъ смерть, — прекрасна, какъ мечта;

Другая — свѣтлая, — покровы обличали
 Въ ней дѣвы стройный станъ; на мраморѣ чела
 Темнѣлъ пахучій лавръ; ея глаза сіяли
 Земнымъ безсмертіемъ, — она съ Олимпа шла.

Одна — склонила путь, пѣвца сопровожда
 Въ предѣль, куда ведетъ гробницъ глухая дверь
 И, райскій голосъ свой изъ вѣчности роняя,
 Поеть родной душѣ: «благговѣй и вѣрь!»

Другая — дочь боговъ, восторгомъ пламенѣя,
Къ Олимпу вознеслась, и будетъ къ намъ слетать,
Чтобъ лавръ Жуковского задумчиво вилетать
Въ вѣнокъ пѣвца—скорбей безсмертныхъ Одиссея.

ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ.

Посвящено А. А. Фету.

Уходитъ пестрый день и, тѣша смертныхъ очей,
 Горитъ на западѣ зарею золотой;
 Кой-гдѣ румянится тѣней сгущенный рой,
 И бездна яркихъ звѣздъ плыветъ надъ бездной ночи...

Вотъ-вотъ они, —

О, Господи!—Твоя вечерніе огни!..

Столицы дремлющей тяжелые фасады
 Слепыми окнами глядятъ со всѣхъ сторонъ: —
 Кой-гдѣ голодному блестящій снится сонъ,
 Кой-гдѣ для слезъ любви еще горять лампы...

Вотъ-вотъ они, —

О, Господи!—Твоя вечерніе огни!..

На склонѣ скорбныхъ дней, еще глаза поэта
 Сквозь бездну зла и лжи провидятъ красоту;
 Еще душа таитъ горячую мечту
 И вдохновеніе, — послѣдній проблескъ свѣта...

Вотъ-вотъ они, —

О, Господи!—Твои вечерніе огни!..

Когда земной кумиръ окажется химерой,
 И въ міръ, гдѣ нѣкогда лилась людская кровь,
 Сойдетъ сіять и грѣть небесная любовь,
 Все человѣчество, быть можетъ, скажетъ съ вѣрой:

Вотъ-вотъ они, —

О, Господи!—Твои вечерніе огни!..

МОСКОВСКИМЪ ТОРГАШАМЪ.

Уже не за горой тотъ день, когда нашъ Царь
 Предстанеть, какъ женихъ Россiи, предъ алтарь
 И сочтаетъ съ ней судьбу свою и славу,
 И дастъ Творцу обътъ блюсти свою державу
 И царствовать на страхъ ея врагамъ,
 На радость доблести, на помощь бѣднякамъ,
 На то, чтобъ быть грозой неправды и стяжанья...
 День, вождѣнный день, уже не за горой...
 Всѣ озабочены счастливой суетой,
 Я тоже, и—пишу къ вамъ братское посланье:
 Молитесь, торгаши, чтобъ Царь-Царей съ небесъ
 Благословилъ Его и ваше достоянье...
 Чтобъ не попуталъ васъ корысти хитрый бѣсъ,
 Чтобъ вы въ священный день народнаго восторга
 Забыли навсегда безбожный лозунгъ торга
 — «Драть съ мертвыхъ и живыхъ»... Чтобъ ради торжества

Вы доказали намъ, что честное служенье
 Царю, Отечеству... и самоотверженье
 Для васъ не суть одни слова, слова, слова,—
 Что христіане вы, что Русь должна вамъ вѣрить,
 Что неспособны вы открыто лицемѣрить,
 Что общей радости въ стѣнахъ родной Москвы
 Всечасно отравлять не захотите вы
 Своекорыстія постыднымъ побужденьемъ;
 Что вы не станете съ злораднымъ ухищреньемъ
 Во имя праздниковъ карманъ свой набивать,
 Иль, всѣхъ прижавъ къ стѣнѣ, неправедной и ложной
 Паживою, въ Москвѣ голодныхъ распложать
 И съ бѣдняковъ тянуть такую дань, которой
 Татарская орда и та бы не взяла.
 Итъ, вы не будете виновниками зла
 Въ тѣ дни, когда душа для радости открыта
 И вѣлическая ложь должна быть позабыта.—

Не вѣрю толкамъ я газетнаго пера...

Не вѣрю и молвѣ, пока еще московской.

Итъ, вы народъ далеко не таковскій,

Чтобъ только выгодѣ одной кричать: ура!

СТАРИКЪ.

Старикъ, онъ шелъ кряхтя, съ трудомъ одолевая
 Ступеньки лѣстницы крутой,
 А чудо-дѣвушка, наверхъ за нимъ взбѣгав,
 Казалось, вѣяла весной.
 Пронесся легкій шумъ шаговъ и вѣтеръ складокъ,
 И длинный локона извивъ...
 О, какъ тогда себѣ онъ показался гадокъ,
 Тяжелъ, ненуженъ и ворчливъ.
 Вздохнувъ, поникъ старикъ, годами удрученный;
 Она-жь исчезла вдругъ за дверью растворенной,
 Какъ призракъ, смѣющій любить,
 Какъ призракъ красоты, судьбой приговоренной
 Безжалостно любимой быть.
 Постой, красавица! Жизнь и тебя научить
 Кряхтѣть и ныть, чтобъ кто-нибудь
 Могъ перегнать тебя, когда тебя измучить
 Крутой подъемъ,— житейскій путь!..

У М И Р А Ю Щ И Й.

Любилъ онъ книги, но и грубыми дѣлами
 Не брезгая, шагаль въ одномъ ряду съ дѣльцами.
 Враги, которымъ онъ порой лукаво льстиль,
 За злой языкъ его преслѣдовать не смѣли;
 Любя какъ эгоистъ, онъ женщинъ не щадилъ,
 И женщины предъ нимъ благоговѣли.
 Не вѣрилъ я въ его возвышенныя цѣли,
 Но въ немъ еще книгѣль остатокъ юныхъ силъ
 И подкупалъ меня... Какъ вдругъ его сразилъ
 Мучительный недугъ.—Заставъ его въ постели,
 Я не узналъ его цвѣтущаго лица:
 Съ него сбѣжали жизни краски,
 Оно, какъ блѣдное подобье маски
 Изъ алебаstra, снятой съ мертвеца,
 Не улыбалось... Долго сидя
 Глядѣль я и молчалъ, конецъ его предвидя.
 — «Прости»,—коснувшись до его руки,

Сказаль я,—«можетъ быть, тебя я беспокою...
 Распоряжайся мной!..»—Все это пустяки!—
 Промолвилъ онъ, пошевеливъ рукою.—
 Я снова замолчалъ. Такъ иногда молчать,
 Когда, въ день горестной утраты,
 Глядятъ на солнечный закатъ.
 Да что и говорить, когда не говорится!..
 Когда-жь я всталъ, чтобъ съ нимъ по-дружески проститься,
 Онъ на меня глазами покосилъ,
 И острый блескъ его загадочнаго взгляда
 Остановилъ, смутилъ меня.—«Не надо...
 Не уходи... Не будь такъ приторно уныль»,
 Сказаль онъ.—«Я, братъ, умираю...
 Ну, что-жь!—кому жалѣть!—Не покидаю
 Ни славы, ни потомства, ни жены...
 Я знаю, что мои минуты сочтены—
 И... вѣришь ли?—не то, что апатиченъ,
 А тихъ, спокоенъ. Боль моя съ утра
 Затихла, и могу я мыслить,—а вчера
 До жалости я былъ трусливъ и неприличенъ,—
 Какъ малое дитя стоналъ,
 Визжалъ, какъ звѣрь въ тискахъ, и корчился отъ боли.
 Теперь я размышляю и, хоть слабъ,
 Хочу рѣшить вопросъ: свободенъ я иль рабъ?—
 И, если рабъ, то у кого въ неволѣ?

Кто былъ вчера моимъ бездушнымъ палачомъ?
 Увы! такой вопросъ меня не беспокоилъ
 Въ тѣ дни, когда я былъ здоровымъ молодцомъ
 И, чтобъ натѣшиться любовью,—куры строилъ;
 Теперь онъ сталъ зерномъ моихъ предсмертныхъ думъ,
 И вотъ какой отвѣтъ мутить мой слабый умъ:
 Палачъ, что подвергалъ меня колотью
 И жегъ, и рвалъ меня, и мучилъ, какъ злодѣй,
 Былъ то, что всѣ мы называемъ плотью,—
 Сплетеньемъ мускуловъ, жилъ, мяса и костей,—
 И вотъ, та плотъ, которую я холилъ
 И услаждать себя неволнлъ,
 И почиталъ единосущнымъ съ «я»,
 Началомъ и концомъ земного бытiя,—
 Та плотъ, которую любилъ я,—повалила
 Меня, какъ лютый звѣрь, какъ жертву прикрутила
 Къ постели и заставила стонать...
 Запятому врагу не дай Богъ испытать
 Того, что испыталъ я!—Ужасы сраженья,
 Судъ инквизици, казнь, пытки, заточенья—
 Мнѣ кажется... я могъ бы ихъ назвать
 Такими же болѣзнями... Тамъ дѣло
 Чужихъ, жестокости послушныхъ рукъ,—а тутъ
 Жестокость собственнаго тѣла!
 Поймешь ли ты меня, иль нѣтъ,

Но думать такъ невольно учить
 То, что меня безбожно мучить
 И повергаетъ въ полубредъ.
 Мы всё—проточный путь матеріальныхъ
 Частицъ, тѣснящихся кругомъ.
 Мы заставляемъ ихъ участвовать въ своемъ
 Стремленіи созидать міръ мыслей идеальныхъ,
 Минутныхъ радостей и думъ всегда печальныхъ...
 А имъ не все-ль равно,—я геній иль дуракъ,
 Лакей иль властелинъ, богачъ или бѣднякъ,—
 Тревожусь, радуюсь, блаженствую иль плачу!—
 Для нихъ я ровно ничего не значу;—
 Онѣ не я, во мнѣ имъ нужды нѣтъ.
 И я, когда придетъ мгновенье расквитаться
 Съ земной природою,—не буду въ нихъ нуждаться,
 Какъ не нуждается въ движеніи тѣни свѣтъ.—
 Прощай!.. Уже враги невѣдомаго духа,
 Ничтожные, какъ прахъ, опасные, какъ ядъ,
 Проникли въ кровь мою, вѣдряются, спѣшатъ
 Хозяинничать... Негодные для слуха,—
 Непризванные помогать
 Мнѣ звуками природу наполнять,—
 Негодные къ тому, чтобъ я,—источникъ зрѣнья,—
 Съ ихъ помощью въ цвѣта преобразать
 Могъ невѣсогомаго ээпра сотрясенья,—

Случайные враги пока еще живыхъ
 Присущихъ мнѣ частицъ, освобождаютъ ихъ
 То медленно, то быстро и всецѣло
 Отъ подневольной службы въ пользу тѣла;
 И гложеть, слѣпнетъ и страдаетъ то,
 Чтò для однихъ—душа, а для другихъ—ничто.
 Такъ, собственного разложенья
 Свидѣтель, — я гляжу на всѣ свои мученья,
 Какъ на слѣпое, роковое мщенье
 Стихійныхъ, вѣчныхъ силъ,—за то, что я живу
 Во времени и жить ихъ заставляю;
 За то, что, въ призраки влюбленный,—наяву
 Я эти призраки обнять желаю;
 За то, что всѣ мы—жалкіе рабы,
 Рабы безчувственной природы,
 Рабы измѣнчивой судьбы,
 Рабы измышленной свободы
 И плоти собственной рабы!
 За то, что съ дѣтства до порога
 Могила, мы дышать не можемъ безъ оковъ...
 Не мнилъ я быть рабомъ у Бога—
 И сталъ рабомъ Его рабовъ...
 — Не возражай! Мнѣ это напѣваетъ
 Та смерть, которая меня освобождаетъ.
 Блаженъ, кто вѣрить до конца,

Кого не тѣшить временная слава,
 И чья любовь ко всѣмъ даетъ святое право
 Сказать:—«Я сынъ Небеснаго Отца»...

Но я не изъ числа блаженныхъ:
 Униженныхъ и оскорбленныхъ
 Я братьями своими не считалъ;
 По-рабски тѣшился, по-рабски и страдалъ...»

.
 Тутъ, приподнявъ свои худыя плечи,
 Скрестилъ онъ пальцы рукъ, замолебъ и опустилъ
 Рѣсницы. Признаюсь, меня онъ изумилъ:
 Не ждалъ я отъ него такой мудреной рѣчи
 И странно было мнѣ, что онъ не проронилъ
 Ни слова о дѣлахъ, ни слова о несчастной,
 Что стала жертвою молвы
 По милости его настойчивости страстной,
 Ни слова о родныхъ, товарищахъ... Увы!
 Смерть, вѣя холодомъ, въ лицо ему глядѣла
 И обезцвѣчивала все,
 Что грѣбеть, чѣмъ свѣтло земное бытіе.

Н О Ч Ь Ю.

Чу, соловьи!.. Звѣзды имъ улыбаются,
 Тѣни имъ шепчуть привѣтъ,
 Радужнымъ роемъ въ душѣ просыпаются
 Грѣзы утраченныхъ лѣтъ.
 Дышитъ тепломъ эта ночка весенняя,
 Вкрадливо пахнетъ сирень...
 Спи, братъ! чтобъ могъ ты во снѣ откровеннѣе
 Бредать, чѣмъ въ суетный день,—
 Суетный день былъ врагомъ поздней вѣжности,
 Поздней надежды и слезь...
 Спи, милый другъ, чтобъ не знать безнадежности
 И не осмѣивать грѣзь!..

СТРУЙКА.

По сточной трубѣ, пробираясь, сбѣжала
 Змѣистая струйка за валъ городской.
 За валомъ, по камешкамъ, чище кристала,
 Катился въ долину потокъ ключевой.
 И стала та струйка, къ нему припадая,
 Роптать, лепетать: я такая-сякая...
 Не мало на людяхъ намаялась я,—
 Извѣдала все, даже горечь проклятій...
 Прими ты меня, и, клянусь, изъ объятій
 Твоихъ никогда ужъ не вырвуся я.
 Недаромъ такъ долго, такъ жарко, подъ сѣнью
 Тѣхъ сѣнѣй, гдѣ гнѣздится безстыдный порокъ,
 Мечтала я плыть,—плыть съ тобой по теченью,
 Куда бы ни текъ ты и гдѣ бы ни текъ!..
 И, съ лепетомъ страсти, онъ обнялъ свою
 Порывистой лаской бѣглянку струю,
 И дальше потекъ онъ, отравленный ею,—
 Журчить... и разносить отраву свою.

* * *

Проходите толпою, трусливо блуждающей,—
 Тощій умъ тощій плодъ принесеть!—
 Роскошь праздныхъ затѣй—пустоцвѣтъ, взоръ ласкающій,—
 Безъ плода на вѣтру упадетъ.
 Бѣдной правдѣ не вѣрите вы—да и кстати ли,
 Если сытая ложь тѣшитъ васъ!
 И безмолвствуемъ мы, не затѣмъ, что утратили
 Нашей честности скудный запасъ,—
 Не затѣмъ, что спѣшимъ подъ покровъ лицемерія,
 Или манны съ небесъ молча ждемъ,
 А затѣмъ, что кругомъ все полно недоверія
 И довольства грошовымъ умомъ.
 Проходите! отъ васъ ничего не останется,—
 Ни рѣшенныхъ задачъ, ни побѣдъ...
 И потомство съ любовью на васъ не оглянется,

Затеряетъ въ потемкахъ вашъ слѣдъ,—
Пожелаетъ простора для мысли и генія,
И тогда—о, тогда, можетъ быть,
Все проснется съ зарей обновленія,
Чтобъ не даромъ бороться и жить...

АЛЛЕГОРІЯ.

Я ѣду... Мракъ меня гнететь,
 И въ ночь гляжу я... Огонекъ
 Навстрѣчу мнѣ то вдругъ мелькнетъ,
 То вдругъ,—какъ будто вѣтерокъ
 Его задуетъ,—пропадетъ...
 Ужъ тамъ не станція ли ждетъ
 Меня въ свой тѣсный уголокъ?..

Ну, что-жъ! Я знаю напередъ,—
 Возница слѣзетъ съ облучка
 И клячъ усталыхъ отпряжетъ,
 И, при мерцаньи ночника,
 Въ сырой покой меня сведетъ
 И скажетъ: лягъ, родной мой, вотъ
 Досчатый одръ,—засни пока...

А ну, какъ я, презрѣвъ покой,
Не захочу, не лягу спать,
И крикну: живо, хрычь сѣдой!
Вели мнѣ лошадей мѣнять!..
Да слушай ты: впряги не клячь,—
Лихихъ коней, чтобъ могъ я вскачь
Опередившихъ насъ догнать!..

Чтобъ могъ прижать я къ сердцу вновь
Все, что впередъ умчалъ злой рокъ:
Свободу, молодость, любовь...
Чтобъ загорѣвшійся востокъ
Открылъ мнѣ даль,—чтобъ новый день
Разсѣялъ этой ночи тѣнь,
Не такъ, какъ этотъ огонекъ!..

* * *

Съ колыбели мы, какъ дѣти,
Вплоть до смертнаго одра,
Ждемъ любви, свободы, славы,
Счастья, правды и добра.
Но въ любви мы пьемъ отраву,
Но свободу продаемъ...
Клеветой марая славу,
Мы добро вѣнчаемъ зломъ! —
Счастьемъ вѣчно недовольны,
Правдой вѣчно смущены,
Въ тишину мы просимъ бури,
Въ бурю просимъ тишины.

* * *

То въ темную бездну, то въ свѣтлую бездну,
Крутясь, шаръ земля погружаетъ меня:
Питають, питають мой разумъ и вѣру
То призраки ночи, то призраки дня.
Не вѣрю я мраку, не вѣрю и свѣту,—
Они—грезы духа, въ нихъ ложь и обманъ...
О, вѣчная правда, откройся поэту,
Отвѣй отъ него разноцвѣтный туманъ,
Чтобъ могъ онъ, великій, въ сознаньи обмана,
Ничтожный, какъ всплескъ посреди океана,
Постичь, какъ сливаются вѣчность и мигъ,
И сердцемъ проникнуть въ Святая Святыхъ!

* * *

Томить предчувствіемъ болѣзненный покой...
 Давнымъ-давно ко мнѣ не приходила Муза;
 Къ чему мнѣ звать ея!.. Къ чему искать союза
 Усталого ума съ красавицей мечтой!
 Какъ безпріютныя, какъ нищія, скитались
 Тѣ пѣсни, что отъ насъ на Божій свѣтъ рождались,
 И тѣ, которые любили имъ внимать,
 Какъ отголоску ихъ стремленій идеальныхъ,
 Дремотно ждуть конца или ушли—витать
 Съ тѣнями между нвѣ и камней погребальныхъ;
 А тѣ, что родились позднѣе насъ, идутъ
 За призракомъ давно потухшей въ насъ надежды,
 Они для насъ, а мы для нихъ невѣжды,
 У нихъ свои пѣвцы, они свое поютъ...
 И пусть они поютъ... и пусть я имъ внимаю

И радуюсь, что я ихъ слезы понимаю,
И, чуя въ ихъ сердцахъ моей богини гѣнь,
Молю безсмертную благословить тотъ день,
Когда мы на землѣ сошлись для пѣсень бѣдныхъ,
Не побѣждаемыхъ, хотя и не побѣдныхъ.

НА КАЛАНЧЪ.

I.

Вотъ, глаза протеръ пожарный,
 Въ фонарѣ зажегъ свѣчу,
 И на смѣну, въ ночь глухую,
 Лѣзеть вверхъ на каланчу:
 Смотрить,—города не видно,—
 Влажный стелется туманъ,—
 Непрогляднаго тумана
 Необъятный океанъ...
 Тонуть въ немъ верхушки зданій,
 Тонуть куполы церквей
 И, теряя блескъ свой, тонуть
 Огоньки отъ фонарей.
 Ничего вдали не видно,—
 Въ этой сѣрой темнотѣ
 Онъ одинъ стоитъ и дрогнетъ

На холодной высотѣ...
 Онъ одинъ, никѣмъ не зримый,
 Озирается кругомъ...
 Вдругъ, онъ видитъ, край тумана
 Алымъ свѣтится пятномъ.

Не начало ли пожара
 Такъ обманываетъ взоръ?
 Или это за рѣкою
 Рыбаки зажгли костеръ?—
 Или, попросту, на свадьбѣ
 Гдѣ-нибудь, за слободой,
 Гости пьяные боченокъ
 Запалили смоляной?
 Если-жъ это близко гдѣ-то
 Разгорается пожаръ,—
 Не слышать ли гдѣ набата?
 Не проснулся ли базарь!?

И колеблется пожарный,
 И не знаетъ, что начать:
 Подавать сигналъ къ тревогѣ
 Иль,—вѣрный,—не подавать?
 Разбудить звонкомъ команду

Или дать ужъ ей покой?..
 Такъ въ туманъ глядять и трусить
 Подневольный часовой.

.

II.

Давно пожарный смѣны ждеть;
 Морозъ знобитъ его и жжетъ;
 Прижавшись къ стѣнкѣ, недвижимъ,
 Онъ на вѣтру стоитъ; предъ нимъ
 Снѣжинки пляшуть; съ высоты
 По временамъ онъ въ ночь глядять,—
 Туда, гдѣ городъ глухо спить,
 И словно теплятся кресты
 Кой-гдѣ бѣлѣющихъ церковей
 Въ сіяньи мѣсячныхъ лучей.
 И хоть закутана въ башлыкъ
 Его больная голова,
 Озябъ онъ, съежился, поникъ,
 Забиты руки въ рукава,
 Не видитъ онъ, какъ млечный путь
 Мерцаетъ пылью звѣздной;—грудь
 Его чуть дышитъ; до бровей
 Паръ вьется изъ его ноздрей,

И, старческихъ сѣдинъ бѣлѣй,
 Заиндевѣли волоса...
 И вдругъ, сквозь этотъ зимній парь,
 Онъ слушаетъ,—поетъ комаръ
 Надъ ухомъ... Что за чудеса!
 Июльскій день,—июльскій жарь...
 Онъ и усталъ, и возбужденъ
 Дыханьемъ юга... —Передъ нимъ
 Степной просторъ—и, какъ сквозь дымъ,
 Синѣетъ знойный небосклонъ;
 И облака съ родныхъ полей,
 Какъ клочья пряди золотой,
 Летятъ разорванной каймой;
 И ходятъ полосы тѣней
 Надъ пышной нивой, волны ржи
 Плывутъ, шуршатъ, и вдоль межи
 Идетъ онъ, радостный; знакомъ
 Ему и лѣсъ тотъ, за холмомъ,
 И даже эти васильки,
 Которыхъ синіе глазки
 Ему мигаютъ...

Боже мой!

Какъ радъ онъ, что идетъ домой!—
 Что онъ въ живыхъ застанетъ мать,—
 Что вмѣстѣ съ Дуней собирать

Грибы поидеть онъ въ темный лѣсъ, —
 Туда, гдѣ ихъ попуталь бѣсъ,
 Гдѣ ихъ вѣнчала темнота
 Вокругъ ракитова куста.
 Лѣсъ тонетъ въ утренней росѣ,
 Листокъ прильнуль къ ея косѣ,
 А къ обнаженному плечу
 Прижался папоротникъ... Чу!
 Встрѣчая розовый восходъ,
 Въ кустахъ малиновка поеть...
 И слышится, какъ бы сквозь сонъ,
 Къ нему несется съ вѣтеркомъ
 Къ заутрени далекій звонъ,
 И этотъ звонъ ему знакомъ...
 И онъ проснуться хочетъ; но
 Глаза слипаются.—Давно
 По *ней* тоскуетъ онъ...
 и вотъ,
 Въ лучахъ зари, она идетъ,
 Подъ коромысломъ избочась,
 И всю, отъ головы до ногъ,
 Ее теребить вѣтерокъ,
 Должно быть вышла въ добрый часъ...
 Посмѣиваясь, босикомъ
 Къ водѣ идетъ она лѣскомъ,

Сухія листьа шелестять,
 Въ травѣ кузнечики трещать.
 И вотъ, уже въ струяхъ ручья
 Колышется ея бадья,
 И льются свѣтлыя струи
 На дно опущенной бадьи...
 А тамъ, костеръ и котелокъ
 И ужъ проносится дымокъ
 Изъ-за ветлы, гдѣ бережокъ,
 Гдѣ сѣно, свѣжестъ и покой.

.
 Домой, домой, скорѣй домой!..
 И тихо догораеть въ немъ
 Пожаръ души его; онъ спить
 И ужъ не видитъ, что кругомъ
 Его творится: съ вышины
 Морозной не увидитъ онъ
 Пожара.—Въ непробудный сонъ
 Слились мечты его и сны...
 Бѣдняга!—въ смерть свою влюбленъ!

III.

Въ пыли, гремя по мостовой,
 Несутся бочки за водою,

Народъ шумить, народъ бѣжить,—
 А онъ, солдатъ сторожевой,
 На каланчѣ своей стоитъ:
 Онъ первый увидалъ пожаръ,
 Онъ выкинулъ сигнальный шаръ,
 И видитъ, какъ пылаетъ домъ,
 Гдѣ онъ видается тайкомъ
 Съ той молодежи, что пришла
 Къ нему изъ дальняго села
 Съ истомой блѣдной на щекахъ,
 Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ.
 Тамъ, за постелью, на полу,
 Есть сундучекъ одинъ въ углу,
 Желѣзомъ онъ обить кругомъ,
 Висячимъ запертъ онъ замкомъ;
 Въ томъ сундучкѣ схоронена
 Его грошевая казна
 И все, что было ей не лѣнь
 Скопить себѣ на черный день...
 Погибло все—иль спасено?
 И вотъ, ужъ въ нижнее окно
 Проникло пламя,—валитъ дымъ,—
 А онъ глядитъ, тоской томимъ,
 И легче быть ему въ огнѣ,
 Иль, жертвуя собой, спасти,

Чѣмъ такъ—стоять, стоять, стоять
На безопасной вышинѣ.

За своевременный сигналъ,
(Хотя бы городъ ты спасалъ),
Никто тебя благодарить
Не станетъ—даже, можетъ быть,
Тебя и не замѣтятъ, братъ;
И тутъ никто не виновать:—
И чернь слѣпа, и высока
Та вышка, гдѣ тебя судьба
Поставила... И не легка
Твоя задача,—та борьба,
Страстей и долга... Но пока
Тебя не смѣнитъ кто-нибудь,
На высотѣ своей побудь...

* * *

Дѣтство нѣжное, пугливое,
 Безмятежно-шаловливое, —
 Въ самый холодъ вешнихъ дней
 Лаской матери пригрѣтое,
 И навѣки мной отиѣтое
 Въ дни безумства и страстей,
 Нынѣ всѣмъ позабытое,
 Подъ морщинами сокрытое
 Въ нѣдрахъ старости моей, —
 Для чего ты вновь встревожило
 Зимній сонъ мой, —словно ожило
 И повѣяло весной? —
 Оттого, что вновь мнѣ слышится
 Голосокъ твой, легче-ль дышется
 Мнѣ съ поникшей головой!?.
 Не безъ думы, не безъ трепета,
 Слышу я наивность лепета:

— Старче! развѣ ты—не я?
Я съ тобой навѣки связано,
Мной вся жизнь тебѣ подсказана,
Въ ней сквозить мечта моя;—
Не напрасно вновь являюсь я,—
Твоей смерти дожидаюсь я,
Чтобъ припомнило и я
То, что въ дни мсей безпечности,
Я забыло въ нѣдрахъ вѣчности,—
То, что было до меня.

Н. И. ЛОРАНУ.

Другъ! По слякоти дорожной
Я бреду на склонѣ лѣтъ,
Какъ бѣглець съ душой тревожной,
Какъ носильщикъ осторожный,
Какъ измученный поэтъ.

Плохо вижу я дорогу;
Но, шагая рядо́мъ, въ ногу,
Съ неотзывчивой толпой, —
Страсти жаръ неуголенной,
Холодъ мысли непреклонной.
Жажду правды роковой
Я несу еще съ собой.

Разливается по жиламъ
 Жаръ и жгучій холодокъ...
 Или ношу не по силамъ
 Взялъ я на душу,—ходокъ?
 Или ноша эта стала
 Тяжелѣе и гнететь
 Отъ осеннихъ непогодъ?—
 Умъ тупѣть, грудь устала,
 Чувство стынетъ въ этой мглѣ,
 Чтò зари сiянье прячетъ,
 И дождить, какъ будто плачетъ,
 Разстилаясь по землѣ.

Но повѣрь мнѣ, ноша эта
 Мнѣ была бы нипочемъ,
 Если-бъ только было лѣто
 И дышалось бы тепломъ.
 Мнѣ-бъ казался путь не дóлогъ,
 Если-бъ солнечныхъ небесъ
 Голубой прозрачный пологъ
 Окаймлялъ зеленый лѣсъ;
 Если-бъ въ полѣ пѣли птицы,
 А за папней, на юру,
 Полоса густой пшеницы

Колыхалась на вѣтру.
Не простылъ бы жаръ сердечный,—
Я-бъ надеждою безпечной
Духъ мой втайнѣ веселилъ...—
И меня-бъ, съ утратой силъ,
По дорогѣ къ правдѣ вѣчной
Холодъ мысли не знобилъ.

ОРЕЛЪ И ГОЛУБКА.

(Посв. Я. К. Гроту).

Вздымая волны, надъ заливомъ
 Шла къ ночи буря,—громъ гудѣлъ...
 За облака, навстрѣчу ливня,
 Орелъ съ добычею летѣлъ...
 Въ свое гнѣздо, не внемля грому,
 Крылами разсѣкая мглу,
 Онъ несъ въ когтяхъ своихъ голубку
 И опустился на скалу.

За нимъ мерцали на закатѣ
 Вершинъ незыблемыхъ снѣга,
 Подъ нимъ клубились тучи,—гнѣна
 Посеребряла берега.
 Ручьи скакали по каменьямъ,
 Орлы кричали... Никому

Не откликался онъ и слушалъ,
Какъ жертва плакалась ему...

Въ его когтяхъ, дрожа и жмурясь,
Она молила: «отпусти...»
И вялѣ мольбамъ великодушный
Орель и молвилъ ей: «лети!»
И радостно, своей свободы
Почуя мигъ, какъ снѣжный комъ,
Съ размаху брошенный, голубка
Рванулась вдаль, мелькнувъ крыломъ,

И полетѣла... закружилась,
Ища родныхъ ей береговъ,—
И погрузилась въ водяную
Пыль между волнъ и облаковъ...
И сдѣлалась добычей бури,—
Добыча мощнаго орла...
Увы, бездушная стихія
Ея молитвъ не приняла...

Какъ мотылекъ, дождемъ прибитый,
Едва мелькая въ бурной мглѣ,

Она исчезла въ сѣрой пѣнѣ
Валовъ, несущихся къ скалѣ;
На той скалѣ, все тотъ же мощный
Орелъ державно отдыхалъ,
Порой свой клювъ точилъ, порою
Лѣниво крылья расправлялъ.

И думалъ онъ: авось подь утро
Стихій угомонится вой,
И выпрыгнетъ на солнце серна,
И гуси взмоютъ надъ водой...
А тамъ, гдѣ конь пылить дорогу,
Стада потянутся въ кусты...
И мнѣ потребную добычу
Господь укажетъ съ высоты...

У Х Р А М А .

Душный день догоралъ,
 Дальній звонъ меня звалъ,
 И какъ въ рай, въ Божій храмъ
 Запросилась душа.
 И слѣша, и дыша
 Тяжело, по пескамъ,
 По лѣсистымъ буграмъ
 Шель я, блѣдень и хиль,
 Точно крестъ волочилъ,
 И дошелъ до воротъ,
 Гдѣ тѣснился народъ.

Жаждалъ видѣть я рядъ
 Посребренныхъ лампадъ,
 Запрестольныхъ свѣчей
 Седмь горящихъ огней;

Созерцать въ золотыхъ
 Ризахъ лики святыхъ,
 Пѣвчимъ хорамъ внимать
 И блаженно вздыхать,
 Въ тепломя дымѣ кадилъ,
 Чуя Господа силъ.

Но я, хилъ и убогъ,
 Въ храмъ пробраться не могъ:
 Суетливой толпой,
 Тѣснотой, толкотней,
 Я—безжалостно смятъ,
 Я—отброшенъ назадъ,
 И, какъ нищій-старикъ,
 У рѣшетки поникъ.

Крестъ на храмѣ сіялъ,
 Онъ одинъ затмевалъ
 Сотни нашихъ свѣчей,
 Весь въ багрянцѣ лучей
 Онъ сіялъ отъ зари,
 Что твои алтари!
 Тамъ стрижи вверхъ и внизъ
 Чуть мелькая вились,

И, забывчиво-тихъ,—

Я заслушался ихъ.

Какъ надъ быліемъ лѣсъ,
Надъ землей, надо мной,
Надъ церковной главой
Вѣковѣчныхъ небесъ
Разстилалася высь.

«Маловѣрный, молись!»
Какъ журчанье волны,
Пронеслось съ вышины...
И ужъ я сознавалъ,
Что я въ храмѣ стоялъ, —
Въ храмѣ, полною огней,
Перелетныхъ лучей,
И невидимыхъ крылъ,
И невѣдомыхъ силъ.

* * *

Любви не боялась ты, сердцемъ созрѣвшая рано,—
 Повѣрила ей, отдалась—и грустишь одиноко...
 О, бѣдная жертва неволи, страстей и обмана,
 Порви ты ихъ грязную сѣть и не бойся упрека!

Людскіе упреки... фальшивая совѣсть людская!..
 Не плачь, не горюй, проясни отуманенный взоръ твой!
 Вѣдь я не судья, не палачъ,—хоть и знаю, что злая
 Молва подписала,—заочно смѣясь,—приговоръ твой.

Но каждый изъ насъ развѣ не былъ страстями обмануть?..
 Но развѣ враги твои могутъ смѣяться до гроба?..
 И развѣ друзья твою душу терзать не устанутъ?..
 Безъ повода къ злу у людей выдыхается злоба...

И все, что въ тебѣ было дорого, чисто и свято,
 Для любящихъ будетъ такимъ же священнымъ казаться;
 И щедрое сердце твое будетъ такъ же богато,—
 И такъ же ты будешь любить и, любя, улыбаться.

СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Для дѣтскаго журнала.

Вѣсть, что люди стали мучить Бога,
 Къ намъ на сѣверъ принесли грачи...—
 Потемнѣли хвойныя трущобы,
 Тихіе заплакали ключи...
 На буграхъ камня—обнажили
 Лысины, прикрытыя въ морозъ,
 И на камни стали капать слезы,
 Злой зимой оцѣпанныхъ, березъ.

И другія вѣсти, горше первой,
 Принесли скворцы въ лѣсную глушь:
 На крестѣ распятый, всѣхъ прощая,
 Умеръ—Богъ, Спаситель нашихъ душъ.
 Отъ такихъ вѣстей сгустились тучи,
 Воздухъ бурнымъ зашумѣлъ дождемъ...

Поднялись, — морями стали рѣки...
И въ горахъ пронесся первый громъ.

Третья вѣсть была необычайна:
Богъ воскресъ, и смерть побѣждена!!
Эту вѣсть побѣдную примчала
Богомъ воскрешенная весна...—
И кругомъ луга зазелѣли,
И тепломъ дохнула грудь земли,
И, внимая трелямъ соловьинымъ,
Ландыши и розы зацвѣли.

ПАМЯТИ В. М. ГАРШИНА.

Вотъ здѣсь сидѣлъ онъ у окна,
 Безмолвный, сумрачный... — больна
 Была душа его, — онъ жался.
 Какъ бы отъ холода, глядѣлъ
 Разсѣянно и не хотѣлъ
 Мнѣ возражать, — а я старался
 Утѣшить гостя и не могъ.

Быть можетъ, вѣры въ исцѣленье
 Онъ жаждалъ, а не утѣшенья;
 Но гдѣ взять вѣры!? — Слово «Богъ»
 Мнѣ на уста не приходило;
 Молитвъ цѣлительная сила
 Была чужда обоимъ намъ,
 И онъ ко всѣмъ моимъ рѣчамъ
 Былъ равнодушенъ, какъ могила.

↑ Какъ птица раненная, онъ
 Принякъ — и ужъ не ждалъ полета;
 А я сказала ему, чтобъ онъ
 Житейскихъ дрызгъ порвалъ тенета,
 Чтобъ онъ рванулся на просторъ,—
 Бѣжалъ въ прохладу дальнихъ горъ,—
 Въ глушь деревень, къ полямъ или къ морю,—
 Туда, гдѣ чловѣкъ, въ борьбѣ
 Съ природой, смѣло смотритъ горю
 ↓ Въ лицо, не мысля о себѣ...

Онъ воспаленными глазами
 Мнѣ заглянулъ въ глаза, руками
 Закрылъ лицо и, не шутя,
 Заплакалъ горько, какъ дитя.
 То были слезы безъ рыданья,
 То было горе безъ названья,
 То были вздохи безъ мечты...—

Въ сѣтяхъ любви и пустоты,
 Въ когтяхъ завистливаго рока,
 Онъ былъ не властенъ надъ собой;
 Ни жить не могъ онъ одиноко,
 Ни за одно брести съ толпой...

И думалъ я: — «поэтъ! — большое
«Дня!.. Ужель въ судьбѣ твоей
«Есть что-то злое, роковое,
«Неодолимое!..»

Съ тѣхъ поръ прошло не мало дней;
Я слышалъ отъ его друзей,
Что онъ въ далекій путь собрался
И сталъ замѣтно веселѣй;
Но безпощадный рокъ дождался
Его на лѣстницѣ крутой
И сбросилъ...

Странный стукъ раздавался...

Онъ грохнулся и разметался,
Изломанный, полуживой...

И огненные сновидѣнья
Его умчали въ край иной.
Безъ крика и безъ сожалѣнья
Покинулъ онъ больной нашъ свѣтъ...
Его не восторгалъ онъ, — нѣтъ!..
Въ его глазахъ они были теплицей,
Гдѣ гордой пальмѣ мѣста нѣтъ,
Гдѣ такъ роскошенъ пустоцвѣтъ,

Гдѣ пойманной, помятой птицей,
Не вѣря собственнымъ крыламъ,
Сквозь стекла потемнѣвшихъ рамъ,
Сквозь дымку чадныхъ испареній,
Напрасно къ свѣту рвется геній,—
Къ полямъ, къ дубровамъ, къ небесамъ...

•

~~~~~

* * *

Для сердца нѣжнаго и любящаго страстно
 Тѣ поцѣлуи слаще всѣхъ наградъ,
 Что съ милыхъ робкихъ устъ похищены украдкой
 И потихоньку отданы назадъ.

Но къ обладанью насъ влечетъ слѣпая сила,
 Нашъ умъ мутитъ блаженства сладкій ядъ...—
 Слезами и тоской отравленная чаша
 Изъ милыхъ рукъ приходитъ къ намъ назадъ.

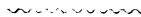
Не всякому дано любви хмѣльной напитокъ
 Разбавить дружбы трезвою водой,
 И дотянуть его до старости глубокой
 Съ наперсницей, когда-то молодой.

~~~~~

А. А. Ф Е Т Ъ.

Нѣтъ, не забуду я тотъ ранній огонекъ,
Который мы зажгли на первомъ перевалѣ,
Въ лѣсу, гдѣ соловьи и пѣли, и рыдали...
Но миноваль нашъ май,—и миноваль ихъ срокъ.
О, эти соловьи!.. Благословенный рокъ
Умчалъ ихъ изъ страны калинника и елей
Въ тотъ теплый край, гдѣ нѣтъ простора для метелей.
И тамъ, гдѣ жарче югъ и гдѣ свѣтлѣй востокъ,
Гдѣ съ рѣзвой пѣною и съ сладостнымъ журчаньемъ
По камушкамъ ручьи текутъ, а вѣтерокъ
Разноситъ вздохи розъ, дыша благоуханьемъ...
Пока у насъ въ снѣгахъ весны простылъ и слѣдъ,
Тамъ — тѣ же соловьи и съ ними тотъ же Фетъ...
Постигъ онъ какъ мудрецъ, что, если насъ съ годами
Влечетъ къ зимѣ, то — намъ къ веснѣ возврата нѣтъ,
И — улетѣлъ за соловьями.

И вотъ, мнѣ чудится, нашъ соловей-поэтъ,
 Любимецъ розъ, пахучими листьями
 Прикрытъ, и — вѣчной той веснѣ поетъ привѣтъ.
 Онъ славить красоту и чары, какъ влюбленный
 И въ звѣзды, и въ грозу, что будить воздухъ сонный,
 И въ тучки сизыя, и въ ту нѣмую даль,
 Куда уносятся и грѣзы, и печаль,
 И стаи призраковъ причудливыхъ и странныхъ,
 И вздохи розъ благоуханныхъ.
 Волшебныя мечты не знаютъ нашихъ бѣдъ,—
 Ни злобы дня, ни думы омраченной,
 Ни ропота, ни лжи, на все ожесточенной,
 Ни поражений, ни побѣдъ.
 Все тотъ же огонекъ, что мы зажгли когда-то,
 Не гаснетъ для него и въ сумеркахъ заката,
 Онъ видитъ призраки ночные, что ведутъ
 Свой шепотливый споръ въ лѣсу у перевала...
 Тамъ мириады звѣздъ плывутъ безъ покрывала
 И тѣ же соловьи рыдаютъ и поютъ.

15 ЮЛЯ 1888 ГОДА.

ВЪ 900 ЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ КРЕЩЕНІЯ РОССІИ.

Жизнь безъ Христа — случайный сонъ.
Блаженъ кому дано два слуха, —
Кто и церковный слышитъ звонъ,
И слышитъ вѣщій голосъ Духа.
Тому лишь явны небеса,
Кто и въ наукѣ прозрѣваетъ.
Невѣдомыя чудеса
И Бога въ нихъ подозрѣваетъ... —
Какъ высочайшій идеаль,
Какъ истинный залогъ спасенья, —
Любовь и самоотверженье
Христосъ народамъ завѣщаль.
Въ тотъ день, кога мы облечемся
Душой въ нетлѣніе Христа,

Отъ черныхъ дѣлъ мы содрогнемся
 И, обновленные, очнемся,—
 И ложь не свяжетъ намъ уста.
 Сегодня, въ первый день крещенья,
 Быть можетъ, въ бѣдныя селенья,
 Въ обители труда и слезъ,
 Не въ нищемъ рубищѣ Христось
 Сойдетъ, а съ вѣтвію оливы,
 И скажетъ: — будьте всѣ счастливы!
 Всѣ, — пожелайте всѣмъ добра!..
 Сегодня день, когда впервые
 Владиміръ и Мои святые
 Крестили Русь въ волнахъ Днѣпра!..
 Князь Кіевскій, когда-то гнѣвный,
 Въ союзѣ съ Греческой царевной
 Въ златомъ вѣнцѣ и на своемъ
 Великокняжескомъ престолѣ
 Для пахаря въ далекомъ полѣ,
 Для гусляра на вольной волѣ
 И для дружинника съ копьемъ —
 Для всѣхъ сталъ другомъ и отцомъ
 И Краснымъ Солнышкомъ желаннымъ...
 Пришла Андреемъ Первозваннымъ
 Предвозвѣщенная пора:
 Выиграли омуты Днѣпра,

Славянъ пугающіе боги
Разбились объ его пороги
И дрогнули богатыри,
И разбѣжались дикари...
О, какъ отъ утренней зари
Бѣгутъ, шатаясь, тѣни ночи,
И солнце радуется намъ очи
И озаряетъ алтари,
Такъ въ день великаго крещенья
Сіяй намъ вѣра! Прочь сомнѣнья!
Русь не была бы никогда
Такой великою Россіей,
Когда-бъ она была чужда
Любви, завѣщанной Мессіей.
Пусть охлажденные умы
Все отрицать готовы, — мы
Не даромъ приняли съ Востока
Святую вѣру, — видитъ око
И слышитъ ухо наше, — мы
Еще не оскудѣли сердцемъ;
Еще мы рады помогать
Разрозненнымъ единовѣрцамъ
И плѣнныхъ братьями считать: —
Безъ насъ не встала бы Эллада,
Ей не помогъ бы Римскій тронъ,

Не рухнулъ бы Наполеонъ
И грозныхъ войскъ его громада.
Подъ тяжкимъ игомъ Мусульманъ
Безъ насъ забыли бы Славянъ,—
Мы жизнь несли на ихъ могилы...
Расшатывая вражьи силы,
Мы не считали нашихъ ранъ...
Мы за геройскія дѣянья
Не ждали злата и сребра...
За дѣло славы и добра
Мы не просили воздаянья...
И если персть Господній вновь
Памъ цѣль великую укажетъ,—
Что дѣлать? сердце намъ подскажетъ
И христіанская любовь!..
Въ сей день торжественный и славный
Россія вѣру призови!..
Насъ бережетъ Отецъ Державный
Для новыхъ подвиговъ любви...

ВЪ АЛЬБОМЪ АНДО.

(Секретарю японскаго посольства въ СПБ.).

Европа старая, что потрясла Китай,
 Сама пугливо ждетъ внезапныхъ потрясеній, —
 И ты — Японія, ты ей не подражай!
 Учись у ней, — уча. Твой самобытный гевій
 Пусть будетъ вѣчно чуждъ заемныхъ вдохновеній,
 И да цвѣтеть твой ярко-пестрый рай
 Безъ нашихъ гордыхъ грѣзъ и позднихъ сожалѣній...
 Пускай твоя толпа, одѣтая въ родной,
 Цвѣтной, просторный шелкъ, безъ ссоры съ трудовой
 Тисячелѣтней стариной,
 Идетъ впередъ безъ пресыщенья,
 Безъ наглой нищеты, безъ рабскаго смиренья,
 И силой мѣрнаго теченья своего
 Ни разу не смутитъ покоя твоего.

Люблю я островъ твой, зеленый, отдаленный,
Богатый самъ собой, безъ нашихъ торгашей,
Трудолюбивою рукой твоихъ дѣтей
Воздѣланный, какъ камень драгоценный
Въ жемчужномъ поясѣ морей...

ЭРОТЪ.

Разъ, на помостъ Олимпа, баювень Зевса лукавый,
 Ръзвый Эроть, увидалъ Аполлона священную лиру;
 Мигомъ подкрался и съ важною миной бойкой рученкой
 Сталъ ударять по струнамъ ея, туго-натянутымъ. Глухо
 Звякнувъ, заняли ему непослушныя гулкiя струны.
 Гнѣвно очами сверкнувъ, оглянулась Минерва; Музы
 Молча потупились; у Афродиты мгновенный румянецъ
 Скрасилъ тревогу лица ея; лишь Аполлонъ усмѣхнувшись,
 Молвилъ: Какъ милъ онъ!.. не будемъ мѣшать ему,—пусть онъ
 Тѣшится, вѣчный ребенокъ!—Дочери смертныхъ и нимфы,
 Тѣ, что поранены имъ и взаимности жаждой томятся,
 И за такое брянчанье его увѣнчаютъ, какъ Бога
 Пѣсень, и назовутъ его вѣщимъ, такимъ же, какъ я.

У Д В Е Р И.

(Посвящается А. П. Чехову).

Однажды въ ночь осеннюю,
Пройдя пустынный дворъ,
Я на крутую лѣстницу
Вскарабкался какъ воръ.

Тамъ дверь одну завѣтную
Впотьмахъ нащупалъ я
И постучался.—Милая!
Не бойся... это я...

А мгла въ окно разбитое
Сползала на чердакъ,
И срадь стоялъ на лѣстницѣ,
И шевелился мракъ.

— Вот-вот она откликнется,
И блѣдная рука
Меня обниметь трепетно
При свѣтѣ ночника.

Попрежнему, на грудь ко мнѣ
Склонясь, она вздохнетъ,
И страстный голосокъ ея
Порвется и замретъ...

Она—мой другъ единственный,
Она—мой идеаль!
И снова въ дверь досчатую
Я тихо постучалъ.

— Прости меня, пусти меня,
Я дрогну, ангелъ мой!
Измученъ я, истерзанъ я
Сомнѣваемъ и тоской.

И долго я стучался къ ней,—
Стучался, звалъ и—вдругъ
За дверью подозрительный
Почудился мнѣ стукъ.

Я дрогнулъ и весь замеръ я,
 Дыханье затая...
 — Такъ вотъ ты какъ, — измѣнница!
 Лукавая змѣя!

Вдвоемъ ты... но... безумецъ я!
 Очнуться мнѣ пора...
 Здѣсь буду ждать соперника
 До поздняго утра.

Все, все, чему такъ вѣрилъ я —
 Ничтожество и ложь!
 Улика будетъ явная, —
 Меня не проведешь...

Но, притаивъ дыханіе,
 Какъ сыщикъ у дверей,
 Я не слыхалъ ни шороха,
 Ни скрипа, ни рѣчей...

— О гнусность подозрѣнія!
 Искупить ли вину
 Отрадная увѣренность
 Застать ее одну.

И, сердцемъ успокоенный,
 Я понялъ, что она
 Моимъ же поведеніемъ
 Была оскорблена.

Недаромъ въ часъ свиданія
 У лѣстницы, внизу,
 Подмѣтилъ я въ глазахъ ея
 Обидную слезу.

Не я-ль,—гордецъ безчувственный!
 Сознался ей, какъ трусъ,
 Что я стыжусь любви моей,
 Что бѣдности стыжусь...

Проснулась страсть мятежная.
 Тоской изныла грудь;
 Прости меня, пусти меня,
 Слова мои забудь.

Но чу!.. Опять сомнѣніе!..
 Не вѣтеръ ли пахнулъ?
 Не мышь ли?—не сосѣди ли?
 Нѣтъ! —Кто же такъ вздохнулъ?

Такъ тяжко, такъ мучительно
 Вдыхаетъ смерть одна,—
 Что если... счеты съ жизнью
 Покончила она?

Увы! никто не учить насъ
 Любить и уповать;—
 А ядъ и дѣти малыя
 Умѣютъ добывать.

Мерещился мнѣ трупъ ея,
 Потухшіе глаза,
 И съ горькой укоризною
 Застывшая слеза.

Я плакалъ, я съ ума сходилъ,
 Я милой видѣлъ тѣнь,
 Холодную и блѣдную,
 Какъ этотъ сѣрый день.

Уже въ окно разбитое
 На сумрачный чердакъ
 Глядѣло небо тусклое,
 Разсѣвая мракъ.

И дождь урчалъ по жолобу,
И вѣтеръ вылъ, какъ звѣрь...
Меня застали дворники,
Ломившагося въ дверь.

Они узнали прежняго
Жильца и, не спраста-
Хихикая, сказали мнѣ,
Что комната пуста...

Съ тѣхъ поръ я, какъ потерянный,
Куда ни заходилъ,
Все было пусто, холодно...
Чего-то слѣдъ простылъ...

О Н И.

Какъ они наивны
И какъ робки были
Въ дни, когда другъ друга
Пламенно любили!
Плакали въ разлукѣ,
Отъ свиданья мѣли...
Обрывались рѣчи...
Руки холодѣли;
Говорили взгляды,
Самое молчанье
Усть ихъ было громче
Всякаго признанья.
Голосъ, шорохъ платья,
Рукъ прикосновенье
Въ сердце ихъ вливали
Сладкое смятенье.
Разъ, когда надъ ними

Золотыя звѣзды
 Искрами живыми,
 Чуть дрожа, мигали,
 И когда надъ ними
 Вѣтви помавали,
 И благоухала
 Пыль цвѣтовъ, и легкій
 Вѣтерокъ въ куртнѣ
 Сдерживать дыханье...—
 Полночь имъ открыла
 Въ трепетѣ лобзанья,
 Въ тайнѣ поцѣлуевъ.—
 Тайну мірозданья...

И осталось это
 Чудное свиданье
 Въ памяти навѣки
 Разлученныхъ рокомъ,
 Какъ воспоминанье
 О какомъ-то счастьѣ
 Глупомъ и далекомъ.

СТАНСЫ.

Не нужны Божьимъ небесамъ
 Явленья призрачныя... Вѣчность—
 Одно спасеть и сохранить,—
 Божественную человѣчность.

Земля земную втянетъ плоть.—
 Въ мракъ унесетъ ея химеры,—
 Одна безсмертная любовь
 • Намъ оправдаетъ силу вѣры.

Но вѣра скудная моя
 Могучихъ крылъ не отростила:
 Страшна ей вѣчность впереди
 И омерзительна могила.

Быть человѣкомъ не легко,—
 Труднѣе, чѣмъ создать поэму
 Сломить врага, воздвигнуть храмъ,
 Падѣть въ алмазахъ діадему!..

ЗАВѢТЪ.

(Посв. А. Я. П—му).

Усовершенствуй то, что есть, —
 Себя, свой даръ, свой трудъ, и вотъ,
 Живой предметъ твоихъ заботъ, —
 Твоя единственная честь.

Люби науку, — это плодъ
 Усовершенствованныхъ думъ,
 Падь ней пытай свой шаткій умъ
 И свѣтъ ея неси впередъ.

За вѣкомъ, не спѣша, слѣди;
 Къ его мольбамъ склоняя слухъ,
 Не къ разрушенію свой духъ,
 А къ созиданію веди.

Умѣя пламенно любить,—
Восторженно благоговѣть,—
Ты поневолѣ будешь пѣть
И красоту въ душѣ носить.

Усовершенствуй свой языкъ:
Пойми, что, можетъ быть, и онъ
Подчасъ, какъ благовѣстный звонъ,
Уйметъ страстей безумный крикъ.

Къ неправдамъ вѣковой сѣдбы
Негодованья не скрывай,—
Стремясь къ добру, не избѣгай
Самоотверженной борьбы.

Будь вѣренъ родинѣ своей;—
Да просіяетъ и она,
Коль Богомъ сила ей дана
Усовершенствовать людей...

ВЪ ЗАСУХУ.

Все жаждеть, истомясь отъ зною;
Все вопіеть: дождя, дождя!
И рады всѣ, что солнце мглою
Покрылось, сумракъ наводя.

Влечится тучь густыхъ завѣса,
Грозя намъ ливнемъ—и пыли,
Изъ-за синѣющаго лѣса,
Прохладой вѣеть на поля.

Шуршитъ соломой рожь сухая,
Пыль зарывается въ кусты,—
И только капля дождевая
Одна спадаетъ съ высоты.

Дождя, дождя!.. Ужель обмануть
 Насъ громовые голоса,
 Съ земли колосья не привстануть,
 И не омоются лѣса?

Увы! Грозы насмѣшка злая,—
 Громовый хохотъ надъ землей!..
 Къ чему намъ капля дождевая!
 Чтò значить капля въ этотъ зной!..

Молніеносной тучи глыба
 Перевалила за лѣса,—
 Никто не скажетъ ей спасбо,
 Съ упрекомъ глядя въ небеса.

Ушла!.. Но гдѣ надъ зломъ побѣда?
 Въ чемъ торжество? Все тотъ же зной!..
 И не осталось даже слѣда
 Отъ бѣдной капли дождевой!..

Л Е Б Е Д Ъ.

Пыль смычекъ,—въ садахъ горѣли
 Огоньки,—сноваль народъ,—
 Только вѣтеръ спалъ да тѣмень
 Былъ ночной небесный сводъ,

Тѣмень былъ и прудъ зеленый,
 И густые камыши,
 Гдѣ томился бѣдный лебедь,
 Притаясь въ ночной тиши.

Умирая, не видалъ онъ,—
 Прирученный, нелюдимъ,—
 Какъ надъ нимъ взвилась ракета
 И рассыпалась надъ нимъ;

Не слыхалъ, какъ струйка билась,
 Какъ журчалъ прибрежный ключъ,—
 Онъ глаза смыкалъ и грезилъ
 О полетѣ выше тучъ:

Какъ въ просторъ небесъ высоко
 Унести его полетъ,—
 И какую тамъ онъ пѣсню
 Вдохновенную споеть!

Какъ на все, на все святое,
 Чтò таилъ онъ отъ людей,
 Тамъ откликнется родныя
 Стаи бѣлыхъ лебедей.

И ужъ грезить онъ: минута,—
 Вдохъ—и крылья зашумять,
 И его свободной пѣсни
 Звуки утро возвѣстятъ.—

Но крыло не шевелилось,
 Пѣсня путалась въ умѣ:

Безъ полета и безъ пѣнья
Умиралъ онъ въ полутьмѣ.

Сквозь камышъ, шурша по листьямъ,
Пробирался вѣтерокъ...
А кругомъ въ садахъ горѣли
Огоньки и пѣль смычокъ.

* * *

На снѣжной равнинѣ въ зеленомъ уборѣ
 Темнѣла угрюмая ель;
 И, какъ горностаями, снѣгомъ пушистымъ
 Ей плечи прикрыла мятель.—

Съ ней рядомъ березку сухую, нагую
 Отъ стужи бросало въ ознобъ;
 И ель ей скрипѣла:—Бѣдняжка, попробуй
 Прикрыться,—заройся въ сугробъ...

Надъ снѣжной равниной апрѣльское солнце
 Затеплилось вѣшнимъ огнемъ,—
 Сугробы сбѣжали ручьями,—лощины
 Зеленымъ покрылись ковромъ;—

Очнулась березка, и въ свѣжемъ нарядѣ,
 Слегка колыхаясь, шумить;
 И вѣтеръ несетъ ей веселыя вѣсти,
 И птичка ей сны говорить.

А темная ель, въ старомъ кружевѣ сучьевъ,
 Съ вѣтвями до самыхъ корней,
 Въ своей жесткой зелени, стоя, скрипитъ имъ:
 — Не вѣрьте, не вѣрьте вы ей!..

Всю зиму она наготой щеголяла...
 Жалѣть ее надо,—жалѣть!
 И какъ вамъ не стыдно ласкать ее, право!
 И какъ она смѣетъ шумѣть!..

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦЪ.

Не сотвори себѣ кумира.

(Заповѣдь).

.
 На громоносныхъ высотахъ
 Синая, въ свѣтлыхъ облакахъ,
 Свершалось чудо. Былъ отверсть
 Край неба, и небесный персть
 Писалъ на каменныхъ доскахъ:
 «Азъ есмь Господь,—иного нѣтъ».
 Такъ началъ Богъ святой завѣтъ.

Они же, позабывъ Творца,
 Изъ злата отлили тельца;
 Въ немъ видя Бога своего,
 Толпы скакали вокругъ него,
 Взывая и рукоплеща;
 И жертвенникъ пылалъ треща,

И новый богъ, сквозь сѣрый дымъ,
 Мелькалъ имъ рогомъ золотымъ.
 По воть, съ высотъ сошелъ пророкъ,--
 Спустился съ камня на песокъ
 И увидалъ ихъ, и разбилъ
 Свои скрижали, и смутилъ
 Ихъ появленіемъ своимъ.
 Петерпѣливъ, неукротимъ,
 Онъ въ гнѣвѣ сильною рукой
 Кумиръ съ подножья своротилъ,
 И придавилъ его пятой...

Завылъ народъ и передъ нимъ,
 Освободителемъ своимъ,
 Палъ ницъ--покаялся, а онъ
 Напомнилъ имъ о Богѣ силъ,—
 Единомъ Богѣ, и законъ
 Поруганный возстановилъ.

Но въ оны дни и не высокъ,
 И малъ былъ золотой божокъ;
 И не оставили его
 Лежать въ пустынѣ одного,
 Чтобъ вихри вьющимся столбомъ

Не замели его пескомъ:
 Тайкомъ Израйля сыны,
 Лелѣя золотые сны,
 Въ обѣтованный край земли
 Его съ собою унесли.

Тысячелѣтія прошли.
 Съ тѣхъ поръ—божокъ ихъ росъ, все росъ
 И выросъ въ міровой колосъ.
 Всевластнымъ богомъ сталъ кумирь,—
 Сталъ золоту послушень міръ...
 И жертвенный нашъ фиміамъ
 Ужъ не восходитъ къ небесамъ,
 А стелется у ногъ его;
 И нѣтъ намъ славы безъ него,
 Ни власти, ни труда, ни зла,
 Ни блага... Безъ его жезла
 Волшебнаго—конецъ уму,
 Наукѣ, творчеству,—всему,
 Что слышитъ ухо, видитъ глазъ.
 Онъ крылья намъ дастъ—и насъ
 Онъ давить; пылью кроетъ потъ
 Того, кто вслѣдъ за нимъ ползеть,
 И грязью брызжетъ на того,

Кто просить милости его.
 Войдите въ храмъ царя-царей,
 И тамъ, у пышныхъ алтарей,
 Кумира вашего дары
 Въ глаза вамъ мечутся, и тамъ,
 Въ часы молитвы снятся вамъ
 Его роскошные пиры,—
 Гдѣ блескъ, и зависть, и мечты
 Сластолюбивой красоты,
 И вѣга, и любовью торгъ
 Въ одинъ сливаются восторгъ...

Обожествленный прахъ земной
 Сталь выше духа,—онъ толпой
 Такъ высоко превознесень,
 Что геній имъ порабощенъ
 И праведникъ ему не святъ.
 Педаромъ всѣ ему кадятъ:
 Захочетъ онъ,—тряхнеть казной—
 И кровь польется, и войной
 И ужасами родъ людской
 Охваченъ будетъ, какъ огнемъ.
 Ему проклятья выпочемъ;
 Онъ намъ не братъ и не отецъ,—
 Онъ богъ вашъ,—золотой телець!..

Скажите же, съ какихъ высотъ
Къ намъ новый Моисей сойдетъ?
Какой предъявить намъ законъ?
Какою гнѣвной силой онъ
Громаду эту пошатнетъ?
Вѣдь, если-бъ, вдругъ, упалъ такой
Кумиръ всесвѣтнй, роковой,
Языческій, землѣ—родной,—
Какой бы вдругъ раздался стонъ!—
Вѣдь помрачился-бъ небосклонъ
И дрогнула бы ось земли!..

.

* * *

Пугливъ и чутокъ зайка сѣрый, —
 Подумаешь, — куда хитерь!
 Во всѣ концы по первоснѣжью
 Идетъ слѣдовъ его узоръ.
 Его пугаетъ каждый шорохъ:
 Вотъ онъ ушами шевелить,
 Присѣлъ, вскочилъ, метнулся вправо,
 Метнулся влѣво и — кружить.

Такъ и она, — бѣдна, пуглива...
 Нѣтъ ни покоя, ни труда...
 Того гляди — стрѣлки, собаки...
 Со всѣхъ сторонъ грозитъ бѣда: —
 И отъ судебъ не жди защиты,
 И отъ людей не жди добра..
 И мечется она... и даже,
 По-заячьи, — куда хитра!..

ВЪ ХВОЙНОМЪ ЛѢСУ.

Лѣсъ, какъ бы кадильнымъ дымомъ,
 Весь пропахнувшій смолой,
 Дышитъ гнилью вѣковою
 И весною молодой.

А смолу, какъ слезы, точить
 Сосенъ старая кора,
 Вся въ царапинахъ и ранахъ
 Отъ ножа и топора.

Смолянистымъ и цѣлебнымъ
 Ароматомъ этихъ ранъ
 Я люблю дышать всею грудью
 Въ теплый утреннй туманъ.

Вѣдь и я былъ также раненъ, —
 Раненъ сердцемъ и душой, —
 И дышу такой же гнилью
 И такою же весной...

ЧЕРНОГОРСКИЙ КЛЮЧЬ.

Теки, славянскій ключь,—теки! Уже немного
 Такихъ нетронутыхъ ключей,
 Въ которыхъ бы ни галль, ни хитрый швабъ, ни турокъ
 Не напоилъ своихъ коней.
 Горами, какъ щитомъ, прикрытый. Всемогущимъ
 Отъ жадныхъ вражескихъ очей,
 Ліясь, ты омывалъ зіяющія раны
 Тобой воеванныхъ сыновей.
 Къ родному очагу любовью распаляя
 Сердца ихъ наканунѣ битвъ,
 Певѣсть ихъ, матерей и вдовъ видать ты слезы,
 Слыхалъ и шопотъ ихъ молитвъ.
 Когда-то, въ дни борьбы, врагамъ иноплеменнымъ,
 Разбитымъ, сдавшимся въ бою,
 Ты, гордый, предлагалъ, какъ бы изъ состраданья,
 Свою цѣлебную струю.
 Теперь ты странника поймъ, когда идетъ онъ,

Какъ другъ славянъ, къ твоимъ сынамъ,
Чтобъ почерпнуть въ тебѣ надежду, или съ вѣрой
Припасть къ живымъ твоимъ струямъ.
Кто жажду утолил въ твоихъ струяхъ, ни разу
Еще измѣной не дышалъ;
Не даромъ бережетъ и князь твой вѣнценосный
Истокъ твой, чистый какъ кристалъ.
Теки, со всѣхъ сторонъ охваченный врагами,
Загородившими твой путь:
Они грозой тебя пугаютъ, но—могуча
Грозой насыщенная грудь!...
Ты разольешься, какъ рѣка въ грозу и въ ливень,
И потечешь съ бесплодныхъ горъ,
Чтобъ смыть и разметать наносную преграду—
И къ морю выйти на просторъ.

НА МОТИВЪ ОДНОЙ СТАРОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ
ЛЕГЕНДЫ.

На землѣ сидѣлъ голодный
Безпріютный, бѣдный мальчикъ,
И просилъ онъ Христа ради
Дать ему краюшку хлѣба.

Но толпа людей за счастьемъ
Погналась и одичала,
И никто, никто не подаль
Бѣдняку краюшки хлѣба.

Ахъ! когда-бъ я былъ съ крылами,
Думалъ онъ,—я все бы небо
Облетѣлъ и ужъ досталъ бы
Я себѣ краюшку хлѣба!

Услыхалъ его злой демонъ
 И сказалъ: лети какъ вѣтеръ!
 И попробуй въ Божьемъ небѣ
 Отыскать краюшку хлѣба.

И, невидимыя крылья
 Ощутивъ, поднялся мальчикъ
 И, какъ рыбка въ океанѣ,
 Очутился въ темномъ небѣ.

Прилетѣлъ къ лунѣ и видитъ:
 Вся луна не что иное,
 Какъ потрескавшейся лавы
 Холодѣющая глыба.

Къ солнцу онъ свой путь направилъ,
 Прилетѣлъ—и что же видитъ?—
 Догорающаго газа
 Шевелящееся пламя.

Онъ къ звѣздамъ,—горятъ и жгутся
 Эти искорки вселенной...
 Такъ нигдѣ онъ въ цѣломъ свѣтѣ
 Не нашелъ краюшки хлѣба.

Черезъ тысячу столѣтій
 Онъ опять слетѣлъ на землю
 И увидѣлъ шаръ пустынный,
 Затерявшійся въ пространствѣ.

Исполинскія постройки,
 Города, дороги, флоты—
 Все исчезло;—прошлой славы
 Ни слѣда,—ни даже тѣни...

И на холмъ у ледяного
 Моря сѣлъ голодный мальчикъ
 И, забывъ свои страданья,
 Сталь о людяхъ горько плакать.

Увидаль его тутъ ангель
 И сказалъ: «лети со мною,
 И найдешь ты человѣка»...
 Но куда его помчалъ онъ?..

Тайны этой не постигнетъ
 Міръ, возникнувшій изъ праха,
 Только демонъ ею бредить,
 Но земля его не слышитъ.

ПОДРОСЛА.

I.

Моя мать отъ нужды и печали
 Вся изныла, тая
 Свое горе; а я
 Подросла, и не знаю, мила ли
 Мнѣ семья?..

Какъ вѣчоръ я ушла за грибами...—
 Ничего не видать...
 И я стала плутать,—
 И пришлось мнѣ въ слезахъ за скирдани
 Почевать...

Жарко пышетъ заря золотая;
 Выползаютъ ужн...
 Никого вдоль межн...

А я пѣсни пою, утопая
 Вся во ржи...

И въ прохладный потокъ я бросаюсь,
 И ныряю, и рву
 Водяную траву,
 И пугливо въ тростникъ забираюсь,
 И—ау!..

Только эхо, какъ звонкая нота,
 Замираетъ вдали,
 И, спугнувъ на мели
 Куличка, въ камышахъ шепчетъ кто-то:
 — Не шали!

Ахъ, не скоро, усталая, злая,
 Ворочусь я домой.
 Чтò мнѣ дѣлать съ родной!?
 Какъ сказать ей: не знаю, родная,
 Что со мной!

II.

О, вы, лѣтніе дни, золотые!
 Я люблю солнца жарь...

Полюби мой загаръ,
 Полюби мои кудри густые,—
 Божій даръ...

Не гроза ли идетъ мнѣ навстрѣчу?
 За лѣспстымъ холмомъ
 Глухо катится громъ,—
 Но и въ бурю тебя я замѣчу
 Подъ дождемъ.

Не дразни только ты ретивое
 Мое сердце,—оно
 И досады полно,
 И тревоги, и лѣтняго зноя...
 И смѣшно!..

«Угорѣлъ!» на тебя намекая,
 Мнѣ шепнула сестра,—
 И ушла я вчера,
 И бродила всю ночь, какъ шальная,
 До утра.

И сама я не знаю, родная,
 Для чего я ушла...

Не съ ума-ль я сошла—
Отъ того, что, тебя огорчая,
Подросла!..

Но, скажи, развѣ легче мнѣ будетъ,
Если вдругъ мой загаръ
Поблѣднѣетъ отъ чаръ,
А онъ вдаль улетитъ и забудетъ
Свой угаръ?!

РАЗГОВОРЪ.

ГОСТЬ.

Вадняхъ сынокъ мой былъ у васъ;
 Да, кажется, не въ добрый часъ...
 Не смѣлъ войти... Неглупый малый,
 А принялся писать стихи, —
 Боятся, нѣтъ ли чепухи.
 И ждетъ, во что бы то ни стало,
 Пока еще не вышелъ въ свѣтъ,
 Узнать, — поэтъ онъ или нѣтъ.
 Пріятельскими похвалами
 Хоть онъ и былъ уже польщенъ,
 Но, вашъ большой поклонникъ, онъ
 Желаетъ быть польщенъ и вами...
 Всѣ знаютъ, что у васъ есть вкусъ
 И нѣтъ склонности къ нападкамъ.

КРИТИКЪ.

Ей-ей, судить я не берусь
По ученическимъ тетрадамъ...

ГОСТЬ.

Я, знаете, плохой судья...
Всѣ нынче пишутъ, кто не грѣшенъ!
Онъ на стихахъ давно помѣшанъ,
И просить денегъ у меня,
Чтобъ въ свѣтъ издать свои творенья;
Что-жь! Коли есть талантъ, то я,
Пожалуй, дамъ благословенье.
Но будетъ ли въ изданьи прокъ?
И буду-ль я хоть тѣмъ утѣшенъ,
Что онъ поэтъ?

КРИТИКЪ.

That is the question!..
Не знаю-съ, я плохой пророкъ...

ГОСТЬ.

Ну нѣтъ-съ!.. все это... извините...
Отъ васъ зависитъ: если есть
Задатки...—стоитъ вамъ прочесть...

КРИТИКЪ.

Ужь я читаль...

ГОСТЬ.

Еще прочтите,
И вы сейчасъ же отличите
Изрядное отъ чепухи.

КРИТИКЪ.

Писать изрядные стихи—
Еще не значить быть поэтомъ,
Конечно, упражняться въ этомъ
Не бесполезно иногда;
Узнаешь метрику...

ГОСТЬ.

Да, да...
Ну-съ, а какое ваше мнѣнье?..
Чего намъ ждать?..

КРИТИКЪ.

Отъ всей души
Сказаль бы... но одно сравненье
Я приведу вамъ въ поясненье:
Положимъ, всходы хороши;—
Но, если это только всходы,

То изобиліе плодовъ
 Земныхъ зависить отъ погоды,—
 Дождей, тепла и холодовъ...—
 Такъ, чтобъ созрѣлъ талантъ поэта,
 Какъ зрѣеть хлѣбъ,—дождитесь лѣта;
 И, если Богъ благословить,—
 На ниву градъ не налетитъ,
 И даже гессенская муха
 Не сядетъ и не съѣстъ зерна,
 Все обойдется превосходно,
 Окажется—земля доходна,
 И родина не голодна.
 Но ваши всходы не поспѣли;
 И если вашъ сынокъ въ апрѣлѣ
 Поидетъ свои посѣвы жать,
 Ему придется голодать,
 И вы поспѣшность проклянете...

Г О С Т Ъ .

Comparaison n'est pas raison...

К Р И Т И К Ъ .

Мнѣ эта фраза не законъ...
 Я думалъ, — вы меня поймете...

ГОСТЬ.

Я думаю, — гдѣ нѣтъ зпмы,
Иль тамъ, гдѣ свѣтитъ солнце юга,
Тамъ раньше жнуть...

КРИТИКЪ.

— Что дѣлать, — мы
Не азіаты, — зрѣемъ туго...
И Байронъ, вспомните, хотѣлъ
Вдругъ выскочить, но былъ не зрѣлъ,
И первый блинъ «Часы досуга»
Успѣха въ свѣтѣ не имѣлъ...

ГОСТЬ.

Ну-съ, а на что жъ оранжерей,
Гдѣ круглый годъ цвѣтутъ цвѣты?

КРИТИКЪ.

Тѣ, что годятся на затѣи
Великосвѣтской суеты—
Увы, не прочны, — вянуть скоро,
И, вынутые изъ фарфора,
Иль, надышавшись нѣгой тѣхъ,
Къ которымъ были ближе всѣхъ,

Вдругъ попадають въ кучу сора;
 И тѣ лакеи, что метутъ
 Поны, ихъ даромъ не берутъ.
 По счастью, на словесной нивѣ
 Лишь то и плодъ даетъ землѣ,
 Чтò не нуждается въ поливѣ,
 Или въ искусственномъ теплѣ.

Г О С Т Ъ .

Не все же нива!.. Думать надо,
 Что и сады должны цвѣсти;
 Нельзя же, Господи прости!
 Не думать о любимцахъ сада,—
 Не холить ихъ... Какой женихъ
 Не привезетъ цвѣтовъ невѣстѣ?
 Жизнь не обходится безъ нихъ.

К Р И Т И К Ъ (про себя).

Однако... спорщикъ!..

Г О С Т Ъ .

Такъ и стихъ,
 Коли хорошъ, — вездѣ на мѣстѣ.

КРИТИКЪ.

Пѣть-съ! Ленты, кружево, духи
 И пудра,—только не стихи!
 Всѣ наши ямбы и хорен
 Какую даму привлекутъ!
 У нихъ давно свои затѣи...
 Онѣ за музыкой бѣгутъ,
 Какъ уличные ротозѣи
 За марширующимъ полкомъ;
 Онѣ за опернымъ пѣвцомъ
 Пойдутъ куда хотите, руки
 Чуть не цѣлуютъ тѣмъ, кто имъ
 Напомнить голосомъ своимъ
 Смычекъ... Случается отъ скуки
 Еще романы иногда
 Почитывать; но никогда
 Онѣ стиховъ читать не станутъ;
 Свой пышный станъ въ корсетъ затянуть
 Такъ ловко, что—какая стать
 Имъ поэтически страдать
 Наивнымъ разочарованьемъ,
 Или плачевнымъ отрицаньемъ?!

ГОСТЬ.

Всѣ эти ваши наблюденья
 Односторонни... то-есть вы
 Не наблюдали, каковы
 Иныя дамы,—просвѣщенья
 Вы не отнимете у нихъ...
 Онѣ и Фауста читають,
 И Байрона, и Коппе знаютъ,
 И знаютъ множество другихъ,
 И даже сами сочиняють...

КРИТИКЪ.

Стихи про мѣсячную ночь
 И ландыши?.. я это знаю...
 Я нѣкоторыхъ уважаю
 За это... только ваша дочь
 Ихъ бреда повторять не станетъ
 Ни у себя, ни на балахъ,
 Гдѣ каждый котильономъ занять,
 И гдѣ, ей-Богу, «семь въ червяхъ»
 Гораздо болѣе заботить
 Играющихъ въ картишки, чѣмъ
 Собранье пѣсень и поэмъ.
 Повѣрьте, кто зимой заплатитъ

Садовнику за розы, тотъ
 За книгой въ лавку не зайдетъ,—
 Ужь это будьте вы покойны!
 Мы такъ умно-благопристойны,
 Такъ понимаемъ жизнь и свѣтъ,
 Что знаемъ—русскіе поэты
 Не такъ пріятны, какъ конфеты
 Или какой-нибудь букетъ.

Г О С Т Ъ .

Ба! вы пускаетесь въ сатиру
 На наше общество... Ну, что-ж!
 Положимъ такъ;—а все же лиру
 Поэтовъ любить молодежь:
 Вчера ей Надсонъ былъ по праву,
 Сегодня Фофановъ, а тамъ
 Кто знаетъ...

К Р И Т И К Ъ .

И такимъ пѣвцамъ,
 Какъ сынъ вашъ, дать почетъ и славу!
 О, да, кто знаетъ!..

Я и самъ
 Подчасъ готовъ повѣрить чуду;

Но передъ вами лгать не буду:
 Всѣ ваши хлопоты—едва-ль
 Окупятся...

ГОСТЬ.

Жаль, очень жаль!
 Но развѣ не отъ рецензентовъ
 Зависитъ въ публикѣ успѣхъ?
 Какъ раздаватели патентовъ,
 Они одни волнуютъ всѣхъ
 Литературныхъ претендентовъ...
 А вы, почтенный, какъ на грѣхъ,
 Меня приводите въ смущенье.

КРИТИКЪ.

Успѣхъ зависить отъ умѣнья
 Его добиться...

ГОСТЬ.

Это какъ??

КРИТИКЪ.

У насъ замѣтять и писаку,
 Коли полѣзеть онъ на драку,

Какъ патентованный пошлякъ.
 Пусть отличится на дуели,
 И, не шутя, на самомъ дѣлѣ,
 Чужую увезетъ жену,
 Или свою другимъ уступить,
 Или безъ денегъ землю купить
 И выгодно продать въ казну;
 Пусть угодить всѣмъ шелопаемъ,
 А честнымъ людямъ насолить,—
 Навѣрно будетъ знаменить...
 И всѣ мы нѣхотя узнаемъ
 Его таланты.—Да, тогда
 Успѣхъ и слава! Вѣдь безстыдство
 Во всѣхъ внушаетъ любопытство,—
 Всѣ любятъ ахать. Иногда
 И мы способствуемъ успѣху:
 Начнемъ писаку пробирать,
 Да такъ, что всѣ помрутъ со смѣху,—
 И книгу стануть раскупать.
 По-моему, такая слава
 Не стоитъ мѣднаго гроша...

Г О С Т Ъ .

Какой, вы злой, однако, право!..

КРИТИКЪ.

И злость бываетъ хороша,
 Когда она умна и кстати;
 Помилуйте, едва съ кровати
 Успѣшь встать, едва халать
 Пакинешь, какъ уже звонятъ...
 И вѣрите ли? въ двѣ недѣли
 Поэтовъ около осьми
 Перебывало..

ГОСТЬ.

Чортъ возьми!
 Они и мнѣ бы надоѣли..
 Недаромъ сынъ мой такъ робѣлъ...

КРИТИКЪ.

Да-съ, незавидѣнъ нашъ удѣлъ.
 Не принимать,—нельзя,—не знаешь,
 Гдѣ что найдешь, что потеряешь,—
 И какъ-то жутко принимать...—
 Иной такъ слезно умоляетъ
 Прочеть стиховъ его тетрадь,
 Что просто духу не хватаетъ,—

Не отбоярисься никакъ...
 Другой читать начнетъ, дуракъ,
 Читаетъ плохо, завываетъ:
 «Впередъ, сограждане, впередъ!»
 Бранить и власти, и народъ,—
 Но вѣрить, что людей пороки
 Исправятъ новые пророки,
 И что онъ самъ одинъ изъ тѣхъ,
 Которыхъ въ мѣръ ждетъ успѣхъ.
 Подумаешь,—какая вѣра!
 Стихи же плохи: нѣтъ размѣра,
 Нѣтъ вкуса, грамотности нѣтъ...
 А скажешь, что таланта нѣтъ,
 Глядишь,—пророкъ мой чуть не плачетъ,
 Стоитъ съ убитою душой,
 Не довѣряетъ мнѣ... Иной
 Притащитъ цѣлый томъ, такой,
 Что хоть кого такъ озадачитъ!
 И видно по лицу—добрякъ,
 Быть можетъ, даже весельчакъ...
 Войдетъ и скажетъ: выбирайте,
 Что вамъ по вкусу... Помѣщайте
 Все, что хотите,—только, знайте,
 Нельзя мнѣ даромъ помѣщать:
 О говорарѣ не забудьте;—

Пожалуйста, не обезсудьте...
 Въдъ у меня жена и мать,
 Да имъ въ придачу два ребенка.
 На службѣ я, но мнѣ даютъ
 Сто сорокъ въ годъ (дороже конка...),
 Ей-Богу,—если не спасутъ
 Стихи,—повѣшусь. Трудно стало
 Хлѣбъ добывать... Жена пристала:
 Давай ей деньги на расходъ...
 Ну, думаю, сперва помучу,
 Потомъ обрадую—и вотъ,
 Вотъ-съ, написалъ какую кучу!
 — Смѣшно и жалостно!

Иной

Придетъ, на видъ совсѣмъ больной.
 Какъ жертва жалкаго бездѣлья,
 Влюбленный, онъ чего-то ждетъ,—
 И вдохновенье, какъ похмѣлье
 Къ нему приходитъ; онъ поетъ—
 И ласки дѣвы въ часъ свиданья
 На лонѣ царственной весны,
 И дивной страсти обаянье,
 И упоительные сны,
 Зарю, улыбки и рыданья.
 И ужъ, конечно, своего

Тутъ не найдете ничего:
 Все это пѣто, перепѣто,
 Все это пахнетъ музой Фета,
 Иль музой Тютчева... Иной,
 Поклонникъ пламенной природы,
 Живописуетъ горы, воды,
 Ночныя бури, хороводы
 Далекихъ звѣздъ, волны прибой,
 Зарю и тишь передъ грозой.
 Но явно умъ пѣвца не ладитъ
 Съ воображеньемъ,—не даетъ
 Себѣ отчета. Безъ хлопотъ
 Иной природу такъ нарядитъ
 Въ янтарь, и въ фольгу, и въ атласъ,
 Что кажется: прищуря глазъ,
 Поэтъ взявъ призму и наводитъ
 На все граненое стекло,—
 И все такъ радужно, свѣтло,
 И все пестро такъ, что походить
 То на ручной калейдоскопъ,
 То на мозаику:—вникаешь
 И трешь глаза, и морщишь лобъ,—
 И ничего не понимаешь...
 Есть форма, но она пуста,—
 Красиво, но—не красота.

Спросите: гдѣ эти лилеи,
 Нарцисы, лавры, купы розъ,
 Чинары, темныя аллеи,
 И капли жемчуга и слезъ,
 Въ какомъ такомъ подлунномъ мірѣ,—
 Въ Россіи или въ Кашемирѣ?!
 Не спрашивайте!—Самъ поэтъ
 Вамъ затруднится дать отвѣтъ.
 Онъ только тонко улыбнется
 И скажетъ: это зря поется,
 По вдохновенью,—такъ, пришла
 Фантазія и создала...
 / Извольте тутъ имѣть терпѣнье
 И предъявлять свои права
 На критику... Слова, слова!..
 Потеря времени...

г о с т ь.

Намѣрень

Я васъ спросить... ну да, спросить:
 Что надо вамъ, чтобъ угодить,—
 Чего хотите вы?

к р и т и к ѣ.

Увѣрень,

Что народившійся поэтъ,

Тотъ, кто въ душѣ задатки носить,
 Къ намъ не придетъ и насъ не спроситъ:
 Есть у него талантъ—или нѣтъ.
 Орелъ не спроситъ у кукушки,
 Орелъ онъ или воробей...
 И соловей,—пой хоть въ избушкѣ
 У нищаго,—все соловей.
 Кто можетъ дать ему совѣты
 Какъ пѣть?—Никто... Такъ и поэты.

г о с т ь (п р о с е б я).

Иной орла отъ воробья
 Не отличить, а поучаетъ!

К Р И Т И К Ъ.

Вы думаете про меня:
 — Онъ всѣ таланты распугаетъ;—
 Пѣть, знаете,—не такъ легко
 Пугнуть того, кто далеко
 Глядитъ и высоко летаетъ,—
 Повѣрьте.

г о с т ь.

Это въ утѣшенье
 Вы говорите мнѣ?

КРИТИКЪ.

Ну, нѣтъ!

Разочаруйтесь: нѣтъ сомнѣнья,
 Что сынъ вашъ вовсе не поэтъ.
 Придетъ поэтъ и трезво взглянетъ
 На жизнь, и воспѣвать не станетъ
 Того, что грезится глупцамъ
 Или влюбленнымъ гимназистамъ,
 Не станетъ вторить эгонстамъ:
 «Отдайтесь нѣгѣ». Нѣтъ, онъ самъ,
 Какъ свыше одаренный властью
 И жаждой истины томимъ,
 Пойметъ, что онъ владѣетъ страстью,
 А не она владѣетъ имъ.
 Вѣдь что такое эти страсти,
 Восторги, думы, гнетъ напасти,
 И все, что въ насъ волнуетъ кровь,—
 Надежда, ненависть, любовь,—
 Для мысли или для искусства?
 Не больше, какъ матеріалъ;—
 Но—не доскутья, а металлъ,
 Что вынесетъ любой закалъ,—
 Та сила, что творить на свѣтъ
 Не мало всяческихъ чудесъ;

Вотъ что заложено въ поэтѣ,
 И что даетъ таланту вѣсь.
 Бездушень, кто не понимаетъ,
 Насколько тотъ богатъ душой,
 Кто дерзновенною рукой
 Намъ перлы творчества бросаетъ.
 Онъ свѣтъ не скоро удивить.
 Никто вначалѣ не рѣшить,—
 Въ годъ или два поэтъ истратитъ
 Свои сокровища, иль хватитъ
 Даровъ его на много лѣтъ.
 Лукавый недовѣрчивъ свѣтъ...
 Но, если чуетъ онъ богатство
 Неистощимое, тогда
 Безплодны зависть и вражда:
 Поэтъ богачъ,—не знаетъ рабства
 И вѣдь обычнаго суда.

Г О С Т Ъ .

Я кой-чего не понимаю...
 Вы увлеклись,—я не слыхалъ,
 Чтобъ кто-нибудь такъ разсуждалъ
 По поводу стиховъ... но знаю,
 Что мой сынокъ не безъ огня,
 И это радуеть меня.

Присядеть—и стихотворенье
 Уже готово,—вдохновенье
 И рюмы гонятся за нимъ,—
 Онъ ими точно одержимъ...

КРИТИКЪ.

Коли матеріалъ не дорогъ
 И слишкомъ ёмокъ,—трудъ не дологъ:
 Изъ воску или изъ тафты
 Не долго смастерить цвѣты;
 Но взять алмазъ въ корѣ и сразу
 И грань, и блескъ придать алмазу,
 Или изъ мрамора изсѣчь
 Огонь лица и холодъ плечъ,—
 Увы! нельзя... Тутъ нужно время,
 И что же!.. Молодое племя
 Поэтовъ мыслить не шутя,
 Что можно, рукава спустя,
 Создать *шедевры*...
 Мы скоро цѣлые вагоны
 Стихами будемъ нагружать,
 Чтобъ ихъ въ журналы посылать...
 Поэты цѣлыми толпами
 Идутъ на русскій Геликонъ...—

И я боюсь, что рухнет онъ,—
Провалится подъ ихъ ногами.

Г О С Т Ъ .

Ну, что вы бредите, Богъ съ вами!

К Р И Т И К Ъ .

Вънки и рѣчи похоронъ,
Парадъ и тосты юбилесвъ,
Некрасовъ, Алексѣй Плещеевъ,
И Феть, и Майковъ Аполлонъ,
И прочіе изъ той же свиты
У насъ прошли не безъ вреда...
Такъ разгорѣлись аппетиты,
Что злобы дня почти забыты,
И молодость не молода:—
Хандрить, мечтаетъ дома сидя,
И, гула славы не предвидя,
Стыдится честнаго труда.

Г О С Т Ъ .

Чортъ знаетъ, что вы говорите!

К Р И Т И К Ъ .

А думайте, какъ вы хотите!..
Я боленъ,—стихотворный бредъ

Меня до тошноты, до боли
 Преслѣдуетъ... Я поневолю
 Самъ глупо брежу, какъ поэтъ,
 И думаю,—не оттого ли
 Все это (Боже упаси!),
 Что сотни тысячъ на Руси
 Сидятъ безъ дѣла, что трудиться
 Одинъ лѣнивъ, другой боится...
 Недаромъ, точно за грѣхи,
 Осуждены—одни—на карты,
 На *винтъ*, другіе—на стихи!

.

Г О С Т Ъ .

Прощайте!

(*въ передней*).

Чортъ васъ побори!
 Какое гнусное презрѣнье
 Питаютъ эти господа
 Къ роднымъ поэтамъ... Никогда
 Не заходилъ бы я сюда—
 Спасать карманъ отъ разоренья...
 Какое недоразумѣнье!!

~~~~~

ЗИМОЙ, ВЪ КАРЕТЪ.

Вотъ, на каретныхъ стеклахъ, въ блескъ
 Огней и въ заревъ костровъ,
 Изъ блѣдныхъ линій и цвѣтовъ
 Морозъ рисуеть арабески;
 Бѣгутъ на смѣну темноты
 Не фонари, а пятна свѣта,
 И катится моя карета
 Средь этой мглы и суеты.

Огни, дворцы, базары, лица
 И небо—все заслонено...
 Миражемъ кажется столица,—
 Тѣнь сквозь узорное окно
 Проносится узорной дымкой;
 Клубится парь, и,—мнится мнѣ,
 Я самъ, какъ призракъ, невидимкой
 Усѣлся въ тряской тишинѣ.

Скрипятъ тяжелыя колеса,
 Теряя въ мглѣ слѣды свои;
 Меня везуть, и нѣтъ вопроса:
 Бѣгутъ ли лошади мои.
 Я самъ не знаю, гдѣ я ѣду,—
 Заботливый слуга страстей,—
 Я словно радъ ночному бреду,
 Воспомянью давнихъ дней.

И снится мнѣ,—въ холодномъ свѣтѣ
 Еще есть теплый уголокъ...
 Я не одинъ въ моей каретѣ...
 Вотъ-вотъ сверкнулъ ея зрачекъ...
 Я весь въ пару ея дыханья,—
 Какъ мнѣ тепло на зло зимѣ!
 Какъ сладостно благоуханье
 Весны въ морозной полутьмѣ!

Очнулся—и мечта поблѣкла,—
 Опять, румяный отъ огней,
 Морозъ забрасываетъ стекла
 И вѣетъ холодомъ. Злодѣй!
 Онъ подглядѣлъ, какъ сердце билось,
 Любовь и страсти, и мечты,

И вздохъ мой—все преобразилось
Въ кристаллы, звѣзды и цвѣты.

Ткань ледяного ихъ узора
Вросла въ края звенящихъ рамъ,
И нѣтъ глазамъ моимъ простора,
И нѣтъ конца слѣпымъ мечтамъ!
Мечтать и дрогнуть не хочу я,
Но—каждый путь ведетъ къ концу
И скоро, скоро подкачу я
Къ гостепріимному крыльцу.

ВЪ ДЕНЬ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ А. А. ФЕТА.

(1889 г. 28-го января).

Ночи текли,—звѣзды трепетно въ бездну лучи свои сѣяли...

Капали слезы,—рыдала любовь,—и алѣлъ

Жаркій разсвѣтъ,—и тѣ грезы, что въ сердцѣ мы тайно
лелѣяли,

Трель соловья разносила, и—бурей шумѣлъ

Моря сердитаго валь,—думы зрѣли, и—рѣяли

Сѣрыя чайки...

Игру эту боги затѣяли...

Въ ихъ міровую игру Феть замѣшался и пѣлъ...

Пѣсни его были чужды суеть и минутъ увлеченія,

Чужды теченью излюбленныхъ нами идей:

Пѣсни его вѣковыя,—въ нихъ вѣчный законъ тяготѣнія

Къ жизни—и нѣга вакханки, и жалоба фей...

Въ нихъ находила природа свои отраженія...

Были невняты и дики его вдохновенія
Многимъ,—но тайна боговъ требуетъ чуткихъ людей.

Музыки выпренній геній не даромъ любилъ сочетанія
Словъ его, спаянныхъ въ «нѣчто» душевнымъ огнемъ;
Геній поэзіи видѣлъ въ стихахъ его правды мерцаніе,—
Капли, гдѣ солнце своимъ отраженнымъ лучемъ
Намъ говорило: «я солнце!» И пусть геній знанія
Съ вѣчно пытливымъ умомъ, уходя въ отрицаніе,
Мимо проходитъ,—нашъ Феть—русскому сердцу знакомъ.

ФАНТАЗІЯ.

Natura nunquam facit saltum...

Св. Діонисій Ареопагитскій.

De la forme nait l'idée.

Flober.

То былъ во тьмѣ вѣковъ забытый нами вѣкъ...
 Съ душой ребенка звѣрь двуногій — человекъ
 Былъ существо косматое и злое;
 Стрѣлою билъ онъ птицъ — орловъ и лебедей,
 Зазубреннымъ копьемъ пещерныхъ билъ звѣрей;
 Голодный, кости ихъ глодалъ и ѣлъ—сырое;
 Отъ зимней стужи мѣхъ спасалъ его дѣтей,
 Которыхъ нагота отъ солнечныхъ лучей
 Казалась бронзовой, пеклась на лѣтнемъ зноѣ...

Проворно лазилъ онъ по скаламъ, по стволамъ
 Деревъ, и вольная дикарка-дѣва, съ бою

Имъ грубо смятая, шла по его слѣдамъ
 Уже послушною рабою...
 Кой-гдѣ гнѣздо его торчало изъ озеръ
 На сваяхъ, чтобъ къ нему не заползали звѣри;
 Какъ норы, низменныя двери
 Не замыкались на запоръ;
 И каменный въ лѣсу стучалъ его топоръ...

Внимая гулу бурь, обваловъ, изверженій,
 Огнями дышащихъ, колеблющихся горъ,
 Или потоку водъ въ разливъ отъ наводненій,
 Отважный звѣроловъ смиренно сознавалъ
 Свое безсиліе, глазами силу мѣрилъ
 Неодолимую,—чему-то смутно вѣрилъ...
 Но не моляся и не измышляя
 Ни алтарей, ни жертвоприношеній.
 А надъ землею носился вѣчный геній,
 И небу, и землѣ родной,
 Полуземной, полунебесный,
 Никѣмъ невидимый, неслышанный, неизвѣстный:
 Его удѣлъ былъ предопредѣленъ —
 Сопровождать померкшую планету,
 Все обреченное на бдѣніе и сонъ
 Оберегать, и звать къ божественному свѣту
 Того, кто свыше одаренъ.

Духъ увываль,—молніеносной тучей
 Прикрывъ главу свою, поникъ онъ надъ страной,
 Гдѣ море синее размыло мѣловой
 Надломленный утесъ, и плещется зыбучей
 Своею пѣною въ песокъ береговой.
 И видитъ духъ: на мысь къ своимъ ладьямъ сбѣгасть
 Народъ, въ лѣсу застигнутый грозой,
     Гогочеть, машеть, завываетъ,
     Какъ будто, глядя на прибой,
 Тамъ каждый каждую волну передовую
 Жалѣеть какъ волну, сѣтямъ его родную,
 Гонимую въ грозѣ сверкающимъ дождемъ,—
 И тщетно молніи грозить своимъ копьемъ...
 И, сжалясь надъ людьми и унимая громъ,
 На аломъ рубежѣ земного дня и ночи
 Духъ поднялъ къ небесамъ мерцающія очи.

Пронзая взорами горящій неба сводъ,
 Онъ, въ глубинѣ глубинъ и въ высотѣ высотъ,
     Съ благоговѣйнымъ напряженьемъ
 Искаль Того, Кого зовемъ мы Богъ.
 Онъ ощущалъ Его, но созерцать не могъ;—
 И, весь проникнутый блаженнымъ ощущеньемъ
     Его любви, возопіялъ къ Нему,—

Къ Отцу и Богу своему,—

Какъ бы съ сыновнимъ сокрушеньемъ:

— Смотри, что создано Твоимъ прикосновеньемъ,—

Какихъ звѣрей Ты одарилъ душой!

Ужъ если я... я, присный ангель Твой,

Едва ээирною прикрытый оболочкой,

Блюститель сей земли, что въ безднѣ міровой,

Какъ въ вихрѣ, движется едва замѣтной точкой...

Ужъ если я, который ликоваль,

Когда Твоя любовь себя изобличала,

Не могъ постичь Тебя,—предвѣчное начало—

Начало всѣхъ началъ!..—

Постигнетъ ли Творца природы злое чадо?!

На утрѣ бытія не я ли созерцаль,

Какъ мириады солнць зажегъ Ты, какъ пылаль

Вселенскій Твой пожарь, какъ малая лампада

Въ Твоемъ дому! Не я ли трепеталь,

Когда огонь ихъ гасъ и свѣтъ ихъ померкаль!

Но духи свѣтлые изъ праха ихъ рождались,

И новые міры безъ дыма загорались,

И вновь несмѣтный хоръ безсмертныхъ ликоваль.

Все видѣлъ я, все знаю; а они,—

Тѣ, что влачатъ Тобой отмѣренные дни,

Переходя отъ хлада къ зною,
 Отъ повседневнаго труда къ борьбѣ съ нуждою,—
 Что видѣли? Что знаютъ?.. Полувѣрь,
 Одной своей добычи запахъ чую,
 Повѣрить ли, когда ему скажу я:
 Несчастный! вѣрь!—

И вотъ, какъ тихій звонъ, благую вѣсть несущій,
 Раздался Божій гласъ на гласъ Его зовущій:
 — Я шлю Фантазію. Прими ее, какъ дочь
 Моей любви, она тебѣ поможетъ...
 Пусть каждый вѣритъ Мнѣ, по мѣрѣ силъ, какъ можетъ.

Очнулся духъ земли и онѣмѣла ночь...
 Небесное видѣнье появилось
 На легкомъ облакѣ, и небо засвѣтилось:
 Три радуги кольцомъ тройнымъ
 Прошли по облакамъ воздушнымъ и перистымъ
 И, окружая дискъ ночной луны цвѣтистымъ
 Велколѣніемъ своимъ,
 Затмили яркихъ звѣздъ далекое мерцанье;

А полная луна раскинула сіянье
 На всѣ четыре стороны крестомъ,—

На сѣверь, югъ, востокъ и западъ. Мнилось,
 Самой природѣ чудо снилось,
 Когда Фантазія, съ вѣнцами на челѣ,
 Сошла въ земную мглу...

    Что грезилось землѣ
 Въ ту мѣсячную ночь!?.— когда въ ночномъ теплѣ
 Дремали женщины и дѣти,
 И не стучалъ топоръ, и праздно висли сѣти
 Надъ темнымъ зеркаломъ озерь...

Уже потухъ блестящій метеоръ...
 Дикарь задумчиво глядѣлъ на тѣ плеяды,
 Откуда брезжилъ свѣтъ и капала роса; —
 Впервые Божьи небеса,
 И стрекотаніе цикады,
 И соловьи, и скалы, и лѣса
 Съ его душой заговорили
 Про чудеса, какъ про такія были,
 Которыя ихъ прадѣды забыли
 И безъ которыхъ трудно жить...—
 Пришла Фантазія и начала творить.

И вѣгъ прошелъ, и та же вся природа,
 И тотъ же духъ земли, дыша грозой, встаетъ

Надъ высотами горъ и тяжко вопіетъ:

— О Всемогущій! тамъ въ лоцинѣ, возлѣ брода

Черезъ ручей,— куда нерѣдко, всласть

Наѣвшись мяса, рваного когтями,

Пятнистый барсъ свою макаетъ пасть

И локчетъ воду,—тамъ, опутанный плющами,

Обломокъ каменный стоитъ, зарывъ въ песокъ

Свою пяту; онъ былъ отъ скалъ оторванъ

Въ ту ночь, когда былъ наводненьемъ прорванъ

Размытый горный кряжъ и пролился потокъ,

Чтобъ дать Твоимъ лѣсамъ дышать въ Твоей пустынѣ.

Фантазія нашла тотъ камень,—тотъ гранить,

И придала ему необычайный видъ:

Глаза — на лбу; тупой, по серединѣ

Свирѣпой морды, носъ торчить

Надъ зѣвомъ; но уродливаго тѣла

Фантазія додѣлать не сумѣла,—

Оставила его безъ ногъ...

И долго дикари на чудище коснулись...

Вдругъ, ужасомъ объятые, взмолились

И поползли къ нему.—И взвыли: ты нашъ богъ!

— Помилуй насъ!.. Толпа вообразила,

Что это онъ послалъ къ нимъ льва и крокодила,

И что когтистый барсъ былъ посланъ тоже имъ,---

И въ жертву идолу несетъ, въ огонь и дымъ,
 Несчастныхъ плѣнниковъ и свѣжую добычу.
 Бездушной плоти поклонилась плоть
 Одушевленная!.. О! не внимай, Господь,
 Ихъ суетной мольбѣ и дикому ихъ кличу;
     Фантазію изъ міра отзови,
 И праведный мой гнѣвъ благослови,
 И на печаль мою откликнись, Всемогущій!..

И Богъ откликнулся на гласъ, Его зовущій.
 — Оставь Фантазію творить имъ образъ Мой:—
 Пусть камень говоритъ ихъ сердцу какъ живой,—
 Фантазія Мой даръ... Ее Мы не осудимъ...
 Все, что творить она,—она творить по людямъ
 Или по мѣрѣ ихъ ребяческихъ умовъ:
 Ихъ мысль въ зародышѣ,—у нихъ немного словъ...

. . . . .
     Но полу-звѣрь есть въ то же время
     И полу-человѣкъ...
 Лишь въ немъ иныхъ судебъ таится Божье сѣмя...
 Вращаніе планетъ несетъ за вѣкомъ вѣкъ
 И нанесетъ землѣ инья наслоенья,
 И возрастутъ инья поколѣнья,
 И, водворяя власть любви, и красоты

И челоѣчности, Фантазія страдавю
 Дастъ высшій смыслъ и поведеть
 Отъ созерцанья къ міросозерцанью;
 И воплотится духъ, и много разъ умреть
 И будетъ воскресать, и челоѣкъ воздвигнетъ
 Иной алтарь, и Сущаго постигнетъ
 И столько же, *насколько—ты...*

Замолкъ... И, какъ лучи отъ 'солнца полосами
 Проходятъ въ темнотѣ и свѣтятся въ пыли,
 Такъ и Его глаголы перешли
 Съ лица померкнувшей земли
 Къ инымъ мірамъ—бесѣдовать съ духами.

* * *

Я врагами богатъ и друзьями,
Стало быть, и вражда—не бѣда,
Но бѣда, что сильна, и криклива,
И смѣла боевая вражда.
А наивная дружба готова
Мнѣ и денегъ, и славы желать,
Но робка, щекотлива и любить,
Молча мнѣ сострадаю, вздыхать.
И я, право не знаю, что лучше,—
Эта дружба или эта вражда?
Поневожъ, завидуя силѣ,
Я врагами горжусь иногда.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1870—1875.

С.-Петербургъ.

	СТРАП.
Вложи свой мечъ	1
За непогрѣшимость	5
Когда я былъ въ неволѣ	9
Встрѣча	11
Врагамъ правды	17
Зимняя пѣсня русадокъ	18
Въ приливъ	20
Библиографы	22
Міазмъ	24
Шиньонъ	30
Поэзія	35
Замогильный голосъ	38
Музыка	40
Симеонъ, царь Болгарскій	41
На желѣзной дорогѣ	47
Откуда?!	50
Мой умъ подавленъ былъ тоской	52
Колыбель въ горахъ. (Съ чешскаго)	53
Диссонансъ	58
Старые и новые духи	61
Въ городкѣ	66
Кораблики	67

	СТРАН.
Прости имъ	69
Въ наводненіе	70
О Н. А. Некрасовѣ	71
Въ ребяческіе дни...	73
Полярные льды.	74
Два жребія	76
Когда октава за октавой	82
Въ глуши.	83
Міровая ткань	85
Поэту-гражданину.	87
Темный человѣкъ.	89
Въ дурную погоду	90
Въ дни, когда надъ соннымъ моремъ.	92
Помѣшанная.	93
Письма къ Музѣ—I, II.	98
Рознь	115
Заря подъ тучами...	119
Есть рѣчи	120
Хромой	121
Муза	123
Двѣ фіалки	125
Я не боюсь враговъ.	128
Казимиръ Великій	129
Изъ Бурдильена	137
На улицахъ Парижа.	138
Тяжелая минута	141
Въ степи	143
Елка	148

1875—1880.

С.-Петербургъ.

	СТРАН.
Чтобы пѣсня моя разлилась, какъ потокъ	156
Блаженъ озлобленный поэтъ	157
Ночная дума	159
Молчи, минутнаго покоя не тревожь	161
Отрочество	164
Что съ ней?	166
Нагорный ключъ	171
Утѣсь	175
Слѣпой таперъ	179
Въ тѣлѣгѣ жизни	182
Вѣчный жидъ	183
Болгарка	189
Грѣзы	191
Ренегать	195
Туда!	199
Царь-Дѣвица	201
Труженица	204
Духъ вѣка	216
Памяти Ѳ. И. Тютчева.	218
Спирить	220
У окна.	221
Подъ краснымъ крестомъ	222
Какъ скорлупу топчетъ птица...	227
Костыль и Тросточка (басня)	228
Безпутный годъ	233
Сбѣжавшая больная	237

	СТРАН.
Видѣніе Османа	241
Холодная любовь	245
Онъ человекъ былъ...	246
Какое дѣло вамъ, счастливыя	247
На закатъ	248
Сонъ язычника	250
Глаза и умъ, и вся блестяшь ты	257
На искусь	258
Гипотеза	260
Могила въ лѣсу	261
И. С. Тургеневу	263
Я красоты не разлюбилъ	271
Нина Александровна Грибоѣдова	272
Натурищица	282
Въ гаремъ брань и плачь	285
Въ потерянномъ раю	286
Старая няня	289
Въ минуту утраты	295
Пусть злая осень добила дождемъ	296
Что мнѣ она!	297
Я умерь, и мой духъ умчался	299
Сфинксъ	300
Опасеніе	303
Увидалъ изъ-за тучи утесъ	305
Любя колосьевъ мягкій шорохъ	306
Поздняя молодость	307
Стихотворенія въ прозѣ	309

1880—1885.

С.-Петербургъ.—Одесса.

	СТРАН.
А. С. Пушкинъ	312
Очеркъ	317
Прометей	318
Н. Г. Троицкому	321
У гроба Н. С. Тургенева	322
В. А. Жуковскій	324
Вечерніе огни	326
Московскимъ торгашамъ	328
Старикъ	330
Умирающій	331
Ночью	337
Струйка	338
Проходите толпою, трусливо блуждающей	339
Аллегорія	341
Съ колыбели мы, какъ дѣти	343
То въ темную бездну...	344
Томить предчувствіемъ болѣзненный покой	345
На каланчѣ	347

1885 — 1890.

	СТРАН.
С.-Петербургъ.	
Дѣтство нѣжное, пугливое.	355
Н. И. Лорану	357
Орелъ и голубка	360
У храма	363
Любви не боялась ты, сердцемъ созрѣвшая рано	366
Свѣтлое Воскресенье.	367
Памяти В. М. Гаршина.	369
Для сердца нѣжнаго и любящаго страстно.	373
А. А. Фетъ	374
15 юля 1888 года	376
Въ альбомъ Андо.	380
Эротъ	382
У двери	383
Они.	389
Стансы	391
Завѣтъ	392
Въ засуху	394
Лебедь.	396
На снѣжной равнинѣ	399
Золотой телець	401
Пугливъ и чутокъ зайка сѣрый	406
Въ хвойномъ лѣсу	407
Черногорскій ключъ	408
На мотивъ одной старой французской легенды	410
Подросла	413
Разговоръ	417
Зимой, въ каретѣ	439
Въ день 50-лѣтняго юбилея А. А. Фета.	442
Фантазія	444
Я врагами богатъ и друзьями	453